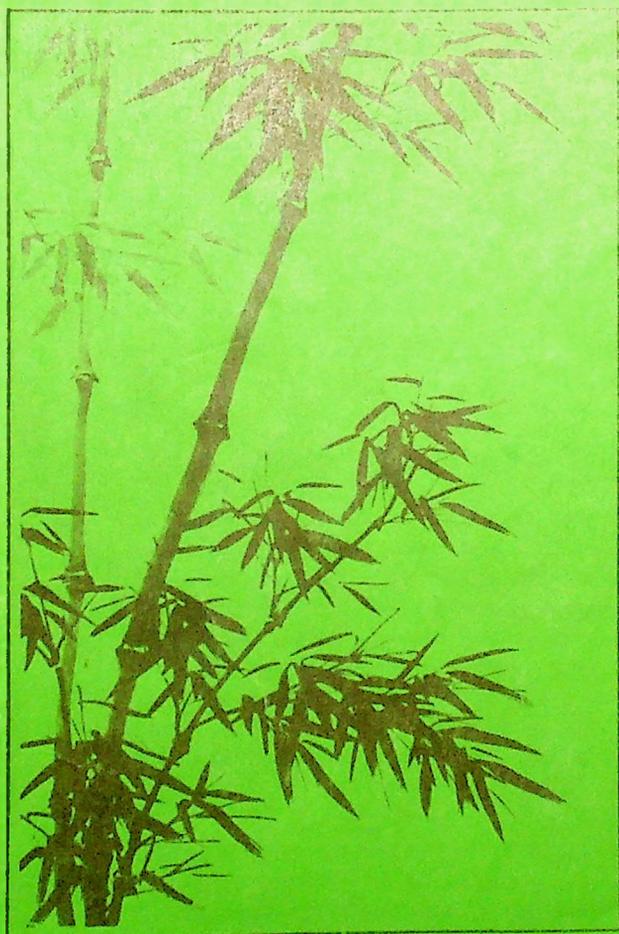

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131 — 2812

1/97

Россия, Китай, Япония
и США в АТР

●
Россия и Китай
на пороге XXI века

●
Концепция экономической
реформы в КНР

●
XI конференция Европейской
ассоциации китаеведения

●
Когда начиналась новая
история Китая

1 — 203.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

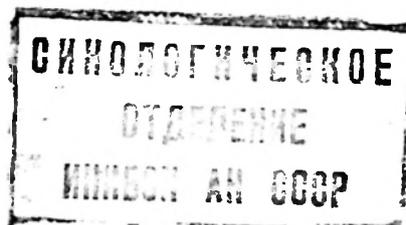
1/97

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

РЕГИОН

<i>М.Титаренко.</i> С новыми подходами навстречу XXI веку (Россия, Китай, Япония и США в АТР).....	3
<i>В.Рахманин.</i> Россия и Китай: на пути к стратегическому взаимодействию.....	10
<i>В.Ларин.</i> Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы?.....	15
<i>В.Михеев.</i> Российские подходы к проблеме участия России в азиатско-тихоокеанской интеграции.....	27
<i>В.Павлятенко.</i> Японские взгляды на экономическую безопасность, ч. 1.....	34
<i>А.Семин.</i> Интересы Японии в Восточной Азии и Китай.....	43

ЭКОНОМИКА

<i>П.Мозиас.</i> Привлечение иностранного капитала в акционерной форме: опыт КНР, ч. 1.....	49
<i>В.Портяков.</i> Концепция экономической реформы в КНР. формирование и эволюция (окончание).....	60
<i>Д.Шаринов.</i> О рынке имущественных прав КНР (на примере Шанхайской биржи имущественных прав).....	67

ИСТОРИЯ

- Л.Березный.* Когда начиналась новая история Китая?.....71
В.Киселева. Значение культурной адаптации для католического миссионерства в Китае 82

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- А.Волохова.* Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии при МИД России (1903-1917 гг.).....96

РЕЛИГИЯ

- В.Малявин.* Феномен синкретических религий в Китае, ч. 1.....107

ФИЛОСОФИЯ

- А.Ломанов.* Международный коллоквиум в Торонто "Будущее китайской мысли".....122

МЕМУАРЫ

- Р.Вяткин.* Мои встречи и переписка с В.С.Колоколовым.....127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н.Самойлов.* Четвертая научная сессия по историографии и источниковедению истории Китая.....133
С.Горбунова. XI международная конференция Европейской ассоциации китаеведения.....138
Н.Мамаева. К 130-летию со дня рождения Сунь Ятсена.....142
К.Кукушкин. Научная конференция Центра исторических и политических исследований Китая ИДВ РАН 143

РЕЦЕНЗИИ

- Н.Тебин.* Япония - наш деловой партнер. Спецвыпуск еженедельника зарубежной внешнеторговой информации "Коринф" 146
В.Андреанов. Л.В.Новоселова. Инвестиционная политика и экономическая реформа в Китае 148
К.Барский. М.Свейн. Роль НОАК в определении политики по вопросам национальной безопасности 151
И.Казаков. В.О.Кистанов. Япония в АТР: анатомия экономических и политических отношений.....155

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам.главного редактора), О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, В.В. Малявин, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (отв. секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Регион

С новыми подходами навстречу XXI веку (Россия, Китай, Япония и США в АТР)

© 1997

М.Титаренко

На будущее развитие ситуации в АТР в XXI веке, безусловно, окажут свое влияние нынешние факторы как благоприятного, так и негативного плана. К первым относятся:

- быстрый экономический рост многих государств региона (Японии, Китая, Кореи, так называемых "малых тигров"), укрепление экономических и политических позиций стран АСЕАН, а также стран Южной Азии, прежде всего Индии;

- углубление интеграционных процессов в Азиатско-тихоокеанском регионе;

- наличие определенной политической устойчивости стран региона.

Особо следует сказать о новой атмосфере партнерства, взаимопонимания или улучшения отношений между великими державами, соприкасающимися в Северо-Восточной Азии: Китаем, Японией, Америкой и Россией. Россия приветствует добрые связи Китая с Японией и Америкой. В свою очередь США признают конструктивное значение для ситуации в АТР развития позитивного, добрососедского сотрудничества между Россией и Китаем.

Вместе с тем, разрабатывая свою долгосрочную политику, Москва не может не учитывать, что в АТР проявляются не только положительные тенденции. Прежде всего, во многом продолжает действовать инерция "холодной войны" и конфронтационных подходов, особенно в отношении России. Существуют и другие серьезные источники напряженности, которые требуют как от России, так и от всех стран региона соответствующего реагирования. В Азии сохраняются проблемы разделенных наций (Корея, Тайвань). Азиатско-тихоокеанский регион стоит также перед сложнейшими вызовами, которые бросают ему быстро нарастающее демографическое давление и углубляющийся экологический кризис. Между 40 государствами АТР наличествуют те или иные пограничные проблемы либо взаимные территориальные притязания.

Наконец, нельзя не сказать о росте военных приготовлений во многих странах Азии. Растут военные бюджеты, закупается или производится совре-

менная военная техника. К тому же в регионе отсутствует механизм контроля над вооруженными силами и вооружениями, заметно возрастает угроза распространения ядерного оружия.

В то же время нельзя забывать, что АТР остается зоной действия стратегических сил США и России, хотя и ограничена договорами об СНВ. Зреет проблема подключения всех ядерных государств мира к подобным договорам.

Россия с пониманием воспринимает разумное военное присутствие США в Азиатско-тихоокеанском регионе, которое может играть позитивную роль в поддержании стратегической стабильности в Азии. В то же время Россия, как и Китай, выступает против политики гегемонизма, попыток решать проблемы с позиций политики силы, командования, вмешательства во внутренние дела. Ни к чему хорошему, по нашему мнению, продолжение такой политики, кроме возрождения новой "холодной войны", не приведет.

Москва не может не учитывать, что на фоне быстрого экономического развития АТР и нарастающего в ряде его стран демографического давления отставание и малая заселенность Сибири и российского Дальнего Востока становятся факторами, угрожающими целостности РФ и ее позициям в регионе. По той же причине Москва в разработке своей долгосрочной внутренней и внешней политики должна исходить из нового геополитического качества ситуации в Северо-Восточной Азии. Речь идет о стремительном экономическом росте Китая и Японии, с одной стороны, и экономическом кризисе, переживаемом ныне Россией. Уже сегодня Китай и Япония "дышат в спину" идущим пока впереди США. Это порождает конфронтацию и соперничество в форме торговых войн и т.п. Думается, что курс России на ускорение развития Сибири и Дальнего Востока в сочетании с налаживанием сотрудничества со всеми странами региона, открытие Дальнего Востока и Сибири для иностранных инвестиций способны ослабить названные негативные проявления и превратить богатейшие природными ресурсами Сибирь и Дальний Восток в новый центр соразвития в США и Азиатско-тихоокеанском регионе в целом. И здесь мы ощущаем углубляющуюся взаимозависимость стран Азии. Внутренняя стабильность и целостность России отвечает интересам всех государств континента, призвана способствовать становлению взаимовыгодных отношений сотрудничества и взаимодействия в АТР.

Таким образом, политический климат и общая ситуация в Азии, особенно в США, в XXI веке в значительной мере будет зависеть от отношений как между великими державами, так и между всеми странами региона, экономическими и политическими группировками, существующими здесь. Особое значение имеют отношения в рамках четырехугольника: Китай, Япония, Америка, Россия.

Не вдаваясь в детали, хотелось бы подчеркнуть, что принципиальное значение для обеспечения стабильного развития региона имеет усиление российско-американского сотрудничества на азиатском направлении и окончательном преодолении стереотипов "холодной войны" в политических подходах США и ведущих партнеров этой страны в отношении к России и в какой-то мере в отношении Китая.

Россия, как и большинство стран региона, признает, что сохранение американских обязательств по обеспечению региональной безопасности в АТР, а также американо-японского сотрудничества в этой области имеет определенное стабилизирующее значение, если оно не связано с действиями гегемонистского толка.

Нельзя не приветствовать тот факт, что начинает складываться структура многостороннего диалога по проблеме безопасности в АТР. Важным шагом во этом направлении является создание регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности. Вместе с тем, в ряде областей интересы России и других стран региона не совпадают и даже сталкиваются.

Мы разделяем обеспокоенность по поводу нестабильности политики России, которую испытывают наши дальневосточные соседи. Все понимают, что Россия хотя и в сокращенном виде будет сохранять свое весомое военное присутствие в АТР, ибо без этого она не сможет обеспечить свои национальные интересы. Но это присутствие будет регулироваться соответствующими разоруженческими и другими соглашениями по контролю над вооружениями, достигнутыми между Россией и США, Россией и Китаем и другими странами региона.

В нынешней ситуации также, как США отдают приоритет своим отношениям с Японией, Россия считает приоритетным направлением развитие двустороннего сотрудничества с Китаем. Российско-китайское конструктивное партнерство все больше будет приобретать стратегическую значимость. Об этом говорится и в российско-китайском заявлении, подписанном в апреле 1996 г. Б.Н.Ельциным и Цзян Цзэмином. Однако стратегическое партнерство между Россией и Китаем, нацеленное в XXI век, было бы ошибочно трактовать как стремление двух стран к восстановлению военно-союзнических отношений. Это - взаимодействие на базе общих интересов и на параллельных курсах для обеспечения национальных интересов друг друга. Расширяющиеся российско-китайские обмены в области обороны не направлены против третьих стран, лимитируются оборонительными доктринами двух государств и носят открытый характер. Продажа вооружений Китаю также осуществляется с соблюдением международных соглашений, носит прозрачный характер и мотивируется прежде всего коммерческой целесообразностью.

Одновременно Россия хотела бы активизировать свою роль в сфере экономического сотрудничества со странами АТР и прежде всего с ее дальневосточными соседями. Цель такого сотрудничества - привлечь наших партнеров к развитию ресурсов Сибири и Дальнего Востока, с одной стороны, и на этой основе поэтапно интегрироваться в экономическое пространство в АТР. В этом плане Россия заинтересована в тесном взаимодействии со всеми экономическими международными организациями в АТР, включая АПЕК, поскольку Россия не входит в число членов этих государств. В 1995 г. она подала официальное заявление и надеется, что в ближайшем будущем она будет принята в эту организацию. Попытки отдельных стран не допустить вступление России в АПЕК является прямым отражением инерции "холодной войны" и конфронтационных подходов.

Россия видит свою будущую роль в АТР в тесной связи с превращением российского Дальнего Востока в новый центр развития и сотрудничества стран этого региона. Пока, к сожалению, Сибирь и Дальний Восток России остаются одними из самых депрессивных регионов страны, хотя обладают огромными потенциальными возможностями как с точки зрения природных ресурсов, так и значительного научно-технического потенциала.

Как известно, в апреле прошлого года накануне визита в Китай Президент Б.Н.Ельцин одобрил новую долгосрочную программу развития Дальнего Востока до 2005 г. Программа нацелена прежде всего на решение таких жизненно важных проблем, как:

- структурная перестройка экономики региона;

- конверсия значительной части предприятий ВПК, составляющая почти 60% всего экономического потенциала Дальнего Востока;
- улучшение социальной инфраструктуры и на этой основе прекращение оттока населения и его стабилизация;
- целый ряд конкретных шагов по включению обширного района России в экономическое сотрудничество в АТР.

Реализация этой программы требует огромных капиталовложений (как минимум около 200 трлн. руб.). По президентской программе долгосрочного развития российского Дальнего Востока и Забайкалья доля федерального бюджета составит около четверти всех вложений, причем государственные средства должны стать стимулом для привлечения сюда инвестиций из иных источников, в том числе и иностранных. Для ускорения социально-экономического развития российского Дальнего Востока благоприятные условия может создать максимально возможная интернационализация процесса хозяйственного освоения региона, включение его в региональную интеграцию в АТР, страны которого в последние десятилетия добились впечатляющих успехов в экономическом развитии. Задача состоит в том, чтобы российское правительство обеспечило комплексный подход к реформированию экономики Дальнего Востока. В противном случае это приведет к серьезным политическим трениям между центром и Дальним Востоком, которые, к сожалению, уже намечились.

Наряду с экономическими, политическими, военно-стратегическими факторами, определяющими будущее лицо Азии в XXI веке, на наш взгляд, особое внимание необходимо обратить на то, что наиболее продвинутые в развитии субрегионы АТР являются одновременно районами, где в непосредственное соприкосновение и даже столкновение приходят различные цивилизационные системы Запада и Востока. Недооценка роли цивилизационного фактора в международных отношениях, особенно в трактовке проблемы развития, уже многократно приводила к серьезным проблемам и конфликтам. Некоторые западные и восточные политологи сейчас вновь обращают пристальное внимание на эту проблему, предрекая в XXI веке III мировую войну как "войну цивилизаций". При всей "эксцентричности" подобных выводов она имеет определенные основания. Эти основания заключаются в том, что возникшая еще во времена колониализма в XIX веке концепция унификации мира на основе всеобщей вестернизации ныне все более убедительно показывает свою несостоятельность. Разумеется, это отнюдь не отрицает важного позитивного влияния культуры развитых западных государств на культуру других регионов, в том числе на культуру азиатских стран и азиатские цивилизации в целом. Но все более очевидным становится тот факт, что многие модели развития, сложившиеся в рамках потребительского общества, идеи господства над природой и т.п. начинают работать против человеческого общества в целом.

В современных условиях речь идет о таком развитии, которое, во-первых, позволит избежать катастрофического истребления сырьевых ресурсов и разрушения экологического потенциала планеты, а во-вторых, обеспечит достойное выживание человечества во всем его этническом и цивилизационном многообразии. Решению этих двух судьбоносных для всех континентов и народов проблем и должно быть подчинено строительство нового демократического и справедливого миропорядка. Фактически этот порядок, как считал, в частности, академик А.Д.Сахаров, предполагает преодоление потребительского общества. Он утверждал, что ради спасения человечества необходима "перестройка производства, всего образа жизни на экологически безопасный

путь, что требует самоограничения, отказа от форсированного развития"¹. Идеи, аналогичные сахаровским, систематически поддерживает немалая часть участников Конференции ООН по окружающей среде и развитию, впрочем, как и некоторые видные деятели влиятельного Римского клуба, в частности, его почетный председатель А.Кинг². Две великие державы - Россия и Китай вполне определенно придерживаются курса на строительство именно такого миропорядка.

В рамках "четырёхугольника" великих держав в АТР наиболее слабой осью являются российско-японские отношения, хотя следует признать, что в последние годы, особенно после подписания Токийской Декларации 1993 г., здесь наметился определенный прогресс и позитивные подвижки. В этом году исполняется 40 лет со дня установления дипломатических отношений между нашими странами и хочется напомнить, что советско-японская декларация от 1956 г. и ныне сохраняет свое актуальное значение в развитии двусторонних отношений. Вместе с тем, сейчас необходимо продолжать поиск путей дальнейшего углубления взаимопонимания с целью накопления капитала доверия и преодоления старых стереотипов. Думается, что завершившийся недавно визит в Японию министра иностранных дел РФ Е.М.Примакова принес весьма обнадеживающие результаты в этом плане. Имеются ввиду прежде всего достигнутые в ходе визита взаимопонимание и договоренности о необходимости поэтапного и постепенного продвижения к решению существующих между нашими странами проблем, развития взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах, где для этого имеются условия и возможности, включая активное участие Японии в развитии района Курильских островов и льготный режим для японских моряков в добыче морепродуктов в экономической зоне России вокруг так называемых "северных территорий".

Представляется, что новые договоренности приведут к оживлению экономического сотрудничества между губернаторством Хоккайдо и пограничными районами российского Дальнего Востока. Россия с пониманием относится к росту роли Японии в решении экономических и политических проблем в региональном и глобальном планах. Думается, что такой подход более конструктивен, чем позиции определенных кругов Страны Восходящего солнца, полагающих, что и регион АТР, и сама Япония в решении проблем безопасности и развития могут обойтись без России.

К счастью, среди влиятельных политиков в Токио имеются и такие, которые считают, что в долгосрочных планах экономического развития Японии необходимо найти нишу для российско-японского сотрудничества. Они, как представляется, исходят из того, что "глобализация японской экономики предполагает фактическое приглашение России к реальному сотрудничеству. Дальний Восток и Сибирь в этом случае будут первым форпостом, но в дальнейшем в это сотрудничество должна быть вовлечена вся Россия. В поисках новых стратегических отношений с ведущими государствами Тихоокеанского региона она (Россия) займет одно из важных мест"³.

К сожалению, над российско-японскими отношениями все еще довлеют негативные стереотипы прошлого. Чтобы вывести эти отношения на новый уровень доверительности и добрососедского партнерства, от политических лидеров двух стран потребуются мужество и смелость. Необходимо дать беспристрастную оценку истории взаимоотношений двух стран и попытаться, как минимум, ослабить влияние негативных стереотипов прошлого на политические настроения, бытующие у части общественности двух стран. Мы искренне надеемся, что к началу XXI века Россия и Япония проявят достаточно доброй воли с тем, чтобы постепенно преодолеть взаимное отчуждение и открыть но-

вые страницы сотрудничества и добрососедства. С нашей точки зрения это возможно и реально.

Свидетельством реальности этой благоприятной тенденции в отношениях между Россией и Японией являются взаимовыгодные связи между губернаторством Хоккайдо и регионами российского Дальнего Востока.

Отношения между Хоккайдо и российским Дальним Востоком имеют весьма важное значение с точки зрения развития двусторонних отношений во многих областях и именно этот фактор, по нашему убеждению, может и должен сыграть главную роль в расширении и углублении отношений между Россией и Японией в XXI веке.

На основе "Соглашения о дружественном партнерстве", подписанном в 1990 г. между Российской Федерацией и Хоккайдо, успешно действует единственный постоянно действующий орган, возглавляемый с обеих сторон представителями администраций - Постоянная смешанная комиссия по экономическому сотрудничеству между Дальневосточным регионом и Хоккайдо. На основе принятой Комиссией Программы экономического сотрудничества между Хоккайдо и российским Дальним Востоком сферами интенсивного сотрудничества стали сельское хозяйство, рыболовство, рыбопереработка, создание инфраструктуры, подготовка кадров и специалистов.

Реализованы и крупные проекты: открыто регулярное воздушное сообщение между Хакодате и Южно-Сахалинском, налажено устойчивое регулярное морское паромное сообщение между Сахалинской областью и Хоккайдо. Важным результатом явилось открытие в Южно-Сахалинске представительства Ассоциации по развитию торговли товарами, произведенными на Хоккайдо. Дан старт крупному проекту разработки нефтегазовых месторождений Сахалинского шельфа. В расширяющемся региональном торгово-экономическом сотрудничестве российского Дальнего Востока с Японией возрастающую роль играет деятельность Постоянной смешанной комиссии.

Вместе с тем необходимо сказать и о далеко незадействованном потенциале нашего сотрудничества по линии российский Дальний Восток - Хоккайдо. Представляется, что пока не получило необходимого развития инвестиционное сотрудничество в реализации регионально значимых экономических проектов. Нет признаков активности в деятельности частного сектора, как с японской, так и с российской стороны. Инвесторы на Хоккайдо практически не принимают участия в реализации российской государственной Программы приватизации, которая открывает широкие перспективы двустороннего взаимовыгодного сотрудничества. На повестке дня стоят очень крупные региональные проекты - проект Туманцзян, проект Большой Владивосток, свободная экономическая зона "Находка", которые, к сожалению, пока не стали проектами двустороннего сотрудничества.

Немалый потенциал сотрудничества заложен в реализации научно-технических достижений российской стороны. Несмотря на сложное экономическое положение, связанное с переходным периодом и коренной ломкой экономической системы в России, Россия продолжает оставаться в списке ведущих государств мира, обладающих 17 технологиями, необходимыми для успешного развития общества в XXI веке. Частично производственная база этих технологий расположена и на российском Дальнем Востоке. Эти и другие области сотрудничества, безусловно, могут серьезно углубить и расширить взаимовыгодное сотрудничество между Хоккайдо и российским Дальним Востоком и стать основой соразвития дальневосточного региона России и губернаторства Хоккайдо.

Важно подчеркнуть, что на сегодня существуют объективные предпосылки расширения и углубления двустороннего сотрудничества, которых не было прежде. Во-первых, коренным образом изменилась военно-политическая обстановка в субрегионе. Целенаправленные шаги российского руководства в вопросе рационализации военного присутствия в регионе, первые шаги в направлении поиска взаимопонимания между российскими и японскими военными представителями и другие мероприятия привели к резкому снижению военной напряженности в данном районе и создали реальные предпосылки к разработке системы мер доверия в военной области на двусторонней и многосторонней основе.

Снижение уровня военной напряженности одновременно сделало приоритетным для обеих сторон целый ряд проблем, решение которых способствовало бы укреплению национальной безопасности России и Японии в равной мере. К таким проблемам относятся вопросы экологической безопасности на субрегиональном уровне, вопросы сохранения и умножения рыбных запасов Охотского моря и Тихого океана в целом, вопросы морского пиратства, распространения наркотиков, СПИДа и др. Снижение военной напряженности в регионе требует серьезно изменить подход к проблемам всеобъемлющей безопасности, которые приобретают универсальный характер. Обеспечение национальной безопасности все в большей мере становится возможным только на основе двустороннего и многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии. И в этом процессе российский Дальний Восток и Хоккайдо играют ведущую роль.

Одним из приоритетных направлений в исследовательской работе Института Дальнего Востока является анализ состояния и перспектив укрепления безопасности, повышения уровня доверия и сотрудничества в деле обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии, а также оптимальных форм сотрудничества с целью расширения и углубления процессов экономической интеграции в субрегионе. С этой целью мы поддерживаем постоянный диалог с учеными КНР, США, Японии, Республики Корея и Тайваня. Наш Институт готов к самому широкому сотрудничеству с учеными Хоккайдо в соединении усилий по разработке путей и форм и выработке рекомендаций для активизации и расширения всеобъемлющих связей между российским Дальним Востоком и Хоккайдо на равноправной и взаимовыгодной основе.

1 Опыт словаря нового мышления. - М., 1989. - С. 15.

2 См.: А.Кинг. На пути к новому мировому порядку. // Свободная мысль. - 1992. - № 17. - С. 6.

3 К.Того. Эра сотрудничества не за горами. // Московские новости. - 1996. - 21-28 июня.

Россия и Китай: на пути к стратегическому взаимодействию

© 1997

В.Рахманин

1996 год войдет в историю российской дипломатии как год, выведший российско-китайские отношения на новый качественный уровень - на уровень равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Россия и Китай шли к этому качеству долгие годы, когда между нашими странами были и союзнические отношения "старшего и младшего братьев", и конфронтация идей, перераставшая в конфронтацию штыков. Позитивный и негативный опыт этих лет убедил обе стороны в необходимости сделать их по-настоящему равноправными и сориентированными в будущее. Многие сегодняшние достижения в российско-китайских межгосударственных отношениях являются результатом преемственности в политике. Например, соглашения по пограничным вопросам разрабатывались несколькими поколениями дипломатов, переговоры велись более тридцати лет. Следующие поколения могут внести что-то новое, и далеко идущее в сотрудничество, на сегодняшний же день представляется, что равноправное доверительное партнерство с прицелом на стратегическое взаимодействие в XXI веке наиболее полно и адекватно отвечает как российским, так и китайским национальным интересам.

Китай несомненно является одним из внешнеполитических приоритетов для России. Наша общая граница имеет протяженность в 4300 километров. По оценкам Всемирного банка, Китай прочно вошел в первую десятку экономических держав мира, занимая по темпам роста одно из первых мест (10-12% в год). Его валютные запасы сегодня уже превысили 100 млрд. долл. По некоторым подсчетам, в начале XXI века КНР может выйти на первое место среди мировых экономических лидеров по величине валового внутреннего продукта, равного 20 трлн. долларов (за ней последуют США, Япония, Индия, Индонезия).

С Китаем граничат районы Сибири и Дальнего Востока, для которых экономическое сотрудничество со стабильно развивающимся и процветающим соседом имеет важнейшее значение как для преодоления нынешних хозяйственных трудностей, так и для экономического развития в будущем. Да и взаимодополняемость российской и китайской экономик может быть весьма полезной для обеих стран и, в частности, для таких важнейших отраслей российской промышленности, как энергомашиностроение, атомная энергетика, транспорт, гражданская авиация. В свою очередь Сибирь и Дальний Восток могли бы получать из КНР важные для себя товары и технологии.

Безопасность российских дальневосточных рубежей также зависит от того, как будут складываться наши отношения с Китаем - либо Россия добьется укрепления доверия на границе с КНР и превратит ее в зону мира и

добрососедства, либо опять, как уже было в 60-е годы, в угоду чьим-то местническим политическим интересам, позволит российско-китайским отношениям съехать на обочину недоверия или даже противостояния, чрезвычайно опасных для самого существования российского государства в его нынешних границах.

Китайский опыт экономических реформ, сочетающий рыночные свободы и государственное регулирование, дает интересную модель реформирования командой экономики, возникшей в условиях тоталитарного режима. При этом китайские реформы сопровождались существенным улучшением жизни подавляющего большинства населения страны.

С учетом особого значения сотрудничества с Китаем для России наша дипломатия, начиная с 1992 г. ведет курс на активное развитие двусторонних отношений с КНР во всех областях - в политике, экономике, в области безопасности и внешней политики, закладывая фундамент "неразрывной взаимозависимости" (В.П.Лукин) между двумя странами.

В политической области достигнуты договоренности о переводе на регулярную основу - не реже одного раза в год - встреч высших руководителей двух стран (четвертый российско-китайский саммит состоится в Москве весной 1997 года), об организации между Президентом России и Председателем КНР линии "горячей связи". Возросла интенсивность контактов на высоком и высшем политическом уровнях. Так, в 1996 г. состоялась встреча в верхах в Пекине (апрель); были проведены 4 встречи министров иностранных дел, (последняя состоялась в ноябре Е.М.Примаков побывал в КНР с официальным визитом). Важные обмены состоялись между руководителями парламентов двух стран: в Россию приезжал Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Цяо Ши, Китай посетили Председатель Совета Федерации России Е.С.Строев и председатель Государственной Думы Г.Н.Селезнев. Москву посетил председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Ли Жуйхуань. Следует также отметить визит в Россию заместителя Премьера Госсовета КНР, Председателя Государственного комитета по реформе экономической системы Ли Теина, а также поездку и обстоятельные переговоры в Пекине первого заместителя Председателя Правительства России А.А.Большакова (10-14 декабря).

Наконец, в последние дни 1996 г. - 26-28 декабря - в Москве с рабочим визитом побывал Премьер Госсовета КНР Ли Пэн (он стал первым иностранным представителем, которого после своего выздоровления принял Президент Б.Н.Ельцин). Важным результатом этого визита стал официальный "запуск" механизма регулярных встреч глав правительств двух стран (Россия имеет подобные регулярные связи с Украиной, Францией, США. Для Китая это - первый опыт.) По словам Ли Пэна, "данный механизм представляет собой новую модель двусторонних контактов и диалогов на высоком уровне, окажет важное влияние на продвижение вперед российско-китайских отношений".

С целью координации работы механизма создается Комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств. Ее сопредседатели - Первый заместитель Председателя Правительства России А.А.Большаков и заместитель Премьера Госсовета КНР Ли Ланьцин. В рамках Комиссии сформированы постоянные подкомиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (на базе ранее существовавший комиссии), по энергетике, по сотрудничеству в области атомной энергетики, по транспорту. В дальнейшем по мере необходимости и по взаимному согласованию возможно создание новых подкомиссий или рабочих групп. Встречи глав правительств России и Китая будут проходить 2 раза в год, следующая запланирована на второй квартал 1997 года в г.Пекине.

Наглядной иллюстрацией перспектив торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем стали переговоры В.С.Черномырдина с Ли Пэном, на которых обсуждались крупные двусторонние проекты в таких областях, как энергетика (в т.ч. российское участие в строительстве ГЭС на р.Янцзы в районе "Трех ущелий"), машиностроение, гражданская авиация, космос, транспорт, сельское хозяйство и др. Премьеры поставили задачу министерствам в ближайшие месяцы завершить работу над соглашениями об осуществлении проектов в области нефти и газа (о строительстве нефте- и газопроводов из Сибири в Китай), а также о реализации проекта переброски электроэнергии из Иркутской области в Китай. Решено ускорить совместную разработку Программы сотрудничества между Россией и Китаем в области транспорта до 2000 г. (с целью транспортного обеспечения возрастающего двустороннего товарообмена), а также специального двустороннего соглашения о совместном использовании трансграничных водных ресурсов и документов, гарантировавших бы сохранение экологической обстановки на границе двух стран. Решено добиваться вывода двустороннего товарооборота в 1997 г. на уровень 8-10 млрд. долл. с прицелом на 20 млрд. долл. в ближайшие несколько лет (по предварительным оценкам, в 1996 г. российско-китайская торговля составит 6 млрд. долл.). По итогам переговоров В.С.Черномырдина и Ли Пэна были подписаны Протокол о принципах рамочного контракта на сооружение Ляньюньганской АЭС (провинция Цзянсу) и Соглашение о развитии сотрудничества между Центральным Банком России и Народным банком Китая.

Во время пребывания Ли Пэна в Москве обсуждались и вопросы военно-технического сотрудничества между нашими странами. Рассматривался ход реализации ранее достигнутых договоренностей в этой области, в частности, о поставках в Китай российских самолетов СУ-27. Развивая сотрудничество с Китаем в военно-технической области, Россия исходит из приоритетности интересов своей собственной безопасности, из своих обязательств по различным международным договорам и соглашениям, из нынешнего состояния российско-китайских отношений и их перспектив. Россия и Китай едины в том, что военно-техническое сотрудничество между ними не должно быть направлено против третьих стран.

Обеспечение интересов собственной безопасности - один из краеугольных камней российской политики в отношении Китая. Укрепление мер доверия на российско-китайской границе, завершение ее юридического оформления в соответствии с двусторонними договорами позволят создать вдоль нашей границы с Китаем зону мира и стабильности.

Во время пребывания Б.Н.Ельцина в КНР в апреле 1996 г. главами пяти государств - России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана в Шанхае было подписано Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы - документ, уникальный не только для российско-китайских отношений, но и для всего азиатско-тихоокеанского региона как по формату, так и по содержанию. Для российских интересов принципиальное значение имеют такие его положения, как подтверждение взаимного неприменения силы или угрозы силой, неиспользование вооруженных сил сторон, дислоцированных в районе границы, для нападения на другую сторону и для ведения военной деятельности, нарушающей спокойствие и стабильность в районе границы. Кроме того, документ включает статьи об ограничении "потолков" проводимых военных учений в районе границы, о системе уведомления о различных видах военной деятельности, о шагах сторон в случае возникновения неясной ситуации в районе границы, о сотрудничестве между сопредельными военными округами и пограничными войсками сторон.

В результате 7-летних усилий гражданских и военных переговорщиков двух стран к предстоящему весной в Москве четвертому российско-китайскому саммиту практически подготовлено рубежное для наших отношений Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил вдоль границы. Подписывать его будут все 4 государства имеющую общую границу с Китаем. Принятый китайцами в результате сложных переговоров российский проект предельных уровней остающихся с обеих сторон вооруженных сил, является оптимальным с точки зрения интересов обеспечения национальной безопасности России. Эти уровни просчитаны с военно-стратегической, природно-географической, исторической, политической, экономической и других точек зрения.

Другой вопрос, имеющий отношение к российской безопасности на Дальнем Востоке, - вопрос о российско-китайской границе и, в частности, о ее демаркации. В результате заключения с Китаем двух пограничных соглашений - по Восточному участку от 16 мая 1991 г. и по Западному - от 3 сентября 1994 г. - удалось впервые в истории наших двусторонних отношений "застолбить" юридически оформленное, отвечающее всем нормам международного права и исключающее односторонние уступки взаимопонимание с Китаем о прохождении линии границы. Тем самым в историю уходят все "исторические реестры" Чан Кайши и Мао Цзэдуна, содержащие масштабные территориальные претензии к России. Это поистине историческое достижение. Осталось лишь демаркировать границу, но вот здесь и возникли трудности: администрация Приморского края, несмотря на Распоряжение Президента России от 21 февраля 1996 г., предписывающее завершение демаркации в строгом соответствии с Соглашением 1991 года и без серьезных отклонений от установленных сроков, тем не менее возражает против проведения демаркации на отдельных участках в Уссурийском и Хасанском районах края и выступает за сохранение здесь фактически охраняемой линии границы, которая отличается от договорной. Каких-либо правовых доводов в обоснование этой позиции не приводится, зато используется "геополитический аргумент" о якобы получении Китаем прямого выхода в открытое море через реку Туманная. Но простой взгляд на карту показывает несостоятельность такого аргумента как по гидрографическим причинам (р.Туманная не пригодна для судоходства морских судов, и, согласно экспертным оценкам, углубить ее невозможно из-за постоянного намыва пород), так и по юридическим (воды р.Туманная на последних 17 км до ее устья являются пограничными между Россией и КНДР и, соответственно, контролируются ими).

Однако нельзя забывать, что с истинно геополитической точки зрения "открытие" в нынешних условиях пограничной проблемы с Китаем со всеми вытекающими из этого непредсказуемыми последствиями противоречило бы интересам не только Дальнего Востока и Сибири, но и стратегическим интересам всей России.

Еще одна чувствительная проблема в российско-китайских отношениях - незаконное оседание граждан КНР на территории России. МИД России не раз привлекал внимание официальных властей КНР к фактам нарушения китайскими гражданами российского законодательства о проживании иностранцев. Получено официальное подтверждение из Пекина о том, что Китай не проводит политику "поддержки проникновения граждан КНР на Дальний Восток и в Сибирь", а также о том, что Китай готов тесно сотрудничать с Россией (в том числе путем активизации сотрудничества между правоохранительными органами двух стран), чтобы не допустить превращения этого вопроса в серьезный раздражитель двусторонних отношений. Следует заметить, что многое будет зависеть и от того, сколь эффективно российские правоохранительные органы смогут наводить порядок на собственной территории.

Отдельно остановлюсь на Тайване. Благодаря своевременному и четкому Указу Президента России от 15 сентября 1992 г., предписывающему строгое соблюдение неофициального характера связей России с Тайбэем, удалось не допустить появления этой проблемы в наших отношениях с Китаем (а американский опыт, когда госдепартамент выдал въездную визу "президенту" Тайваня в 1995 г., что повлекло над собой самый острый кризис в американо-китайских отношениях со времени тяньаньмэньских событий 1989 г., показывает, сколь серьезно Пекин относится к любым попыткам создать ситуацию "двух Китаев"). Принципиальная и последовательная позиция России состоит в признании, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая, а правительство КНР - единственным законным правительством всей страны. В то же время взаимопонимание, имеющееся у нас с китайской стороной, а также объективные экономические интересы позволили России пойти на развитие строго неофициальных контактов с островом, прежде всего, в экономической и гуманитарной сферах (в 1995 г. объем товарооборота России с Тайванем составил 2 млрд. долл.). Необходимое содействие в этом оказывали и будут оказывать впредь координационные комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству, открытые в Москве в 1993 г. и в Тайбэе в декабре 1996 г..

И, наконец, о российско-китайском взаимодействии на международной арене. Китайская Народная Республика в силу ее геополитических габаритов, наличия ядерного потенциала сдерживания, политического статуса (постоянное членство в СБ ООН) превращается в центр силы глобального порядка. Регулярный обмен мнениями с КНР по вопросам положения в мире подтверждает близость оценок двух стран в отношении нынешнего переходного периода к новой многополярной мировой структуре, которая, по общему мнению в обеих столицах, должна основываться на равноправном партнерстве. Как Россия, так и Китай не приемлют возвращения к блоковому противостоянию, к менталитету "ведущих" и "ведомых", перекройку мира новыми разделительными линиями. В Пекине с пониманием воспринимают российскую оппозицию расширению НАТО на Восток, позитивно оценивают интегрирующую роль России в СНГ, налаживается взаимодействие с нами в АТР. Китай ясно и публично поддерживает вступление России в организацию "Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество" (АТЭС). Тесно и продуктивно идет координация наших действий в ООН. В то же время мы считаем, что наши две страны могут оказывать и более существенное влияние на формирование системы безопасности в Европе, в Азии, на Корейском полуострове, над чем обе стороны намерены работать и дальше.

В целом курс на равноправное доверительное партнерство между Россией и Китаем сейчас и на стратегическое взаимодействие в XXI веке - объективная потребность двух государств. Этот курс укрепляет позиции России и Китая, отвечает коренным национальным интересам двух стран.

Взаимодействие России и Китая, основывающееся на равноправии, взаимном уважении независимости и самостоятельности друг друга, невмешательстве во внутренние дела, полномковном учете национальных интересов каждой из сторон, - существенный фактор стабильности в мире, пример новых отношений между великими державами в условиях многополярности.

Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы?

Взгляд с российского Дальнего Востока

© 1997

В.Ларин

Если ретроспективно взглянуть на историю российско (советско)-китайских отношений в последнюю сотню лет, она удивительно напоминает движение маятника. Влево-вправо, вперед-назад, только амплитуда колебаний меняется в зависимости от внутренней и международной обстановки в тот или иной отрезок времени.

Сегодня "маятник" вновь качнулся в сторону сотрудничества. И это хорошо, история однозначна в том, что великим соседям выгоднее жить в мире и согласии. Вот только не покидает ощущение, что траектория движения маятника - не самая оптимальная форма межгосударственных отношений, тем более между странами-соседями. И при этом возникает впечатление, что кое для кого из российских "больших" политиков уроки истории не идут впрок, и они в который раз пытаются до предела оттянуть злостный маятник влево (вправо?). Для чего? Чтобы потом он с еще большей стремительностью унесся в противоположную сторону?

Многочисленные статьи, регулярно появляющиеся в серьезных американских изданиях и посвященные проблемам дальнейшего формирования непростых американо-китайских отношений, в значительной степени нацелены на выработку трезвой, реалистичной и эффективной американской политики в отношении КНР, основанной на приоритете интересов США. Многие восточноазиатские аналитики обеспокоены растущей военной и экономической мощью своего амбициозного соседа. На этом фоне эйфория, царящая на вершине российского политического олимпа вызывает, по меньшей мере, недоумение. Политические заявления российского МИДа и научные публикации его сотрудников, время от времени появляющиеся в печати, свидетельствуют, что реализм во внешней политике России вообще и в отношении Китая, в частности, по меньшей мере не прижился. Еще болеестораживают некоторые статьи соборов отдельных российских изданий в Пекине, которые оставляют ощущение, что они подготовлены в недрах китайского МИДа.

Ларин Виктор Лаврентьевич, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

Помещая статью В.Л.Ларина, напоминаем, что позиции наших авторов не обязательно отражают точку зрения редакции и редколлегии журнала. Вместе с тем мы считаем, что публикуемая статья, в которой "взгляд с Дальнего Востока" представлен в полемически заостренной форме, будет способствовать дальнейшему изучению и обсуждению поставленных в ней вопросов, в том числе и на страницах журнала "Проблемы Дальнего Востока".

В концентрированном виде нынешние взгляды российской дипломатии на настоящее и будущее российско-китайских отношений демонстрирует статья двух ведущих специалистов азиатского направления российского МИДа Е.Афанасьева и Г.Логвинова, опубликованная в последнем номере журнала "Международная жизнь" за 1995 г.¹ Пожалуй, не будь данная публикация выражением позиции если не всего МИДа, то по крайней мере руководства его 1-го Департамента Азии, и не отражай она преобладающие сегодня в российских "верхах" подходы к российско-китайским отношениям, не стоило бы тратить время на ее обсуждение. В статье есть все: исторические экскурсы, воспевание истории российско-китайской дружбы, восхваление успехов МИДа и правительства во взаимоотношениях с Китаем в последние годы, критика безмянных, но легко угадываемых "недобросовестных политиков", пытающихся "расшатать" российско-китайские пограничные соглашения и муссирующих проблему китайской "экспансии" в "своих узкокорыстных интересах".

Не хотелось бы, чтобы эти заметки воспринимались как покушение на процесс нормализации российско-китайских отношений или же как набившие уже оскомину жалобы из провинции на Центр, пренебрегающий интересами Дальнего Востока. Заметки о другом: о реализме и ответственности в политике, о чувстве меры, необходимом и политикам, и дипломатам, и, к сожалению, ими в значительной мере сегодня утерянном, о том, что в демократическом государстве (ежели мы хотим таковым считаться) нельзя строить внешнюю (не говоря уже о внутренней) политику, основываясь только на интересах и понимании ситуации Центром, как бы ни был последний грамотен и умен. Как это ни прискорбно, но реальная обстановка на периферии России воспринимается в столице не всегда адекватно, что все последние годы демонстрирует российская политика на окраинах страны и по ее границам, что и происходит в отношении Восточной Азии, гигантскую часть которой занимают Китай и российский Дальний Восток. Нежелание и неумение довести идеалы и цели этой политики до местных властей и собственных граждан, к результатам и последствиям ее лично причастным, оборачивается обострением внутренних противоречий, взаимоотношений между центром и регионами, созданием очагов напряженности на своей собственной территории. Именно это, как мне кажется, в полной мере демонстрируют и упомянутая выше статья российских дипломатов и писанные как будто под диктовку МИДа журналистские публикации².

Не вызывают сомнения огромные достижения советской и российской дипломатии в нормализации и развитии отношений между двумя странами в последнее десятилетие. Нельзя не согласиться и с тем, что главной ее задачей на восточном направлении остается дальнейшее развитие "дружеских, добрососедских, предсказуемых и взаимовыгодных отношений с Китаем". Стабильность этих отношений является важнейшим условием для превращения России и тихоокеанскую державу, для реальной интеграции ее восточных территорий в экономическую систему АТР, для успешного экономического развития российского Дальнего Востока. Но это отнюдь не может служить основой для благодушия и самоуспокоения. Весьма важно то, какой ценой и на какой исторический срок достигается эта стабильность, насколько реально и трезво оценивают наши дипломаты способность России двигаться в этом направлении своим путем, отстаивая собственные национальные интересы и не идя на поводу у стремительно прогрессирующего в экономическом и военном отношениях Китая.

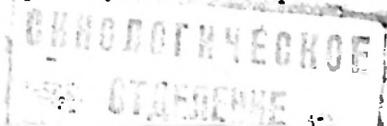
Нас нередко сегодня пытаются уверить, в том числе и авторы упоминаемой статьи, что национальные интересы России и Китая "в основном совпа-

дают или параллельны", и что мы "обречены на дружбу с Китаем"³. Само по себе это весьма спорно, если не полагаться на единственный тезис о сохранении мира, стабильности и безопасности в регионе. Тем более не хотелось бы, чтобы ориентируясь на это "совпадение интересов" Россия следовала курсом, проложенным в Пекине. Последнее, учитывая и опыт российской дипломатии последних лет в развитии отношений с США, не столь уж нереально. В отличие от российских дипломатов, уверенных в тождественности национальных интересов России и Китая, многие эксперты - как российские, так и зарубежные - считают иначе. Признавая важность и первостепенное значение партнерства России с Китаем, они тем не менее уверены, что, несмотря на солидные основы для добрососедских отношений, заложенные в последние годы, и взаимный интерес к более широкому экономическому сотрудничеству, у России и Китая существуют "реальные различия во взглядах, несравнимые с теми, какие есть у России с другими великими державами в регионе"⁴, "тревожные противоречия между очевидными геополитическими потребностями и политическими приоритетами" двух стран, которые будут "приносить беспокойство московскому руководству в отношениях с Китаем"⁵.

И многие китайские ученые даже на нынешней стадии развития китайско-российских отношений, которые Е.Афанасьев и Г.Логвинов называют "образцом межгосударственных отношений в постконфронтационную эпоху", как и во времена острой полемики между двумя странами, не перестают писать о том, что Россия, по-прежнему обладая большими территориями, природными ресурсами, людским и техническим потенциалом, будет стремиться к доминированию в Восточной Азии. Они не оставляют своих опасений относительно "российского великодержавного шовинизма" и продолжают призывать к сплочению народов АТР для противодействия гегемонии России в регионе⁶.

Вся история Поднебесной империи, как и собственный опыт России и СССР, свидетельствуют, что Китай, используя выражение авторитетного американского востоковеда Р.Скалапино, "может быть другом, но таким, который никогда не забывает о китайских национальных интересах"⁷. В сложившейся на протяжении веков китайской модели мирового порядка главная угроза безопасности страны всегда исходила с Севера. Все завоеватели приходили оттуда. Соответственно так же были восприняты русские, появившиеся три с половиной столетия назад на Амуре. Существующая на уровне подсознания, эта идея нашла отражение в китайской в китайской концепции территориального размежевания с северным соседом ("утраченные в результате агрессии царской России территории") во многом определяет отношение китайцев к современной России. И надо учитывать, что, с точки зрения последних, их нынешняя инфильтрация в районы Сибири и Дальнего Востока является не обычной эмиграцией, а "законным" возвращением на "исторические территории вечного китайского государства"⁸.

У меня не вызывает сомнения то, что подписанные и тем более ратифицированные межгосударственные договоры следует выполнять. Но в еще большей степени я уверен, что с исполнением договора, ущемляющего интересы России и ратифицированного с нарушением ее Конституции, можно и должно, по крайней мере, не торопиться. Аргументы сторонников скорейшей демаркации, готовых пожертвовать малым - невидимым из Москвы (но хорошо различаемым из Пекина) клочком дальневосточной территории - ради решения глобальных проблем российско-китайских отношений как-то не убеждают и не вдохновляют. К тому же ни к чему обманывать население и самих себя пустыми надеждами на то, что, демаркировав границы, Китай забудет о потерянных территориях. Отнюдь не наличие спорных участков на рос-

сийско-китайской границе было причиной высказанных 30 лет назад Мао Цзэдуном территориальных претензий к Советскому Союзу, и наивно было бы предполагать окончательное решение территориального вопроса в нынешнем столетии. Стоит только взглянуть на исторические карты, на которых воспитываются китайские школьники, или полистать книги по истории формирования северной границы Китая, изданные там уже после подписания договора о границе от 16 мая 1991 г.⁹, пообщаться с китайцами, осваивающими Приморье и Приамурье, и как-то не очень верится в заявления наших политиков и дипломатов об окончательном решении пограничного вопроса.

“Мина” под договор была заложена изначально, поскольку готовился и подписывался он в эйфории улучшения советско-китайских отношений без серьезной проработки на местах, учета мнения местных властей, не говоря уже о населении, и не без тайного намерения российской дипломатии оказать расширением связей с Китаем давление на Японию в решении спорных проблем. Результатом стали резкое противодействие реализации договора в Приморье и тихая, но твердая оппозиция в Хабаровском крае. Центральная пресса много писала о демаршах главы администрации Приморья “скандалиста” Е.Наздратенко, представляя его как единственного виновника срыва процесса демаркации, но мало кто знает, что его хабаровский коллега В.Ишаев также охарактеризовал этот договор как ущемляющий интересы России и края¹⁰, что Дума Приморья 22 февраля 1995 г. вынесла резолюцию о прекращении всех демаркационных работ на восточном участке границы и потребовала от федеральных властей пересмотреть условия демаркации¹¹, что Законодательное собрание Еврейской автономной области также обращались в Москву с требованиями пересмотреть решения о передаче Китаю отдельных территорий¹².

Несмотря на многочисленные обсуждения проблемы в комитетах и комиссиях Думы России и на местах, поездки в регион высокопоставленных комиссий, компромисс так и не был найден. Москва аргументирует свою твердость подписанному договору тем, что межгосударственные соглашения необходимо выполнять (с чем нельзя не согласиться) и должно пожертвовать частью территории (тем более когда-то незаконно занятой СССР) ради сохранения нормальных отношений с Китаем (с чем согласиться нелегко). Позиция местных властей иная: эти территории представляют экономическую и стратегическую значимость для России, а уступка их создаст опасный прецедент для предъявления к ней новых территориальных претензий. Немалую роль играет и фактор местного патриотизма, через призму которого видят “в Москве больше врагов, чем в Пекине”. “Настойчивое желание Москвы отдать часть земель Китаю, - пишет по этому поводу “Уссурийский казачий вестник”, порождает абсолютное недоверие к центральной власти, которое легко может перерасти в недоверие к власти вообще”, предполагая при этом, что “с Китаем гораздо проще договориться”, чем с Москвой¹³.

Без сомнения, местные руководители (которых, очевидно, и именуют “недобросовестными политиками” авторы статьи) зарабатывают на этой проблеме политический капитал, используют ее в явно популистских целях, но ведь они ориентируются на настроения местного населения. И дело не в узости кругозора “дальневосточных бонз”, коими сегодня представляются из Пекина российским дипломатам и журналистам Е.Наздратенко и его коллеги¹⁴, а в том, что национальные интересы России в Центре и на местах, в коридорах МИДа и в приграничном Краскино понимаются по-разному. 70% голосов, поданных на выборах губернатора Приморья за “дальневосточного бонзу” (если следовать словарю, “надменное, чванливое должностное лицо”) Е.Наздратенко

на выборах на пост губернатора Приморья - это ли не свидетельство актуальности проблемы для жителей края. Ведь если Центр не заинтересован в защите интересов региона, последний вынужден думать об этом самостоятельно. Растущая популярность идеи создания политического союза краев и областей Дальнего Востока в противовес безразличию Москвы к местным проблемам (в форме ДВР или какой иной) - это один из результатов соответствующего решения Центром пограничного вопроса.

В конце XVII в. правительство России, вынужденное подписать Нерчинский договор и уступившее Цинской империи уже освоенные русскими земли по Амуру, все же считало, что убытки, причиненные казне в результате территориальных потерь, могут быть возмещены за счет выгод, полученные в результате мирного урегулирования конфликта с Цинским Китаем¹⁵. Последующий ход событий показал, сколь ошибочны были эти расчеты. А сегодня мы наступаем на те же грабли? Нелишне, кстати, напомнить, что именно с 80-х годов XVII в. начался 100-летний период расцвета империи Цин, именуемый в исторических анналах ее "золотым веком", и именно с событий на Амуре началась активная завоевательная политика этой империи. Аналогии не слишком уместны, но сегодня рядом с нами также быстро превращающийся в мировую сверхдержаву Китай, попытку "задобрить" который, как показывает исторический опыт, имели лишь обратный эффект.

Сошлюсь на ученого с британских островов Дж. Сигэла, который считает, что "у России есть серьезные причины опасаться Китая как единой великой державы. Россия захватила большую часть территории вдоль границы тогда, когда Китай был слаб, и сегодня должна тревожиться о своей способности удержать эти имперские трофеи по мере того, как растет китайская экономика, а его военные расходы приближаются к российским". Быстро растущая китайская экономика нуждается в сырьевых и энергетических ресурсах, которыми обладает близкий к нему Дальний Восток. Малочисленное русское население "сидящее на этих ценных ресурсах, может оказаться весьма уязвимым"¹⁶.

Отнюдь не стремлюсь рисовать будущее российско-китайских отношений в мрачных тонах или бросить тень на искренность руководителей двух стран и их дипломатического корпуса, всеми силами добивающихся развития добрососедских отношений между двумя странами. Но мне не хотелось бы, чтобы благие желанья выдавались за действительность, чтобы в худших традициях прошлых времен, ради "сохранения великой российско-китайской дружбы" разговор о серьезных проблемах в развитии отношений между государствами подменялся парадными рапортами об успехах российской дипломатии, чтобы замалчивались реальные угрозы национальным интересам и национальной безопасности России. Тем более что успехи в демаркации могут смело записать на свой счет совсем не российские, а китайские дипломаты.

Как-то не очень убеждает постулат о том, что за четырехсотлетний опыт истории взаимодействия России и Китая их национальные и государственные интересы "никогда не вступали в непримиримое противоречие".¹⁷ Не будет спорить насчет термина "непримиримые". Что до противоречий, то их было предостаточно: государственные интересы двух стран столкнулись на Амуре 350 лет назад, и до середины XIX в. большинство споров не только разрешилось не в пользу России, да еще с ущемлением ее национального достоинства. Реальное же взаимодействие началось только полтора столетия назад, и за эти полтора столетия Китай впервые имеет все основания выступать как сила, равновеликая, а по ряду параметров и превосходящая российскую. История и принципы взаимоотношений Поднебесной империи со своими

соседями достаточно хорошо известны. Тем более, что по большому счету за почти четыре столетия российско-китайских связей "великой и нерушимой дружбе" было отведено только одно десятилетие - с 1949 по 1958 гг., именно столько, сколько хватило Китаю чтобы почувствовать себя достаточно сильным, чтобы избавиться от назойливой опеки "старшего брата".

Между прочим, С.Ю.Витте, на которого ссылаются авторы статьи, залог спокойствия России со стороны Востока видел в сохранении не столько сильного, сколько "неподвижного Китая", ратовал за принцип "цельности и неприкосновенности" не Китая как такового, а доживавшей последние годы фактически беспомощной, разрываемой на части империалистическими державами Цинской империи¹⁸. Он понимал, что на рубеже XIX-XX веков угроза российским интересам в Восточной Азии исходила не от империи Цин, а от извечных противников России в Европе.

Для населения Дальнего Востока, еще хранящего в памяти не только Даманский, но и многочисленные пограничные проблемы 20-30-х годов, установление мира на границе между двумя странами, подготовка соглашения о мерах доверия в военной области, как и другие шаги по поддержанию безопасности и стабильности в регионе, имеют не абстрактное, а вполне конкретное значение. А поэтому в его понимании "доверие" к Китаю отнюдь не должно сопровождаться чуть ли не разрушением существующей границы, что сегодня, по сути дела, и происходит. "Доверие" не должно подкрепляться вооружением своего близкого соседа и потенциального соперника в международной политике, пусть даже сегодня его взоры обращены в сторону Юго-Восточной Азии. Неужели несколько миллиардов долларов, вырученных за поставляемые Китаю самолеты и технологии, стоят охлаждения отношений России с восточно-азиатскими странами, крайне обеспокоенными растущим военным потенциалом и амбициями Китая? Как отмечает уже упоминавшийся мной Дж.Сигэл, России, так и не разрешившей свои территориальные споры с Китаем, все равно придется решать: "хочет ли она продолжать вооружать Китай и помогать ему в овладении оборонными технологиями следующего поколения"¹⁹.

Не меньше опасений вызывает и то, что в МИДе, как показывает данная статья, существует весьма смутное представление о реальной социальной и экономической ситуации в приграничных с Китаем краях и областях России. Между тем именно этим районам объективно суждено играть ключевую роль в будущих российско-китайских отношениях. Не европейская Россия, а ее Дальний Восток "стоит в центре планов экономического развития провинций Северо-Восточного Китая"²⁰. Вопрос только в том, соответствуют ли эти планы нашим собственным интересам.

Между тем у российского МИДа, как и у правительства, к торгово-экономическим отношениям России с Китаем подход узкоцентристский, интересы регионов, как и очень специфические особенности их экономической структуры, в расчет явно не берутся, хотя для ряда южных территорий Дальнего Востока и Забайкалья эти отношения с Китаем приобрели в последние 5 лет исключительно важное значение.

Бурный рост торгово-экономических связей территорий Дальнего Востока с Китаем в 1985-1992 гг. привел к тому, что внутренний рынок ряда областей и краев восточных районов России (прежде всего Амурской и Читинской областей, в меньшей степени - Приморского и Хабаровского краев) оказался крепко "завязанным" на соседние провинции Китая. В 1993 г. доля Китая во внешнеторговом обороте Еврейской автономной и Амурской областей достигла соответственно 94,6% и 92%, а в импорте еще более - 97,4 и 98,5%.

Для Приморского и Хабаровского краев доля Китая в общем объеме торговли составляла без малого по 48%, а импорте 48,8 и 64,4% соответственно²¹.

В 1994 г. в торговле Дальнего Востока России с Китаем произошел обвал. Если в целом объем межгосударственной российско-китайской торговли сократился в этом году на 34% по сравнению с предшествующим годом, то на Дальнем Востоке - в 4,7 раза (с 1188 до 250,8 млн. долл.). Наибольшее падение наблюдалось в Хабаровском крае (в 7,3 раза) и Амурской области (в 5,5 раз). В Приморье объем торговли с Китаем снизился в 3,6 раза, но по сравнению с 1992 г. - в 5 раз. При этом наиболее существенно сократился импорт китайских товаров, который в целом по дальнему Востоку уменьшился в 6 раз (с 581,6 до 94,5 млн. долл.). Аналогичные процессы происходили и в Читинской области. Объем ее торговли с Китаем сократился за год в 2,7 раза, а импорт - в 3 раза²². Резкое падение объемов торговли Дальнего Востока с КНР в некоторой степени компенсировалось некоторым ростом экономических связей с Японией, Южной Кореей и развитием отношений со странами Европы. Однако в конечном итоге внешнеторговый оборот Дальнего Востока в 1994 г. сократился по сравнению с 1993 г. с 3039,3 до 2216,8 млн. долл. (на 45%)²³. Доля Китая в этом обороте снизилась с 39,1 до 11,1%²⁴.

И в Центре, и на местах этот обвал трактуется как "качественный сдвиг", как начало перехода от "нецивилизованной" бартерной торговли к более передовым формам отношений. С точки зрения теории - все верно. Но ведь перехода к новым формам экономических отношений не произошло. И возможна ли в нынешних условиях Дальнего Востока трансформация "дикого" бартера в "цивилизованную" внешнюю торговлю, когда ему нечего вывозить кроме леса, рыбы и топлива, когда на долю машин и оборудования приходится (как в 1994 г.) всего 2% экспорта? Когда для этой "цивилизованной" торговли нет ни правовой базы, ни соответствующей банковской, страховой, информационной и прочей инфраструктуры? Когда Дальний Восток минимум на 50% зависит от импорта продуктов питания и непродовольственных товаров. В этих условиях сокращение объемов "нецивилизованного" бартера с Китаем означало мощнейший удар по благосостоянию значительной части населения. Не случайно руководители Амурской и Читинской областей, чье благополучие сегодня в значительной степени зависит от состояния сотрудничества с Китаем, выступали против введения визового режима и намерения МИД закрыть последний канал безвизового обмена - групповой туризм, "перевести шоп-туризм на визовку", чем, кстати, вызвали недовольство столичных чиновников и обвинение центральной прессы в отстаивании собственных корпоративных интересов и игнорировании общероссийских²⁵. Но какой ущерб наносит интересам России люди, наполняющие пустые прилавки дальневосточных городов южнокорейскими и китайскими продуктами питания и ширпотребом? Ведь не они формировали экономическую структуру, в которой Дальний Восток на 2/3 зависел от Европейской России в снабжении продовольственными и промышленными товарами, и не они отрезали сегодня Дальний Восток от Европы непомерными железнодорожными и авиационными тарифами.

Можно сколько угодно рекомендовать Дальнему Востоку развивать полноценный туризм, расширять обмен между культурными, научными и общественными организациями, дабы "всемерно упрочить взаимодействие двух великих культур и народов". Но туристы предпочитают Китаю Таиланд и Грецию, и не соглашением ли двух МИДов, установившим стоимость односторонней визы в 120 долл., возведен барьер на пути гуманитарного сотрудничества? В результате активно развивавшиеся в 1992-1993 гг. контакты между

дальневосточными и китайскими учеными резко свернулись, ибо ни тем, ни другим, как и преподавателям, деятелям культуры, общественным организациям, такие расходы не по карману.

Значительное сокращение регионального экспорта и импорта в 1994 г. было закономерным и логичным, поскольку предшествовавший бурный рост происходил на основе либерализации внешнеэкономических связей, конъюнктурных и преходящих факторов. Но существенное влияние на состояние внешней торговли региона оказала и политика Центра: повышение средних таможенных пошлин при включении продовольственных товаров в группу облагаемых импортными пошлинами, а также предоставление таможенных льгот крупным столичным импортерам. В результате началась экспансия московского крупного торгового капитала на дальневосточный рынок. За счет различных льгот и привилегий в налогообложении, получаемых в коридорах чиновничьей власти столицы России, он получил возможность завозить крупные партии тех же китайских, не говоря уже о более качественных товарах из Юго-Восточной Азии, на Дальний Восток через Москву. Свидетельством тому - резкое снижение удельного веса Дальнего Востока в торговле России с Китаем с 22,6% в 1993 г. до 7,1% в 1994 г. Тем самым идет удущение невыгодной для этого капитала бартерной торговли и местного предпринимательства, перекачка финансовых ресурсов из региона в Центр. Кроме того, если таможенные сборы от бартерной торговли пополняли местный бюджет, то доходы от оптовой торговли и визовые сборы достаются федеральному центру. Поэтому такая политика пользуется полной поддержкой правительства и МИДа, которые неоднократно заявляли о необходимости прекращения "нецивилизованной торговли" с Китаем, и весьма заинтересованы в ослаблении экономической самостоятельности и независимости дальневосточных территорий, что как раз и давала последним активная приграничная торговля. Свертывание последней можно считать победой Центра в борьбе против "экономического эгоизма" и "сепаратизма" дальневосточных краев и областей.

Можно, конечно, рекомендовать, как это делают некоторые авторы, создание на российско-китайской границе абстрактных зон совместной хозяйственной деятельности (непонятно, правда, что под ними подразумевается: рубка леса китайскими рабочими с последующим вывозом его в Китай или элементарные приграничные "барахолки") или привлечение иностранных инвестиций в формирование местной инфраструктуры. Но не мешало бы иметь в виду, что плохо продуманная экономическая политика центрального правительства никак не способствует активному притоку иностранного капитала на Дальний Восток. В результате ситуация с иностранными инвестициями на Дальнем Востоке в 1994-1995 гг. выглядит даже хуже, чем за год-два до этого, а внешнеторговый оборот предприятий с иностранным капиталом в 1994 г. сократился на 20% по сравнению с 1993 г. и на 48% по сравнению с 1992 г. Китайский же капитал практически не выходит за сферу внутренней и внешней торговли, предприятия с китайскими инвестициями только и стараются воспользоваться предоставляемыми СП льготами для сбыта импортируемой продукции, да трудоустроить рабочую силу из КНР. Да и доля китайского капитала в иностранных инвестициях на Дальнем Востоке очень невелика. На начало 1996 г. в Хабаровском крае она составляла 6,5% всех зарубежных инвестиций, в Приморском - 13%, и даже в наиболее зависимой от Китая Амурской области - только 24% (тогда как южнокорейские инвестиции в той же области - 38%). По прогнозам дальневосточных экономистов, будущее инвестиционного сотрудничества между Дальним Востоком и Китаем представля-

ется неясным вследствие существенных различий между целями развития Дальнего Востока и Китая, особенно северо-восточных провинций последнего²⁶.

Пакет из двух десятков документов, подписанных во время визита Президента России в Пекин в декабре 1992 г., очень слабо отразился на характере региональных связей. В то же время подписанное в том же декабре соглашение "О безвизовом групповом туристическом обмене" создало юридическую базу для широкого движения на Дальний Восток китайцев. Заметим, без виз и участия консульских учреждений, о чем не мешало бы знать нашим дипломатам, утверждающим, что "все пересечения границы осуществляются по въездно-выездным визам"²⁷. Только за 9 месяцев 1995 г. из Приморья было депортировано более 5 тыс. китайцев, приехавших в край по безвизовому обмену и не покинувших Россию в установленные сроки, и на начало 1996 г. китайских нелегалов в крае, по оценкам УВД, насчитывалось не менее 6 тыс.²⁸.

Что касается "отдельных нарушений границы", то их число по сведениям пограничников, исчисляется сотнями. По сообщению пресс-службы Тихоокеанского погранокруга, с января по ноябрь 1995 г. только на находящемся в его ведении участке российско-китайской границы зарегистрировано 288 случаев нарушения границы, в том числе 10, когда нарушители оказывали вооруженное сопротивление²⁹. О "хорошем" же взаимодействии компетентных служб России и Китая "в борьбе с транснациональной криминальной деятельностью" (!) в деталях рассказала Н.Островская в "Известиях"³⁰.

Массовая миграция китайцев на Дальний Восток России в 1992-1993 гг., безусловно, имела в своей основе не политическую, а экономическую подоплеку. Она в немалой степени способствовала стремительному развитию приграничной торговли в 1993 г. и в то же время в одночасье вскрыла неспособность местных властей контролировать движение и деятельность иностранцев на собственной территории. Их бессилие, умноженное на уже столетие культивируемые на востоке России страхи перед "желтой опасностью", породило утверждения о "тихой экспансии" китайцев и "тихом" освоении ими российского Дальнего Востока, поддержанное, кстати, некоторыми весьма высокопоставленными лицами из правительства. Действительно, эти утверждения о новой угрозе безопасности России, подкреплявшиеся существенно завышенными цифрами и не всегда достоверными фактами, были растиражированы центральной и местной печатью, и в определенной степени даже приобрели характер антикитайской компании. Но нельзя не видеть и другого: прямой заинтересованности китайского правительства, которое, весьма озабоченное огромными масштабами избыточной рабочей силы внутри страны, с начала 80-х годов проводит целенаправленную политику освоения зарубежных рынков трудовых ресурсов, активно поддерживает своих граждан в индивидуальном бизнесе, требует от них организованной и индивидуальной добычи твердой валюты, изучает иностранных технологий и повышения квалификации за рубежом³¹. Не будет акцентировать внимание на озабоченности пограничников, военных и контрразведчиков характером деятельности многих китайских туристов и бизнесменов, но и от этой проблемы отмахиваться нельзя.

Очень сложной является проблема взаимоотношений двух соседних и, как показал весь прошлый опыт, очень трудно адаптирующихся друг к другу культур. Поэтому весьма спорным кажется тезис в упоминавшейся статье Е.Афанасьева и Г.Логвинова о единой мировой цивилизации, к которой принадлежат Китай и Россия. Тезис этот, думаю, весьма озадачил бы разработчиков теории цивилизаций, как, впрочем, и китаеведов, и специалистов по истории России. Опыт тесного общения двух цивилизаций в Приамурье и Северо-Восточном Китае во второй половине XIX-первой половине XX в., не гово-

ря уже о 90-х гг. последнего, позитивным назвать трудно, по крайней мере с точки зрения "уникального соединения западных и восточных ценностей". Несмотря на длительное соседство и совместное проживание, тесные контакты на разных уровнях человеческого общения, китайцы и славяне остаются очень и очень разными. И не надо искать причину негативного отношения друг к другу в происках каких-то недобросовестных политиков. Достаточно вспомнить историю Владивостока или Харбина начала XX в., чтобы понять, что причины гораздо глубже, причины - в глубоких отличиях двух цивилизаций, для преодоления которых необходимы минимум века.

Кстати, опросы населения южной части российского Дальнего Востока (Южное Приморье, Хабаровск, Благовещенск), с одной стороны, и китайцев, работающих в регионе, с другой, проводившиеся Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 1994-1995 гг., позволяют не столь мрачно, как представляют авторы уже не раз цитировавшейся мною статьи, оценивать взаимоотношение двух народов. И в то же время их оценки перспектив российско-китайских отношений являются куда менее радужными, чем это хотелось бы нашим дипломатам.

По нашим данным, отрицательно к китайцам относится отнюдь не 70% дальневосточников, как указывают Е.Афанасьев и Г.Логвинов, а менее четверти (23%) населения. "Хорошим" свое отношение к китайцам назвали 32% респондентов, безразличным - 38%. К Китаю же в целом "хорошо" относится более половины опрошенных, "плохо" - менее 13%. Более половины (58%) дальневосточников не видит ничего предосудительного в пребывании китайцев на территории России. И это в условиях шумной антикитайской кампании в центральной и местной прессе, предпринимаемых местными властями акций по выдворению китайцев-нелегалов с территории Юга Дальнего Востока, при том, что в той или иной степени существование угрозы китайской экспансии признают почти 2/3 населения (62%). В то же время ни в пору наивысшего расцвета приграничных связей в 1992 г., ни сегодня Китай, в отличие от Японии, США, Южной Кореи, Австралии, не рассматривался и не рассматривается дальневосточниками как надежный партнер в экономическом сотрудничестве. Только четверть респондентов (26%) видит у российско-китайских отношений хорошие перспективы (данные 1994 г.). Работа с китайскими фирмами (и на них) представляет интерес для очень небольшой части (до 2%) опрошенного населения, а китайские товары оцениваются как очень низкие по качеству.

В чем причины такого восприятия Китая и китайцев на Дальнем Востоке России и корни противоречий, отчетливо проявляющихся в общественном сознании дальневосточников? Прежде всего проявились глубокие культурные отличия двух народов, прочувствованные населением на личном опыте в 1992-1994 гг. И не только на базарах и "толкучках", но и в совместном бизнесе, в процессе тех же контактов в сфере культуры, науки, образования. Пробудилась историческая память: пограничные конфликты 60-х гг., конфронтация и антикитайская пропаганда 70-х дают знать о себе и сегодня. Сохранился стереотип Китая как страны экономически слаборазвитой и неспособной принести (в отличие, к примеру, от Японии или Южной Кореи) какой-либо практической пользы дальневосточникам. Подход утилитарный, сугубо житейский, но глубоко укоренившийся.

Китайцы, опрошенные во Владивостоке, оказались еще более терпимыми по отношению к россиянам (но, возможно, и не столь искренними. Их статус и местонахождение в момент опроса не принимать во внимание нельзя). Среди опрошенных осенью 1994 и летом 1995 г. к России хорошо относится от

80 до 86%, к русским определили свое отношение как "хорошее" от 58 до 62%. При этом у работающих в Приморье китайцев Россия не пользуется особой популярностью как место приложения своих сил: как место работы ее предпочла только четверть респондентов (остальные отдали приоритет США, Великобритании, Франции, Канаде и Италии), а остаться на постоянное жительство в ней хотели бы и того меньше - 18%. Интересно также, что в 1995 г. почти 2/3 опрошенных китайцев (64%) оценили отношение к ним со стороны россиян как "хорошее" и "удовлетворительное".

Опросы населения показывают, что население по обе стороны границы не заражено вирусом ксенофобии и национализма и, несмотря на не слишком позитивный опыт региональных российско-китайских связей в последние три десятилетия, не питает особых отрицательных чувств друг к другу. Но тот же опыт заставляет дальневосточников по-иному, чем в Европейской России, оценивать российскую политику в отношении Китая.

* * *

Сегодня российско-китайские отношения на региональном уровне плохо соответствуют той структуре отношений с Китаем, которая прорабатывается в Москве. Не вмешиваясь открыто в "большую политику", регион тем не менее стремится отстаивать свои интересы, что ему пока плохо удается. Экономическая структура Дальнего Востока не вписывается в модель "цивилизованных отношений" с КНР, одобренную Москвой. Экономическая взаимодополняемость двух стран, о которой много рассуждают и российские, и зарубежные ученые, для самих российских сторонников этой доктрины. Кратковременная эпоха расцвета "дикого бартера" в отношениях между Россией и Китаем позволила целым группам населения Дальнего Востока выжить на первом этапе реформ, пережить и преодолеть товарный голод, кому-то даже сколотить стартовый капитал, но в целом оставила тяжелый осадок в сознании дальневосточников. Их предает Центр, не принимают всерьез Япония и Южная Корея, снисходительно одаривают помощью Соединенные Штаты, и вдобавок к этому унижает (фактов ущемления прав россиян в Китае предостаточно) Китай. Каких-то дивидендов от крупных проектов российского участия в промышленной реконструкции этой страны Дальний Восток ждать не может, как и от продаж оружия своему недавнему противнику, а поэтому смотрит на будущие отношения с Китаем достаточно пессимистично.

Поддержание нормальных межгосударственных отношений между двумя странами требует прежде всего реализма и взаимоувязки интересов собственных и своего партнера, и отнюдь не подразумевает принесение клятв верности и широкого раскрытия дружеских объятий. Сегодня интересы Китая и России совпадают в стремлении обеспечить благоприятный внешний климат для проведения внутренних реформ. Но мудрость государства заключается в том, чтобы твердо знать и просчитывать свои интересы и политику наперед. От отношений с Китаем в немалой степени зависят будущее России и судьба ее дальневосточных территорий, и очень не хотелось бы, чтобы эти отношения складывались по слепку XX века.

- ✓ 1 Е.Афанасьев, Г.Логвинов. Россия и Китай: на пороге третьего тысячелетия // Международная жизнь. - 1995. - № 11-12.
- 2 Примером этому могут служить статьи С.Кондрашова "Натиск на Восток" по-русски // Известия. - 1996. - 11, 22 ноября.
- 3 Е.Афанасьев, Г.Логвинов. Цит. соч. - С. 53; Ю.Савенков. России не нужны две спорные границы с Китаем. Достаточно одной - общей // Известия. - 1996. - 24 апреля.

- 4 M.L.Titarenko, A.G.Yakovlev. Russia's Asia-Pacific Policy in the New International Situation // Korean Journal of International Studies. - Vol. XXIV. - No. 1. - Spring 1993. - P. 110-111.
- 5 L.Buszynsky. Russia and the Asia - Pacific Region // Pacific Affairs. - Vol. 65. - No. 4. - Winter 1992-1993. - P. 505.
- 6 Ван Бинъинь. Упорядочение политики России в АТР и наши ответные меры // Дунбэйя яньцзю. - 1993. - № 2. - С. 33.
- 7 R.A.Scalapino. Korea and the Changing International Scene // Asian Perspective. - 1992. - Vol. 16. - No. 2. - P. 16.
- 8 А.Г.Яковлев. Россия и Китай: состояние и перспективы отношений // Китай в мировой и региональной политике (История и современность). - Информационный бюллетень № 3. ИДВ РАН. - М., 1995. - С. 41.
- 9 В качестве примера могу отослать к очень основательной монографии Лю Юаньту "Изучение раннего периода /истории/ восточного участка российско-китайской границы". - Пекин, 1993. (на кит. яз.).
- 10 См.: Владивосток. - 1995. - 28 февраля; Известия. - 1994. - 17 мая; Тихоокеанская звезда. - 1995. - 4 марта.
- 11 См. АИФ - Дальинформ. - 1995. - № 9.
- 12 См.: Приамурские ведомости. - 1995. - 25 марта.
- 13 Уссурийский казачий вестник - 1995. - № 7.
- 14 См.: С.Кондрашов. Отношение с Китаем - среднесрочный оптимизм.
- 15 См.: Е.Л.Беспрозванных. Приамурье в системе русско-китайских отношений. - М., 1983. - С. 86.
- 16 G.Segal. China's Changing Shape // Foreign Affairs. May/June 1994. - P. 51-52.
- 17 Е.Афанасьев, Г.Логвинов. - Цит. соч. - С. 52.
- 18 С.Ю.Витте. Воспоминания. Царствование Николая II. - Т. 1. - JL, 1924. - С. 35-36.
- 19 G.Segal. Op. cit. - P. 55.
- 20 J.C.Moltz. Regional Tensions in the Russo-Chinese Reapprochement. // Asian Survey. - Vol. XXXV. - No. 6. - June 1995. - P. 520.
- 21 См.: Дальний Восток России: экономическое обозрение. - Хабаровск, 1995. - С. 442-447.
- 22 Деловой Восток. - 1995. - № 13. - С. 5.
- 23 Там же. - 1995. - № 15. - С. 6.
- 24 Дальний Восток России: экономическое обозрение. - С. 78.
- 25 Известия. - 1994. - 4 февраля; - 1995. - 16 марта.
- 26 Дальний Восток России: экономическое обозрение. - С. 83-85.
- 27 Е.Афанасьев, Г.Логвинов. Цит. соч. - С. 57.
- 28 Владивосток. - 1995. - 4 октября; 1996. - 6 января.
- 29 Там же. - 1995. - 28 ноября.
- 30 Н.Островская. Пахан Лао Да и его команда // Известия. - 1996. - 4 января.
- 31 См.: Y.Nayase. International Migration in China // Economic and Social Development in East Asia: Policies, Management and Population. - Univ. Research Center, Nihon Univ., 1993. - P. 243-249.

Российские подходы к проблеме участия России в азиатско-тихоокеанской интеграции

© 1997

В. Михеев

Долгое время российский Дальний Восток оставался далекой от Москвы и закрытой от внешнего мира крепостью. Начало серьезного пересмотра российскими учеными и политиками места и роли Дальнего Востока России в АТР относится к периоду горбачевской перестройки. В то время стали активно предлагаться учеными и приниматься политиками новые идеи и концепции развития Дальнего Востока с учетом происходивших в АТР политических и экономических перемен. Важную стимулирующую роль в выработке российских подходов к атээровской проблематике сыграли попытки зарубежных, прежде всего американских ученых, "раскачать" российских коллег на формулирование собственной позиции по вопросу о роли и месте России в АТР. Начиная с 1991 г. эта проблематика успешно разрабатывается в научных центрах в Москве и на Дальнем Востоке (во Владивостоке, Хабаровске). В современных исследованиях представлен практически широкий спектр подходов к определению места и роли России и российского Дальнего Востока в АТР. Сюда входят: определение целей вхождения России в АТР, характеристика внутренних и внешних предпосылок интеграции России, разработка моделей интеграции, выявление ее экономических и политических последствий.

1. Краткая история вопроса. Распространенной является точка зрения, согласно которой началом нового периода отношений Россия-АТР стала Владивостокская (1986) речь М. Горбачева, обозначившая тихоокеанские приоритеты внешней политики Москвы. Тогда же острой критике со стороны ученых подверглась разработанная правительством программа развития Дальнего Востока СССР до 2000 г. Авторы программы упрекали за игнорирование внешнего фактора экономического и политического развития дальневосточного региона России и за приверженность к экстенсивной модели хозяйствования.

Взамен предлагалась политика "открывания" Дальнего Востока внешнему миру и его "вписывания" в АТР. Главными политическими целями нового курса провозглашались, во-первых, изменение существовавшего тогда в регионе негативного имиджа СССР как "нищего с ракетами" и, во-вторых, подтверждение статуса СССР как великой державы в азиатско-тихоокеанских делах. В области экономики ставилась задача использования динамичных процессов в АТР для ускорения развития Дальневосточного региона и создания тем самым базы для последующего экономического рывка в Сибири. Подобная постановка вопроса вписывалась в общую политику перестройки и открытости горбачевского периода.

В качестве предпосылок успешного вхождения СССР в АТР назывались, с одной стороны, - научный потенциал и запасы природных ресурсов Дальнего Востока, а с другой - заинтересованность в их использовании со стороны лидеров АТР - (Японии и новых индустриальных стран).

Наиболее предпочтительной моделью вхождения дальневосточной экономики в АТР признавалась модель, нацеливавшая на создание в этом регионе высокотехнологичной открытой промышленной зоны на основе соединения российских достижений в фундаментальной науке с зарубежными инвестициями. В наиболее смелых проектах Дальний Восток мыслился "витриной" "перестроенной" советской экономики, обращенной в Азию.

Этой модели противопоставлялась другая, закрытая, по традиции ориентированная на российский Дальний Восток исключительно на российский рынок и отводившая ему роль сырьевой базы.

Последствия интеграции в АТР виделись исключительно в благоприятном для России свете: Россия получает доступ к атээровским капиталам и опыту ускоренного хозяйственного развития и становится в один ряд с главными персонажами атээровских сюжетов.

В целом в период горбачевской перестройки ситуацию в области идей о будущем российского Дальнего Востока можно охарактеризовать следующим образом: новые подходы открытости и интегрирования региона в АТР стали энергично противостоять традиционному планированию развития Дальнего Востока как закрытой крепости.

После крушения СССР научная мысль России продолжила разработку концепций участия России в АТР. Однако на содержание выдвигавшихся идей оказывали решающее воздействие объективные обстоятельства - глубокий экономический кризис, трудность и противоречивость движения России к рынку и либеральной демократии. Спор сторонников и противников открытости Дальнего Востока в 90-е годы превращается скорее в спор оптимистов и пессимистов - т.е. тех, кто продолжает считать реальным полноценное участие России в атээровской интеграции, с теми, кто полагает, что в обозримом будущем регион закрыт для России.

2. Цели вхождения России в АТР. По мере углубления социально-экономического кризиса в России политические цели интеграции в АТР уступают приоритетные позиции целям экономическим. АТР начинает больше рассматриваться как потенциальный источник инвестиций в поддержку рыночных российских реформ, а Российский Дальний Восток - как потенциальный регион приложения зарубежных капиталов. Полноценное включение Дальнего Востока России в систему мирохозяйственных связей расценивается как обязательное условие нормального развития самого региона и государства в целом.

Кроме того, сами политические цели изменяются. Речь идет уже не о закреплении статуса великой державы активным участием России в атээровских процессах, а о фиксации присутствия России в регионе. Новые нюансы в подходах влияют и на отношение официальной Москвы к многосторонним форумам АТР, таким как АТЭС, ТЭС, СТЭС - Москва стремится стать и становится формальным участником этих организаций, впрочем не проявляя реальной деловой активности, что и отвечает решению ограниченной задачи - "фиксации присутствия".

В размышлениях российских ученых о политических целях участия России в АТР сталкиваются два подхода. Первый - ностальгическое понимание былого международного "величия" России. Второй - огорчительное осознание нынешней ее слабости и неспособности реально влиять на политиче-

скую ситуацию в АТР. Компромиссом столкновения этих двух подходов стала идея о поэтапном вхождении России в АТР по мере развития России.

В уточнении экономических целей также просматриваются два подхода. Один предполагает, что интеграция российского Дальнего Востока в АТР является основным фактором экономического возрождения дальневосточных земель. Другой рассматривает комплексное развитие дальневосточного региона России как предпосылку постепенной интеграции России в АТР. Безусловно, интеграция в атэзовский регион является и условием и следствием хозяйственного взлета Дальнего Востока одновременно. Однако, на наш взгляд, в современных условиях логичнее говорить о том, что именно рыночная стабилизация в России в целом и на Дальнем Востоке в том числе является первичной в причинно-следственной связи внутрихозяйственное развитие - интеграция.

3. Предпосылки интеграции.

Российские исследователи выделяют внутренние и внешние предпосылки интеграции Дальнего Востока России в АТР.

К внутренним предпосылкам, как и в горбачевские годы, относят богатый ресурсный потенциал Дальнего Востока и научно-технические возможности России. Правда, в отличие от перестроечных лет именно природные ресурсы рассматриваются в качестве главного фактора "заманивания" иностранного капитала. Наиболее последовательные пессимисты вообще полагают необратимыми процессы распада и отставания российской науки.

Становление рыночных отношений в России также представляется важным условием российской интеграции в АТР. В практическом плане это позволило России стать участником региональных организаций, не допускавших ранее членства России из-за отсутствия в социалистической экономике частного предпринимательства.

В то же время существует и другая точка зрения, согласно которой становление рыночных отношений в России пошло не по тому пути и вместо рынка цивилизованного, т.е. основывающегося на обязательных для всех стабильных правилах поведения, в России формируется рынок криминально-бюрократический. Такой рынок создает гораздо более сложные препятствия для международной интеграции, чем административно-распределительная система времен социализма. Кроме того, полагают пессимисты, российский рынок не создал пока дееспособных крупных субъектов хозяйственных связей за исключением нефтегазовых корпораций. Не случайно, даже наиболее активные сторонники включения России в региональную жизнь выступают за усиление государственного участия в этом. Характер экономических реформ в России на сегодняшний день не позволяет, полагают скептики, говорить о формирующихся рыночных отношениях как о предпосылке участия России в тихоокеанской интеграции.

В качестве внешних предпосылок участия России в АТР оптимисты называют динамизм региональных экономик и интеграционные процессы в тихоокеанской Азии. В качестве аргументов в пользу того, что России "надо спешить, чтобы не опоздать", ссылаются на идею Б.Клинтона о создании "Азиатско-тихоокеанского общего рынка" и на выдвинутую в рамках АТЭС задачу поэтапной ликвидации торговых барьеров до 2020 г.: сначала для развитых, затем для новоиндустриальных и, наконец, для развивающихся государств региона.

Скептики полагают, что противоречия между различными странами в АТР гораздо сильнее интеграционных факторов. И эти противоречия вряд ли преодолимы, поскольку носят системный характер. В АТР сталкиваются две

трудно совместимых общественных модели. Одна в североамериканском либерально-демократическом варианте, предполагающим приоритет интересов личности над государственными и утверждающим основанный на верховенстве закона компромисс как норму общественных отношений. Другая - азиатско-авторитарная, отдающая предпочтение интересам государства и признающая иной компромисс - исключительно на основе баланса сил - клановых, корпоративных, национально-государственных. Проблема в том, что азиатско-авторитарная модель имеет объективные основания для существования, обеспечивая в перспективе национальную безопасность и процветание в условиях ограниченных ресурсов и большого населения. Эта проблема порождает и другую, относящуюся к интеграции в АТР. Общества, основанные на двух разных моделях общественного развития, преследуют и разные, вряд ли совместимые, цели интеграционного взаимодействия. Либерально-демократические общества пытаются за счет интеграции расчистить поле деятельности для своих частных фирм, а азиатско-авторитарные - использовать преимущества экономической открытости других стран для укрепления национального государства и, в конечном счете, - для укрепления политических позиций правящих национальных элит.

У скептиков есть и более "приземленные" аргументы: длительный хозяйственный хаос в России делает российскую экономику непривлекательной и слишком рискованной для приложения капиталов. И поэтому с точки зрения логики самой атэзровской интеграции "спокойнее" обходиться без проблемной России. Россию в АТР "не ждут".

4. Модели интеграции. Существуют следующие основные модели интеграции российского Дальнего Востока в АТР:

- Научно-высокотехнологическая модель, упоминавшаяся выше и предполагавшая соединение достижений российской фундаментальной науки с внедренческими возможностями тихоокеанских НИС. Сегодня она, к сожалению, ушла в прошлое. Российские реформаторы не сумели защитить науку от рыночных потрясений и тем самым обусловили стратегические отставание России от мировых научных достижений. Российская наука стала малоинтересной для тихоокеанских лидеров.

- Сырьевая модель, связанная с освоением месторождений полезных ископаемых Дальнего Востока и Сибири. Эта модель представляется наиболее реалистичной, учитывая подтвержденный интерес к сибирскому газу Китая и Южной Кореи, разработку иностранными компаниями нефтяных ресурсов Сахалина или ведущиеся корейцами лесозаготовки в Амурской области и Хабаровском крае.

- Индустриальная модель, исходящая из заинтересованности Японии и Южной Кореи в выносе за национальные пределы ряда отраслей машиностроения. Трудности в осуществлении данной идеи связаны с неразвитостью производственной инфраструктуры на российском Дальнем Востоке и недостаточной подготовленностью и дисциплинированностью российской рабочей силы для работы в японо-корейском трудовом режиме.

- "Миграционная" модель, подразумевающая заселение обширных дальневосточных территорий выходцами из Китая и среднеазиатских республик СНГ. Стихийный приток китайских мелких торговцев и сельхозработников уже наблюдается. Однако авторы этой модели выступают за упорядочение процесса взвешенной государственной политикой России и международными соглашениями с заинтересованными странами.

- "Очаговая", или "зональная" модель, предполагающая создание на Дальнем Востоке зон свободной торговли и их использование для оздоровле-

ния экономики региона. Многие ученые с оптимизмом смотрят на воплощение идеи свободных экономических зон, в качестве примера ссылаясь на опыт Находки. Скептики же продолжают считать данную модель малоперспективной. Налоговые и инфраструктурные условия функционирования подобных зон в России гораздо менее привлекательны по сравнению с атээровскими аналогами. Местные же власти стремятся не столько создать привилегированные условия для иностранных инвесторов, сколько использовать инвестируемые средства для решения социальных проблем региона. Озабоченность руководителей на местах социальными проблемами заставляет потенциальных зарубежных инвесторов очень настороженно относиться к осуществимости идеи свободных зон в России.

- Еще одна модель предполагает активное участие России в многосторонних проектах в Северо-Востоной Азии, таких как создание зоны свободной торговли в районе реки Туманган на стыке корейской, российской и китайской границ или освоение зоны кольца Японского моря. В стратегическом плане у данной модели вряд ли найдутся серьезные оппоненты. Однако практически российское участие спотыкается о главную на сегодня проблему для России - дефицит финансовых средств.

На рубеже 90-х годов автором этого доклада была выдвинута принципиально иная модель перспективного развития Дальнего Востока, предполагающая сохранение уникальной природы региона и его превращение в обширную зону отдыха и уникального туризма для перенаселенной и уставшей от цивилизации Северо-Восточной Азии. Преимущество этой модели видится в том, что она подходит к развитию региона с позиций коэволюции природы и человека, с учетом фактора экологической выживаемости российского Дальнего Востока и его вклада в экологическую безопасность всей планеты.

Все приведенные модели в большей или меньшей степени имеют право на существование, обладают своими преимуществами и слабыми местами. Общим у них, пожалуй, является одно - потребность в государственном участии, централизованном финансировании и иностранных инвестициях. Относительный успех ожидает, вероятно, ту концепцию встраивания российского Дальнего Востока в АТР, которая требует относительно меньшего финансового участия Центра и в наибольшей степени привлекает иностранных партнеров. В плане привлекательности наибольшие перспективы у сырьевой модели. Однако, на наш взгляд, здесь требуется тщательная экспертиза с точки зрения обеспечения экологической безопасности не только российского Дальнего Востока, но и всего региона Северо-Восточной Азии.

Политические аспекты интеграции России в АТР.

В отношении участия России в политической жизни региона можно выделить несколько главных подходов.

Первый исходит из того, что в обозримом будущем Россия будет сконцентрирована на внутрихозяйственных проблемах, что ограничивает ее участие в атээровских политических играх. Этот подход предлагает всеми возможными средствами улучшать атмосферу отношений с главными региональными торговыми партнерами и потенциальными инвесторами - Японией, Южной Кореей, Китаем, идя даже на политические жертвы (например, на передачу "северных территорий" Японии или ослабление партнерских отношений с КНДР ради укрепления связей с Южной Кореей). Оппоненты этого подхода указывают на недопустимость политических уступок, ставя под со-

мнение расчеты на то, что подобные шаги способны компенсировать нехватку делового интереса к России в Северо-Восточной Азии.

Сторонники второго подхода настаивают на активном участии России в решении региональных конфликтов. На Россию возлагается роль инициатора и организатора в деле создания коллективных мер безопасности в Северо-Восточной Азии. Сторонники этого подхода исходят из необходимости контроля и ограничения вооруженных сил и вооружений в США, пересмотра военных договоров США со своими азиатскими партнерами, осуществления комплекса мер доверия, проверенных на опыте СБСЕ. Их оппоненты указывают на нереалистичность подобных задач, учитывая военно-политическую слабость России, на нежелание многих государств Северо-Восточной Азии выносить на многостороннее обсуждение сугубо двусторонние, по их мнению, проблемы, неготовность Японии и Южной Кореи идти на пересмотр договоров безопасности с США.

Третий подход предлагает исходить из меняющегося после окончания "холодной войны" представления о национальной безопасности. Его сторонники отмечают возрастание значения таких составляющих национальной безопасности, как экономическая, экологическая, безопасность личности, при уменьшении значимости чисто военных компонентов. Преимущества этого подхода, разделяемого автором, состоят в том, что становится возможным, не затрагивая существующих военных связей стран региона, к изменению которых их правительства относятся весьма болезненно, создавать параллельную структуру многосторонней безопасности в ее скорректированном времени прочтении.

5. Возможные последствия интеграции.

Российские исследователи видят как положительные, так и возможные отрицательные последствия интеграции России в АТР. Безусловно, если задача будет решена, то это повысит международный престиж России и благотворно скажется на развитии российского общества. Через интеграцию в АТР российского Дальнего Востока вся российская экономика получит доступ к региону, которому, по многим оценкам, суждено занять лидирующее место в мире в XXI-м веке. А российские граждане станут ближе к уникальной азиатской культуре. Интеграция в АТР может ускорить развитие дальневосточного региона России и сохранить целостность Российского государства.

Вместе с тем нельзя не видеть и возникающих здесь угроз.

Действительно ли интеграция российского Дальнего Востока в АТР будет означать интеграцию всей России? И не получится ли так, что географическая отдаленность и слабая транспортная привязка дальневосточного региона к центральным регионам России станут объективными факторами "раскручивания" сепаратистских тенденций интегрирующегося в АТР Дальнего Востока России? И что надо сделать, чтобы гармонизировать связи Дальнего Востока с АТР и с центральной Россией? И есть ли у России средства, чтобы это сделать? Наконец, будет ли интеграция в АТР способствовать устранению дотационности Дальневосточного региона? И если - да, то - станет ли такое устранение фактором приближающим Дальний Восток к центру России?

Российские исследователи указывают и на такие возможные негативные последствия интеграции Дальнего Востока в АТР, как экспортное истощение дальневосточной экономики, подавление импортом национального производства, скупку региональной экономики иностранцами, углубление сырьевой специализации региона, экологический ущерб российской природе.

Преобладающим, однако, является тот подход, который рассматривает подобные отрицательные последствия как неизбежные, характерные для всех отстающих в развитии стран. Преодолевать их предлагается не на путях замкнутости, а посредством разработки оптимальной государственной политики, способной смягчить негативные аспекты российской интеграции в Тихоокеанский регион.

6. Выводы. Несмотря на очевидную привлекательность идеи активного участия России в АТР, российские исследователи говорят больше о потенциальных возможностях ее осуществления, а не о реальных делах. Такое видение проблемы отражает кризисную ситуацию в России, стратегический потенциал которой многократно ослаблен по сравнению с периодом "холодной войны".

Несмотря на формальное участие России в работе многосторонних региональных организаций, в практическом плане Россия может предложить к сотрудничеству лишь сырьевую модель. Время для реализации наиболее привлекательной научно-высокотехнологической модели кажется безвозвратно ушедшим.

В практическом плане не приходится ожидать скорого полноценного подключения России к интеграции в АТР. Во-первых, судьба самой тихоокеанской интеграции не столь ясна в сравнении с интеграцией западноевропейской. Во-вторых, российской рыночной экономике предстоит еще много "потрудиться", чтобы доказать свою интеграционную совместимость с Западной Европой и только потом можно будет всерьез задумываться над ее совместимостью с экономикой АТР.

Наиболее рациональным путем российского участия в АТР представляется параллельное движение по двум направлениям: в экономике - реализация тех проектов в добывающем секторе, на которые идут зарубежные партнеры. В политике - фиксация, пусть и формальная, российского присутствия на главных атэровских форумах. И одновременно - создание параллельной многосторонней структуры безопасности, делающей акцент на ее экологической, экономической и личностной составляющих, не претендующей на устранение сложившихся военных структур безопасности в регионе.

При этом практической рекомендацией российским властям могло бы стать пожелание не воспринимать эмоционально-трагически констатацию: "АТР обходится и будет обходиться без России". И найти аргументы в пользу того, чтобы ежегодно в принимаемом государственном бюджете отдельной строкой выделять любую - на сегодня допустимую - сумму расходов на развитие сотрудничества России с Азиатско-тихоокеанским регионом. Это будет в значительной степени определять течение интеграции России в АТР.

Японские взгляды на экономическую безопасность

© 1997

В. Павлятенко

Политика национальной безопасности Японии носит комплексный характер и направлена на обеспечение стабильных условий функционирования государства во всех сферах жизнедеятельности японского общества: политической, дипломатической, военной, экономической, социальной, экологической и др. Переход от традиционной трактовки безопасности в военном смысле к расширительному толкованию понятия безопасности обусловлен объективными тенденциями как экономического развития самой Японии, так и изменения в ситуации на региональном и глобальном уровнях с начала 70-х годов.

Во-первых, стали более четкими признаки окончания эры безраздельного экономического превосходства США на глобальном уровне и в отдельных регионах, прежде всего в АТР.

Во-вторых, на фоне относительного снижения роли США все отчетливее стали проступать тенденции формирования новых "центров силы", пробующих себя в состязании с традиционно сложившимися "центрами". Становящийся более заметным рост ряда развивающихся стран создавал предпосылки для возможного выступления их единым фронтом с требованиями перестройки мировой экономической системы. Провал переговоров Север - Юг мог дестабилизировать сложившуюся систему мировой торговли, что с учетом особенностей развития Японии могло нанести ей серьезный материальный и политический ущерб.

В-третьих, расширяющиеся масштабы военно-политического сотрудничества с США и американский "ядерный зонтик", который был "раскрыт" над Японией в большей степени с целью достижения стратегического доминирования Вашингтона в Северо-Восточной Азии, нежели с целью обороны собственно территории японских островов, тем не менее, позволяли Токио концентрировать внимание на невоенных средствах обеспечения национальной безопасности.

Актуализация экономической безопасности для Японии была связана с еще одним важным аспектом - со стремлением к повышению роли страны в международных делах посредством использования ее мощи второй в мире экономической державы. Главным препятствием на пути к этой цели была экономическая уязвимость Японии, обусловленная высоким уровнем внешней ресурсозависимости, достигавшей 80 %.

Исходя из этого факта, руководство страны пришло к выводу о том, что уделяя внимание поддержанию достаточного уровня военных инструмен-

тов обеспечения национальной безопасности в пределах находящихся под суверенитетом государства территории, морского и воздушного пространства, приоритетным направлением Токио в обеспечении национальной безопасности должно стать опережающее экономическое развитие страны, торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество с другими государствами. В документе, представленном в июне 1980 г. премьер-министру Масаеси Охира группой советников подчеркивалось: "Экономическое развитие и сотрудничество - единственно действенное средство в распоряжении Японии, которое она может использовать для обеспечения национальной безопасности"¹.

Термин "экономическая безопасность" впервые был использован в одном из докладов отдела энергетических прогнозов Министерства внешней торговли и промышленности Японии (МВТП) в 1971 г. и после "нефтяного кризиса" 1973 г. он стал важнейшей составляющей понятия национальной безопасности. Одним из последствий "нефтяного кризиса" 1973 г. было принятие в Японии Предварительного плана экономического развития на 1975-1985 гг., где была конкретно обозначена проблема экономической безопасности страны и подчеркивалась настоятельная необходимость ее решения в связи с обеспечением Японии сырьевыми, энергетическими и продовольственными ресурсами. В очередном среднесрочном Новом семилетнем плане экономического и социального развития страны (1979 г.) уже четко указывалось на обязательность реализации внутренней и внешней политики с учетом экономической безопасности².

Постановка вопроса об экономической безопасности и процесс разработки концепции ее обеспечения в 70-е - 80-е годы характеризовались активизацией исследований ее проблем представителями политических, деловых и академических кругов Японии³. Следует подчеркнуть, что этот процесс продолжается и сегодня, поскольку, по мнению японских аналитиков, "стремительно меняющаяся международная обстановка в целом, особенности развития самой Японии и разительные перемены в АТР диктуют необходимость "постоянного обновления" инструментов обеспечения экономической безопасности страны"⁴. Вместе с тем в ее основе на современном этапе продолжают оставаться положения, разработанные в 80-е годы.

В июне 1980 г. группой экспертов, созданной по инициативе премьер-министра М.Охира, был представлен доклад по проблемам обеспечения комплексной безопасности Японии⁵, в котором вопрос рассматривался в тесной взаимосвязи с шестью основными аспектами: японо-американскими отношениями, укреплением обороноспособностями, собственно Японией, японо-китайскими, японо-советскими отношениями, обеспечением энергетической и продовольственной безопасности, а так же комплексом мероприятий по противодействию крупным стихийным бедствиям. В декабре 1980 г. при кабинете министров Японии был создан Совет комплексного обеспечения безопасности, который, в частности, определил экономическую безопасность как защиту экономики страны от любой внешней угрозы. Одновременно в содержание проблемы экономической безопасности включалось рассмотрение не только экономических, но и политических, и дипломатических проблем, а так же проблем развития культуры и общества в целом.

Практически все разработчики концепции экономической безопасности Японии исходят из вывода, что хотя в долгосрочном плане структура японской экономики будет претерпевать изменения, в том числе и коренные, проблема сырьевого, энергетического и продовольственного обеспечения страны до конца XX столетия и на пороге XXI века сохранит свою остроту. Такой прогноз основывается на объективном возрастании значения импортных по-

ставок альтернативных нефти энергоресурсов, а также минерального сырья, используемого в отраслях высоких технологий. Японские аналитики исходят также из того, что мировой сельскохозяйственный рынок превратится в "рынок продавцов", прежде всего в силу невозможности развивающихся стран удовлетворить растущий спрос на продовольствие за счет увеличения собственного производства. Кроме того во внимание принимается перспектива осложнения в критические моменты в области морских перевозок, которые для Японии жизненно важны в виду высокой импортной зависимости. Несмотря на различие конкретных мероприятий или их комбинаций по обеспечению комплексной и экономической безопасности, как правило, во всех планах выделялись три последовательные этапа действий до и в период возможных кризисов: прогноз и предотвращение подобной ситуации, повышение сопротивляемости, а также управление кризисом.

Повышение сопротивляемости кризису предполагает заблаговременное проведение серии мероприятий, направленных на максимально возможное снижение ущерба для японской экономики. Эти мероприятия должны включать:

- снижение степени импортной зависимости экономики от основных материалов, в отношении которых существует реальная возможность прекращения поставок;

- повышение уровня самообеспечения ресурсами за счет создания стратегических запасов и эффективного использования внутренних ресурсов;

- диверсификацию основных источников стратегических ресурсов;

- укрепление экономической и торговой мощи государства.

В управление кризисом японские аналитики вкладывали понятие о принятии экстренных мер по быстрому восстановлению экономики параллельно с мероприятиями по максимальному сокращению ущерба, наносимого кризисом. В перечень этих мер входят: распределение неприкосновенных материальных ресурсов, укрепление системы внутренних поставок, гибкость в приспособлении к изменениям международных условий развития, специальные экстренные меры по видам кризисов. Одной из важнейших задач признается заблаговременная подготовка системы передачи информации и прогнозирования, дающей возможность максимально снижать последствия "вторичных социальных беспорядков"⁶.

В разработке методики "сопротивляемости кризису" японскими экспертами учитывалась взаимозависимость японской экономики и мирового хозяйства, в частности, фактор углубления интернационализации мировой экономики и возрастание вклада Японии в международную стабильность и безопасность как "незаменимого структурного элемента мирового сообщества". Суть такой посылки состояла в том, что Япония, как страна, в значительной мере зависящая от поставок основных ресурсов извне, не может и не должна создавать систему предельно высокого самообеспечения необходимыми внутренними ресурсами важнейших материалов. В основе такого подхода лежали две основные причины: во-первых, такое мероприятие представлялось абсолютно нереальным, во-вторых, гипотетическое создание такой системы в перспективе могло привести к снижению экономической эффективности. Другими словами, считается, что Япония не может ставить себе целью обеспечение экономической независимости и безопасности в отрыве от мирового сообщества. (В этом смысле положение Японии коренным образом отличается, например, от США, которые могут поддерживать развитие страны на соответствующем уровне полностью за счет собственных ресурсов).

Следовательно, для Японии представляется важным не только добиться гарантированного обеспечения поставок сырья, энергоносителей и продо-

вольствия, но и вносить существенный вклад в улучшение мирового спроса и предложения за счет совместных с другими странами разработок в области альтернативных источников энергии, оказания помощи в развитии сельскохозяйственной базы в странах-поставщиках, сотрудничества в сферах технологий, финансов и др.

Японская концепция комплексной безопасности реализуется в рамках трех основных принципов, которые носят универсальный характер и применяются при обеспечении военной, экономической, экологической и других конкретных видов безопасности. Эти принципы включают:

- активизацию собственно национальных усилий, направленных на сохранение и развитие мощи государства, и гарантирование благоприятных социально-экономических условий развития японского общества;

- обеспечение благоприятной обстановки на глобальном уровне, позволяющей наиболее эффективно реализовывать национальные интересы;

- обеспечение сотрудничества с другими странами, "разделяющими с Японией общие идеалы и интересы", в рамках национальных интересов и национальной безопасности Японии.

Руководствуясь данными принципами, японские аналитики разработали приоритетные направления обеспечения конкретных видов безопасности.

Национальная безопасность(НБ)

1-е направление: консолидация национальных способностей с целью предотвратить "свершение факта" (fait accompli); на этой основе поощрять мероприятия по самоограничению на уровне государства и общества, которое должно формировать сильную волю к защите собственной независимости даже ценой самопожертвования;

2-е направление: международное сотрудничество; сотрудничество со странами, которые могут стать противниками, прежде всего в вопросах контроля над вооружениями и выработке мер доверия; союз или сотрудничество с государствами, которые разделяют общие политические идеалы и интересы⁷.

Экономическая безопасность(ЭБ)

1-е направление: создание запасов сырья и продовольствия для адекватного функционирования экономики в случае возникновения любой формы угрозы; достижение определенного уровня самообеспечения; сохранение достаточной экономической мощи государства с целью поддержания необходимого для безопасности уровня производительности и конкурентоспособности;

2-е направление: сохранение системы свободной торговли; благоприятное разрешение проблем Север - Юг;

3-е направление: обеспечение дружественных отношений с теми государствами, которые представляются важными с точки зрения динамики японской экономики⁸.

Универсальность вышеуказанных принципов, нашедших отражение в разработке направлений реализации мероприятий по обеспечению разных видов угроз, в частности, военной и экономической, в то же время не исключает известных противоречий между самими направлениями. Так например, чрезмерная активизация мероприятий по укреплению собственной оборонной мощи (НБ, 1-е направление) может вызвать реальные опасения у соседних государств и тем самым подорвать усилия по формированию благоприятной для развития экономики Японии ситуации в регионе или на глобальном уровне(НБ,2-е направление;ЭБ,3-е направление). Во время "иранского кризиса" Япония оказалась в весьма сложном положении: с одной стороны она должна была поддерживать США (НБ,3-е направление), а с другой - этот шаг наносил серьезный ущерб японо-иранским отношениям, прежде всего, с точки

зрения поставок в Японию жизненно необходимой для функционирования ее экономики нефти (ЭБ, 3-е направление).

Признавая парадоксальность данного явления, японские аналитики видят выход из этой ситуации в соблюдении "строгой сбалансированности" при реализации каждого отдельного направления. При этом подчеркивается, что "оптимальная сбалансированность - вещь практически недостижимая, а определение главного направления зависит от ряда переменных величин: совокупной мощи государства, позиций того или иного субъекта на международной арене, его места и роли в геополитической расстановке сил в том или ином регионе". Однако, несмотря на сложность составляющих, успех или неуспех в реализации политики экономической безопасности будет зависеть именно от способности руководства страны и общества в целом добиться упомянутого баланса⁹.

Как было отмечено, в рамках общей экономической безопасности японская сторона до конца текущего и в начале будущего столетия в качестве ее важнейших составляющих рассматривает обеспечение энергетической и продовольственной безопасности.

Энергетическая безопасность

Является важнейшей составной частью сырьевой безопасности Японии в силу ряда хорошо известных факторов. В ее обеспечении японская сторона исходит из следующих моментов:

- не умаляя значимости мер по созданию запасов собственными усилиями, необходимо четко представлять, что у Японии нет возможностей полагаться только на собственные меры по накоплению и экономии энергоресурсов, чтобы выжить в течение длительного времени;

- всесторонний характер энергетической безопасности означает, что политика в этой области должна быть увязана с оборонной политикой, с политикой в отношении сохранения и модернизации системы мировой торговли, международной финансовой системы и внутренней экономики.

Внешние условия, гарантирующие успешную реализацию политики в области энергетической безопасности включают:

- стабильность в основных для Японии нефтедобывающих регионах;
- гарантия безопасности морских коммуникаций, по которым поступит основной поток импортируемой с Ближнего Востока нефти, прежде всего в Индийском океане, Маллакском проливе, Южно-Китайском море,

При разработке стратегии энергетической безопасности японские аналитики "закладывают" в нее "несовершенство состояния международной обстановки", характеризующейся нестабильностью, причины которой лежат в двух плоскостях:

- внутренние причины осложнения ситуации в странах-производителях - военные, экономические, социально-политические, экологические и др.;

- внешние факторы развития международной обстановки - рост военно-политической напряженности на региональном и глобальном уровнях, всеобщий экономический кризис, нарушение баланса взаимоотношений между экспортерами и импортерами, экологическая катастрофа регионального или глобального масштаба и др.

С учетом этих и других объективных факторов развития ситуации японская стратегия обеспечения энергетической безопасности в среднесрочном и долгосрочном плане включает:

1. Разработку и постоянный пересмотр программы накопления энергетических ресурсов, развития и утилизации новых источников энергии...Разработки новых ресурсосберегающих технологий, с упором на такие факторы как цена и рентабельность, сроки разработки и внедрения.

Считается необходимым по мере возможности сотрудничать с развитыми странами в финансовом и технологическом отношении; учитывать, что "альтернативная энергия" (энергия солнца, ветра, морских прибоев) не может в полном объеме заменить традиционные источники, поэтому Японии следует использовать "альтернативную энергию" в тех внутренних регионах, где она рентабельна и экономически эффективна.

2. Мероприятия по развитию диалога между странами-производителями и странами-потребителями в отношении проблем индустриализации развивающихся стран и равномерного оборота нефтедолларов.

3. Укрепление отношений с угле- и уранодобывающими странами (США, Австралия, Канада) и обеспечение всестороннего сотрудничества с ними.

4. Формирование безопасных отношений сотрудничества с США, Россией, Саудовской Аравией и другими странами, имеющими решающее воздействие на среднесрочные и долгосрочные прогнозы развития источников энергии, в соответствии с политикой, которая наилучшим образом соответствует интересам Японии, не упуская при этом из виду общее состояние и перемены в развитии международной обстановки.

5. Концентрацию усилия на разработке источников энергии на континентальном шельфе, развитии ядерной энергетики, использовании угля.

С точки зрения обеспечения энергетической безопасности в краткосрочном плане, Японии, как считается, следует:

- активно участвовать и содействовать модернизации системы распределения энергоносителей в кризисные периоды, функционирующей под эгидой Международного Агентства по энергетике;

- предпринять шаги по наращиванию стратегических запасов энергоносителей (уголь, нефть, газ);

- разработать альтернативные морские маршруты для использования их в кризисных ситуациях; сохранять национальный потенциал морского транспорта;

- качественно улучшить информационную систему с тем, чтобы адекватно и быстро реагировать на возникший кризис; необходимо иметь внутринациональную программу действий на период кризиса, включая такие аспекты, как подготовка талонов и др.

Важнейшим условием реализации политики энергетической безопасности в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном планах является, по мнению японских аналитиков и стратегов, консолидация усилий всей нации, понимание ею необходимости затрат для повышения уровня экономической безопасности страны и готовность "всего народа к самопожертвованию"¹⁰.

В рамках вышеуказанных стратегических установок в области обеспечения энергетической безопасности в Японии за последние 20 лет были осуществлены мероприятия по созданию стратегических запасов сырой нефти. Начиная с 1976 г. частным предпринимателями, а с 1978 г. и правительственными структурами, создаются хранилища нефти и нефтепродуктов стратегического характера. Запасы создавались из расчета самообеспечения в национальном масштабе до 90 дней; позднее эти сроки были сокращены до 70 дней. В настоящее время в стране создано 10 стратегических хранилищ наземного, подземного и морского базирования (на Хоккайдо - 1, на Хонсю - 5, на Кюсю - 3, на Сикоку - 1), в которых сосредоточены по данным на 1994 г. запасы

нефти и нефтепродуктов объемом 80 млн. к/л.¹¹. Кроме того, в энергетическом балансе страны за последние годы заметное место стали занимать альтернативные нефти энергоресурсы, прежде всего атомная энергия. С 1975 по 1993 г. доля атомной энергетики в энергетическом балансе страны возросла соответственно с 1,5 % до 11,1 %¹². В 1994/95 фин. г. в Японии функционировало 47 АЭС совокупной мощности 38 541 мВт., что составляло 18,1 % от общего энергетического потенциала страны. На АЭС приходится 27,5 % от вырабатываемой в Японии электроэнергии¹³.

Продовольственная безопасность

Проблема продовольственной безопасности Японии по своему характеру отличается от энергетической, поскольку энергетические ресурсы в своей подавляющей части импортируются. Вместе с тем, с точки зрения экономической безопасности в целом эта проблема представляется весьма важной.

С точки зрения проблемы продовольственной безопасности, с одной стороны, Япония в достаточно безопасной мере самообеспечена рисом, фруктами и овощами, морепродуктами, а с другой - опасно зависима от импорта зерновых, бобовых, кукурузы. Самообеспеченность Японии в отношении безопасного содержания калорий в продуктах питания на человека с медицинской точки зрения в 1960 г. составляла 70 % и с тех пор постоянно снижалась, достигнув в 1993 г. 37 %¹⁴. Продуктовый рацион японцев в послевоенные годы претерпел значительные изменения: возрос уровень потребления, питание стало более разнообразным, увеличилось потребление белков, прежде всего мяса, сахара, масла и одновременно снизилось потребление риса. Составляющие рацион "новые" по отношению к традиционным продукты в своем подавляющем большинстве импортируются. Кроме того, постоянно обостряется проблема несоответствия внутреннего производства потребностям в продовольствии, что обусловлено ухудшением форм использования земли, снижением степени самообеспеченности продовольствием¹⁵. Эти и другие объективные факторы ведут, во-первых, к повышению роли импорта в обеспечении продовольственной безопасности страны, во-вторых, к повышению уровня уязвимости с точки зрения прямой физической угрозы нации.

Несмотря на определенные сдвиги в мировом и региональном развитии, источники кризисной ситуации продолжают оставаться и наиболее типичными среди них являются:

- обстоятельства, при которых морской транспорт страны может оказаться парализованным: забастовки портовых рабочих в странах-экспортерах, блокирование морских маршрутов в результате двусторонних и многосторонних международных конфликтов;

- неурожай в странах-экспортерах, который может повысить уровень опасности в результате одновременного неурожая и в стране-импортере; катастрофическая ситуация может возникнуть в результате "наложения" на эти явления энергетического кризиса;

- резкое сокращение поставок в результате напряженности двусторонних политических взаимоотношений и ухудшения дипломатических отношений между экспортером и импортером; воздействие военно-политических конфликтов или экологических катастроф на способность решать проблему самообеспечения страны морепродуктами путем эффективного использования 200-мильной экономической зоны, что для Японии является жизненно важным.

Кроме того, в соответствии с прогнозами мирового продовольственного баланса до конца нынешнего столетия ситуация на мировом продовольственном рынке будет далека от стабильной.

Во-первых, региональный продовольственный дисбаланс будет ухудшаться в результате различий в темпах роста населения и экономического роста и возможностей производства продовольствия. Во-вторых, разница в уровне потребления продовольствия в развитых и развивающихся странах увеличится, поскольку в последние не будет роста потребления на душу населения из-за опережающего роста численности населения. В-третьих, цены на зерновые в долгосрочной перспективе возрастут из-за увеличения производственных затрат, связанных с необходимостью повышения урожайности. В-четвертых, нестабильность сельскохозяйственного производства будет возрастать как результат возделывания ограниченного масштаба земель, интенсивного использования пашни. В-пятых, сельскохозяйственный рынок в еще большей степени будет превращаться в "рынок продавцов".

С целью повышения уровня сопротивляемости возможному кризису в области обеспечения продовольственной безопасности, японские эксперты считают необходимым предпринять "превентивные меры" внутреннего и внешнего характера, поскольку реальность сохранения продовольственной безопасности такова, что в долгосрочном плане будет представлять собой комбинацию внутреннего производства и импорта. Эти меры в общем плане включают в себя:

- повышение уровня самообеспечения за счет рационального производства на основе эффективного использования национальных ресурсов;
- создание национальных стратегических запасов на случай кризиса;
- поддержание морского промысла на современном высоком уровне;
- достижение согласия на уровне нации в том, что закрепление в структуре питания японцев "продуктов, соответствующих климатическим условиям страны", важно не только с точки зрения питания, но и продовольственной и экономической безопасности страны в целом;
- развитие долгосрочного сотрудничества с развитыми и развивающимися странами в области сельскохозяйственного производства и рыболовства направленного на стабилизацию мирового сельскохозяйственного рынка на основе многосторонних соглашений и системы международных неприкосновенных запасов;
- диверсификация источников сельскохозяйственной продукции;
- стабилизация импортных поставок на основе двусторонних соглашений и др.¹⁶.

В целом же, стратегия обеспечения продовольственной безопасности, по мнению японских аналитиков, должна строиться на основе прогнозирования возможного ущерба и выработки соответствующих мер предупреждения этого ущерба или скорейшей его ликвидации всеми доступными средствами¹⁷.

(Продолжение следует)

1. Report on Comprehensive National Security, The Comprehensive National Security Study Group, 02.07. 1980. - Masayoshi Ohira's Proposal. To Evolve the Global Society. Tokyo, 1988, p.238
2. Ни сэн нэн-но Нихон: тэкина кэйдай сякай-но андзэн-о мотомэ(Япония 2000 года: проблема комплексной экономической безопасности страны), Токио, 1984, с. 2
3. См.: Богатуров А.Д., Международный аспект концепции обеспечения "экономической безопасности" Японии.- Япония: экономика и политика, М.,1984, стр. 190-229

4. The Japan Times, March 7, 1996
5. См. Бунин В.Н., Концепция комплексного обеспечения национальной безопасности - Ежегодник Японии. 1982, М., 1983, с.67-79; его же - Япония в военно-политической стратегии США в АТР, М., 1991
6. Ни сэн нэн-но Нихон, с. 5
7. Report on Comprehensive National Security, p. 230
8. Ibidem.
9. Ibidem., p. 231
10. Ibidem., pp. 257-258
11. Japan Almanac 1996, Tokyo, 1996, p. 166
12. Ibidem, p. 163
13. Ibidem., p. 170
14. Japan Almanac 1996, p. 127
15. Ни сэн нэн-но Нихон, с. 65-67
16. Там же, с. 17
17. Report on Comprehensive National Security, p. 259

Интересы Японии в Восточной Азии и Китае

© 1997

А.Семин

Восточная Азия является важной, а в последние годы вновь приоритетной сферой интересов Японии. Увеличиваются товарные и инвестиционные потоки, связывающие ее со странами этого субрегиона. Но если в 60-70-е годы здесь для Японии главными объектами в торговле и капиталовложениях были новые индустриальные страны и территории (НИС) - Тайвань, Гонконг, Сингапур, Южная Корея, позднее такие страны-члены АСЕАН, как Малайзия, Индонезия, Таиланд, то в 90-е годы отмечается смещение внешнеэкономического интереса на Китай. С ним у Японии успешно развиваются двусторонние связи, на региональном же уровне ситуация, хотя пока и не получила полного развития, складывается непростой. Влияние Китая в Восточной Азии в период преимущественной ориентации Японии на американский рынок заметно выросло. Создаются предпосылки для постепенного образования под эгидой Китая мощной группы стран, как возможной базы последующей экономической интеграции в субрегионе. До недавнего времени в этих процессах Япония уверенно рассматривала именно себя в качестве наиболее подходящего лидера, теперь же эта перспектива поставлена под сомнение.

Восточно-азиатские страны привлекательны для японского бизнеса наличием там целого ряда благоприятных для торговой и инвестиционной деятельности условий: быстро развивающийся потребительский рынок, квалифицированная и сравнительно дешевая рабочая сила, относительная политическая стабильность и высокие темпы экономического развития. В 90-е годы субрегион стал "центром роста" мировой экономики. Увеличение валового внутреннего продукта в восточно-азиатских странах превышает 5% в год. В КНР оно самое значительное: 1992 г. - 13,6%; 1993 - 13,1%; 1994 - 11,8%¹.

В последние годы Япония существенно расширила свои торговые связи с НИС, АСЕАН, КНР, одновременно снижалась ее зависимость от рынка США. Это происходило в общем русле определенной переориентации японского бизнеса на Азию. Если в середине 80-х годов "Япония экспортировала на одну треть больше товаров в США, чем в Азию, теперь она экспортирует на треть больше в Азию, чем в США", - отмечает "Файненшиал таймс"². Подобная трансформация затронула, кстати, все страны Восточной Азии. И внутрирегиональная торговля по масштабам стала намного превышать торговлю с США, а также с Западной Европой.

Экспорт Японии в 1993 г. в восточно-азиатские страны составил более 131 млрд. долл. (в США около 107), экспорт из этих стран в Японию достигал 74 млрд. долл. (из США 48)³. Япония является главным торговым партнером

Семин Анатолий Васильевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Китая, Таиланда, Малайзии, Индонезии, занимает второе место после США в торговле Тайваня, Южной Кореи, Сингапура, Филиппин⁴.

Таблица

Торговля Японии со странами Восточной Азии в 1994 г.⁵
млрд. долл.

Страна	Экспорт	Импорт	Дефицит
Гонконг	25,7	2,1	23,6
Южная Корея	24,4	13,5	10,9
Тайвань	23,8	10,8	13,0
Сингапур	19,6	4,6	15,0
Таиланд	14,7	8,2	6,5
Малайзия	12,4	8,2	4,2
Филиппины	5,9	2,7	3,2
Китай	18,7	27,6	-8,9
Индонезия	7,7	12,9	-5,2
Бруней	0,1	1,2	-1,1

* Данные Министерства финансов Японии

Торговля с Китаем у Японии развивается наиболее интенсивно. Так, объем двусторонней торговли вырос в 1991 г. на 25,4%; 1992 - 26,7%; 1993 - 30,9%. В 1994 г. товарооборот двух стран превысил 46 млрд. долл., при увеличении японского экспорта на 8,1%, импорта - 34%⁶. В 1995 г. этот показатель достиг 57,85 млрд. долл., т.е. вырос на 25,1% по сравнению с предшествующим годом. Причем, импорт из КНР составил 35,92 млрд. долл., а экспорт Японии - 21,93 млрд. долл. Об усиливающемся дисбалансе свидетельствовал рекордный торговый дефицит, почти в 14 млрд. долл. Подобного у Японии нет ни с одним из торговых партнеров⁷.

Экспорт Японии в Китай включает металл, машины и оборудование, станки и электротехнические изделия, синтетические ткани. Китайская сторона является главным получателем из Японии стали (свыше 15% японского экспорта), синтетических тканей (более 27%)⁸.

В японском импорте из КНР важное место сохраняют топливно-сырьевые материалы, прежде всего нефть и энергетический уголь. Вместе с тем около 80% импорта в настоящее время составляет продукция легкой и электронной промышленности. Китай стал главным экспортером одежды в Японию (54% японского ввоза). В структуре японского импорта происходят весьма быстрые изменения. Так, в 1994 г. относительно предшествующего года вдвое увеличился ввоз из КНР телевизоров и радиоприемников, в пять раз - видеоманитофонов. Необходимо подчеркнуть, что экспортные возможности китайской стороны из года в год расширяются при участии японского капитала⁹.

Этому капиталу принадлежит немаловажная роль в том экономическом подъеме, который происходит в странах Восточной Азии. Наряду со внушительными масштабами предоставленных кредитов большинству из них, значительными являются и прямые капиталовложения японских компаний. За период 1951-1994 гг. они составили в млрд. долл.:

Китай	8,729	Филиппины	2,817
Малайзия	6,357	Индонезия	16,981
Гонконг	13,891	Южная Корея	5,268
Тайвань	3,997	Сингапур	9,536 ¹⁰

В 1994 г. предприниматели Японии вложили в Китае 2,565 млрд. долл.; НИС - 2,865; АСЕАН - 3,903¹¹. В Китае заметная активизация инвестиционной деятельности японских компаний началась в 1991 г. В 1994 г. ими было заключено около 3000 инвестиционных контрактов на сумму 4,5 млрд. долл.¹²

Следует отметить, что со второй половины 80-х гг. с японским предпринимательским капиталом довольно успешно конкурирует в регионе капитал "китайских" НИС - Гонконга, Тайваня, Сингапура. В результате несколько потеснены позиции Японии в Южной Корее, Малайзии, Тайланде, на Филиппинах. В Китае Япония уступает Гонконгу и Тайваню по объему прямых инвестиций¹³.

Характерно, что увеличение прямых капиталовложений японских компаний в 1994 г. в КНР на 52% сопровождалось одновременным их снижением в Гонконге на 8,5%, на Тайване - 4,8%¹⁴. Происходит это, очевидно, под влиянием комплекса политико-экономических условий в КНР, Гонконге и на Тайване. Предпринимательский капитал без особых препятствий перетекает внутри этого треугольника. Сегодня привлекательной составляющей инвестиционного климата в КНР являются сравнительно невысокие трудозатраты в результате чего, по оценке американской фирмы "Андерсен консалтинг", "3/5 финансируемых иностранным капиталом предприятий в Китае начинают давать прибыль через два года"¹⁵.

Однако данная тенденция в сочетании с другими признаками свидетельствует и о переносе в Китай японскими компаниями основного производства из Гонконга и с Тайваня. Создававшаяся годами в этих странах база на данном этапе не ликвидируется, изменяется ее использование. В общем же финансово-деловые круги Японии готовятся скорректировать свой подход к каждому из трех партнеров, исходя из того, что в дальнейшем, вероятно, потребуется единая стратегия по отношению к этим экономическим объектам. С учетом уже скорого воссоединения (1997 г.) Гонконга с Китаем вопрос о коррективах уже поставлен в повестку дня. Можно вместе с тем с уверенностью утверждать: японским бизнесменам в корне менять свои представления не придется. Они уже не первый год склонны воспринимать как общие экономические интересы Китая, "китайских" НИС, а также компаний этнических китайцев в странах Юго-Восточной Азии.

Тем не менее к Гонконгу накануне его воссоединения с КНР в Японии привлечено повышенное внимание, и не только финансовых и деловых кругов. Среди бизнесменов преобладают надежды на то, что японские интересы там не должны пострадать. Распространено мнение, что "нежелательные изменения в Гонконге наступят лишь в случае, если потерпят поражение китайские реформы... Неуспех Китая в деле надлежащего управления Гонконгом мог бы осложнить политику Пекина в отношении Тайваня, так как идет процесс интеграции экономики трех стран"¹⁶.

Укрепление экономических связей Китая, Гонконга и Тайваня началось в конце 80-х годов, когда наметилось увеличение торговли и капиталовложений внутри этого треугольника. Гонконг и Тайвань - крупнейшие инвесторы для КНР, в свою очередь, сам Китай является самым значительным источником капиталовложений для Гонконга. Последний стабильно удерживает положение главного торгового партнера китайской стороны, выполняет ключевую посредническую роль в экономических, главным образом торговых связях КНР с Тайванем. Суммарный валовой внутренний продукт (ВВП) этой "тройки" в 1993 г. достиг почти 876 млрд. долл., что более чем вдвое превышало общий ВВП стран АСЕАН. Согласно среднеоптимистическому прогнозу

Мирового банка, суммарный ВВП КНР, Гонконга и Тайваня к 2002 г. может превзойти ВВП США¹⁷.

Относимый к группе "китайских" НИС Сингапур с Гонконгом и Тайванем делит основное бремя инвестирования финансовых средств в экономику Китая, на эти три экономических субъекта приходится около 80% всех иностранных инвестиций в КНР (на Японию менее 6%)¹⁸.

У Китая и "китайских" НИС сосредоточены большие и быстро увеличивающиеся резервы валюты. Так, уже в 1991 г. их совокупный объем у КНР, Тайваня и Сингапура был около 188 млрд. долл., т.е. выше валютного резервного фонда Японии, США и Германии вместе взятых. Комплексный "китайский" экономический потенциал включает в себя и немалые возможности китайской диаспоры в странах субрегиона. В 1992 г. "хуацяо" принадлежали ведущие компании в Таиланде - пять из шести, Малайзии - три из шести, на Филиппинах - четыре из шести¹⁹. Япония опасается, что этот комплексный потенциал будет использован Китаем в своих интересах, для реализации его амбиций, как внешнеэкономических, так и, возможно, военно-политических.

Китай начинает, как представляется, проявлять претензии на лидирующую роль в экономическом развитии восточной Азии. Одна из концепций подобной роли разработана в Институте Азии и Тихого океана АОН КНР. Суть ее сводится к следующему.

В 60-80-е годы основной экономической моделью для Восточной Азии был "клин летящих гусей", образованный "четырьмя малыми драконами" - Гонконг, Тайвань, Сингапур и Южная Корея, с Японией в положении "вожака стаи". Япония была в этом субрегионе не только поставщиком капитала и промышленного оборудования, но и важным потребителем экспортируемых отсюда товаров. В настоящее время, как считают авторы концепции, страна Восходящего Солнца больше не является единственным "вожаком стаи" в развитии Восточной Азии. Сегодня, по мнению авторов концепции, происходит переход от прежней модели "гусиного клина" к модели "поезда с двумя локомотивами". Существенным фактором изменения модели стал экономический подъем Китая. Впредь, по мнению китайских исследователей, экономическое развитие субрегиона следует строить подобно поезду с двойной тягой, двигающемуся в гористой местности. Японии отводится место локомотива в голове состава, тянущего его, а Китаю - положение локомотива в хвосте состава, толкающего его²⁰.

Один из путей реализации претензий КНР на лидерство, как считают японские специалисты, обозначен с очевидностью в "Стратегии трех треугольников", разработанной в Центре экономических исследований при Госкомитете планирования КНР. В рамках данной стратегии предусматривается сценарий развития "отношений взаимозависимости" на начальном этапе в "малом треугольнике": КНР - Гонконг - Тайвань, затем - "сотрудничества в среднем треугольнике": КНР - НИС - АСЕАН, и, наконец, - "сотрудничества в большом треугольнике": КНР - Япония - США²¹.

В указанной "стратегии с геометрией" выразительнее, по мнению японских экспертов, чем в "локомотивной модели" экономического развития Восточной Азии, предстает идея лидерства КНР, притом без участия Японии. Вряд ли это соответствует представлениям японских правящих и экономических кругов. Напомню совсем недавнее прошлое. В конце 80-х годов, когда при активнейшем участии Японии вынашивалась концепция регионального сотрудничества, Китай вообще не брался в расчет "из-за наличия у него совершенно иных политических институтов и значительного разрыва в уровне

экономического развития в сравнении с другими государствами Азии и Тихого океана"²².

На рубеже 90-х годов в Японии как экономической "сверхдержавке", по праву претендующей на повышение своей международной роли, не было недостатка в идеях регионального взаимодействия, но под эгидой Японии. Примером является известная концепция бывшего Премьер-министра Я.Накасонэ по созданию "Азиатского общего дома". Идея лидерства Японии в регионе была полностью поддержана, фактически подхвачена Вашингтоном. Почти как политическое кредо она зафиксирована в 1992 г. в совместной декларации Японии и США "О мировом партнерстве и глобальном плане действий". В ней содержалось положение о "центральной роли Японии в процессе интеграции азиатского региона..."²³

А вот сегодня ситуация для Японии качественно уже поменялась. За идеями, нашедшими отражение в вышеупомянутой стратегической концепции Китая, ею усматривается стремление китайского руководства в недалеком будущем образовать, не считаясь с японскими интересами, "китайскую экономическую сферу", "простирающуюся от Пекина до Джакарты". С учетом такой перспективы, по мнению специалиста корпорации "Мицуи буссан" Сю Итикава, "Японии придется в качестве лидера "некитайских государств" участвовать в противодействии политической и экономической экспансии КНР в регионе в начале XXI века"²⁴.

Однако складывается впечатление, что для подобного противодействия у Японии остается все меньше шансов. Обстановка быстро изменяется не в ее пользу, ее адекватная реакция запаздывает. Это уже начинает осознавать часть японцев, знакомых с ситуацией непосредственно, а бизнес, кажется, со смирением готовится принять новые условия игры. Это приходит в голову, когда осмысливаешь рекомендации видного организатора японо-китайских связей президента компании "Марубени реал эстейт", в прошлом председателя Японской торговой палаты в КНР Такаюки Накатобу.

"Нам следует смиренно выслушивать, что говорят китайцы. Но мы также должны, когда требуется, твердо излагать свою позицию. Мы должны быть терпеливыми в своих усилиях, чтобы получить удовлетворение от двусторонних отношений", - подчеркивает Накатобу. "Не проявляйте нетерпения. Не гневайтесь. Будьте настойчивыми и не отказывайтесь от своего",²⁵ - советует он.

Совершенно очевидно, что Японии не приходится рассчитывать на легкий успех в развитии дальнейших отношений с Китаем. Представляется почти неизбежным соперничество между двумя странами в процессе экономической интеграции в Восточной Азии, как и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Именно опасение противостояния с Пекином подталкивает Токио к более тесному сотрудничеству с Вашингтоном, усугублению военно-политической зависимости от него. И Японии, возможно, придется отложить ее мечты о большей самостоятельности и влиянии в сфере международных отношений.

1. Japan Almanac, Tokyo. - 1996. - P. 22.
2. Financial Times. - 1994. - July 19.
3. Japan Almanac. - P. 26.
4. Ibid. - P. 24.
5. Ibid.
6. The Japan Times. - 1995. - January 26.
7. Mainichi Daily News. - 1996. - January 27.
8. Japan Almanac. - P. 25.

9. The Japan Times. - 1995. - January 26.
10. Japan Almanac. - P. 25.
11. Ibid.
12. Фудзи Таймузу. - 1995. - Июнь. - С. 6-7.
13. Япония сегодня. М. - 1994. - № 12. - декабрь. - С. 16-17.
14. The Japan Times. - 1996. - January 5.
15. Wall Street Journal. - 1995. - September 15. - P. A10.
16. The Japan Times. - 1996. - January 5.
17. Ibid.
18. Япония о себе и мире. М. - 1994. - № 7. - С. 146.
19. Ibid. - 1993. - N 9. - С. 60-63.
20. Жэньминь жибао. - 1993. - 22 декабря.
21. Япония о себе и мире. - 1994. - № 7. - С. 146.
22. Киодо цусин. - 1988. - 13 июня.
23. Japan Review of International Affairs. Special Issue. - 1992. - P. 50.
24. Япония о себе и мире. - 1994. - № 7. - С. 146.
25. Asahi Evening News. - 1996. - June 23.

Экономика

Привлечение иностранного капитала в акционерной форме: опыт КНР

© 1997

П.Мозиас

В последние годы главной организационно-правовой формой привлечения иностранных предпринимательских инвестиций в российскую экономику стала продажа зарубежным инвесторам акций приватизируемых российских предприятий. Намерение развивать в приоритетном порядке именно эту форму инвестиционного сотрудничества зафиксировано в утвержденной Правительством РФ в конце 1995 г. “Комплексной программе стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации”¹. Вместе с тем суммы привлеченных инвестиций остаются весьма скромными и явно не соответствуют потребностям и масштабам народного хозяйства России. По данным Госкомстата, объем иностранных капиталовложений составил в 1995 г. только 2,8 млрд. долл., в том числе прямых инвестиций - 1,88 млрд. долл.² Незначительность этих сумм особенно очевидна на фоне показателей другой страны, совершающей переход к рыночной системе хозяйства - Китайской Народной Республики. В 1994 г. в экономику Китая было привлечено иностранных инвестиций на сумму в 43,2 млрд. долл., в том числе прямых инвестиций - 33,8 млрд. долл.³ В 1995 г. сумма привлеченных инвестиций достигла 48,4 млрд. долл., в том числе прямых - 37,7 млрд. долл.⁴ Для того чтобы оценить, каким образом можно использовать в российских условиях позитивные наработки китайского опыта, важно выяснить, какую роль играет в практике сотрудничества с иностранным капиталом в КНР акционерная форма совместного предпринимательства.

1. Эволюция организационных форм совместного предпринимательства

Привлечение иностранных инвестиций в рамках “политики открытости к внешнему миру” является составной частью реформ, осуществляемых в КНР с конца 70-х годов. Уже к середине 80-х годов объемы согласованных прямых инвестиций вышли на уровень 4-6 млрд. долл. в год. Между тем сколь-нибудь серьезные попытки подключить иностранный капитал к процессу акционирования государственных предприятий стали предприниматься в Китае только с начала 90-

---

Мозиас Петр Михайлович, кандидат экономических наук, научный сотрудник ВНИИ внешнеэкономических связей при Министерстве экономики РФ

х годов. Стабилизация притока иностранных инвестиций в 80-е годы и его бурное ускорение в начале следующего десятилетия достигались за счет использования иных, неакционерных, форм инвестиционного сотрудничества.

В практике совместного предпринимательства в КНР применяется целый ряд организационных форм производственной кооперации, в которых сильные и слабые, с точки зрения интересов партнеров, стороны сочетаются различным образом.

Наиболее простой из них является *поручительская переработка импортного сырья и сборка изделий из деталей, предоставленных заказчиком*. Иностранная компания поставляет сырье, полуфабрикаты, отдельные детали, а китайское предприятие организует производство продукции в соответствии с требуемыми техническими стандартами. Продукция отгружается в адрес иностранного партнера, который реализует ее за пределами КНР. Китайская сторона получает плату за произведенные операции. Сроки окупаемости проектов составляют обычно не более 4-6 месяцев. В интересах качественного выполнения заказа иностранный партнер может поставлять китайскому предприятию промышленное и контрольное оборудование. Его стоимость уплачивается в рассрочку путем соответствующего уменьшения получаемой китайской стороной платы за обработку.

Компенсационная торговля предусматривает прямое предоставление китайскому предприятию оборудования и технологии. Китайская сторона управляет производством и в течение согласованного срока погашает стоимость полученных средств путем поставок иностранному партнеру части произведенной продукции. По завершении платежей оборудование и технология переходят в полную собственность китайского партнера.

Компенсационные соглашения предусматривают более тесные и длительные связи по сравнению с поручительскими операциями. Сроки соглашений обычно составляют 3-5 лет. Но в целом устойчивых связей по передаче технологии при этом не возникает. Как и поручительские операции, компенсационные соглашения наиболее предпочтительны для иностранных фирм, ориентирующихся на экономию издержек за счет использования дешевой рабочей силы, а также заинтересованных в переносе в Китай трудоемких производств и последующем реэкспорте продукции. Для китайской стороны эти виды сотрудничества перспективны прежде всего с точки зрения получения экспортных валютных доходов, а также создания дополнительных рабочих мест.

Более сложной формой являются *контрактные совместные предприятия*. Организация их, как правило, не сопровождается юридическим оформлением участия партнеров в капитале и созданием нового юридического лица. Китайская сторона обычно предоставляет земельные участки, помещения, рабочую силу, сырье, а иностранный партнер - оборудование и технологию. Вклады сторон могут не получать денежной оценки. Применяются различные варианты системы управления: может создаваться Совет директоров, управление может поручаться одному из партнеров или приглашается третья сторона. Доходы распределяются не в соответствии с долей в активах, а по договоренности, и каждая сторона выплачивает налоги самостоятельно. Иностранному партнеру обычно получает стоимость оборудования, лицензий, запчастей, а участие в прибыли обеспечивается платежами роялти.

Достоинством контрактных СП является их гибкость, совмещенная с большей, чем в компенсационной торговле, взаимоувязанностью интересов ввиду обоюдного участия партнеров в прибыли. Однако значительная часть доходов иностранного партнера формируется при этом вне зависимости от результатов работы предприятия. Минимальные размеры роялти, как прави-

ло, заранее оговариваются в контракте. Иностранный партнер может изымать свою долю до истечения срока действия соглашения. Применяются различные методы ускоренной окупаемости его вклада: за счет ускоренной амортизации или за счет того, что в первые годы работы предприятия ему начисляется относительно большая часть прибыли.

Для китайской стороны более предпочтительным является создание *паевых совместных предприятий* - компаний, предусматривающих совместную собственность на капитал и распределение риска и прибылей в зависимости от доли в активах. Для управления паевым СП создается Совет директоров. Вклады сторон получают денежную оценку, инвестиции могут быть изъяты только в случае прекращения деятельности предприятия. Китайская сторона обычно стремится к тому, чтобы вклад иностранного партнера в виде технологии составлял не более 15-20% его пая, а остальная часть вносилась другими факторами производства или денежными средствами. Это делается для того, чтобы избежать случаев, когда китайская сторона будет вынуждена в одиночку брать на себя возможные риски и убытки в освоении технологии. Возникающая на длительный срок общность интересов сторон стимулирует зарубежного инвестора к совершенствованию передаваемой технологии. Для иностранных фирм создание паевых СП целесообразно прежде всего в рамках долгосрочного освоения китайского рынка.

В ряде случаев зарубежные партнеры предпочитают осваивать рынок самостоятельно, путем создания *предприятий полной иностранной собственности*. Доля таких предприятий в структуре новых вложений обычно возрастает в периоды антиинфляционного ужесточения кредитно-денежной политики государства, когда китайские хозяйственники испытывают дефицит средств для финансирования уставных капиталов СП.

Соотношение различных организационных форм в структуре вложений за отдельные периоды характеризуют данные таблиц 1 и 2. Прежде всего обращает на себя внимание происшедшее за последние годы увеличение объемов иностранного инвестирования. Сумма согласованных вложений за один только 1994 г. почти в 5 раз превысила соответствующий показатель за первые восемь лет "политики открытости". Объем вложений по линии поручительских контрактов в 1994 г. был намного больше, чем среднегодовые показатели за 1978-1986 гг., но доля такого рода соглашений, незначительная уже в тот период (2,9%), снизилась в 1994 г. до 0,4%. Инвестиции в компенсационные соглашения остались на уровне среднегодовых показателей начала 80-х годов, и компенсационная торговля, на которую приходилось в 1979-1986 гг. 7,5% суммы инвестиций, в 1994 г. (0,2%) уступала по важности даже поручительским контрактам.

Безусловными лидерами и по числу проектов, и по объему инвестиций в первой половине 80-х годы были контрактные СП. Однако в 1994 г. количество паевых СП было более чем в 4 раза, а полностью иностранных предприятий - почти в 2 раза больше, чем контрактных предприятий. По показателю согласованных инвестиций контрактные СП в 1994 г. (немногим более миллиарда долларов) уступили филиалам полной собственности, но вложения в паевые СП почти в 2 раза превзошли соответствующие показатели по каждому из этих видов предприятий. Следует отметить, что согласно данным, не учтенным в таблицах, опережение числа паевых СП над контрактными началось уже в 1986 г., когда было создано 892 паевых СП и 582 контрактных СП⁵. Для сравнения: быстрый рост числа предприятий полной собственности начался только в самом конце 80-х годов. За 1979-1987 гг. в КНР было создано только 225 таких предприятий,⁶ но уже к середине 1991 г. их общее число

достигло 4513¹, а в 1992 г. число вновь созданных полностью иностранных предприятий (8535) впервые превзошло аналогичный показатель по контрактным СП (около 6 тыс.)².

Таблица 1

Видовая структура привлеченных прямых инвестиций 1979-1986 гг.

Форма привлечения капитала	Число соглашений	Объем согласованных иностранных инвестиций, млрд. долл.
Паевые СП	3213	3,41
Контрактные СП	4383	8,21
Предприятия полной иностранной собственности	138	0,52
Компенсационная торговля	...	1,25
Совместная разработка природных ресурсов	41	2,78
Другие формы (поручительская сборка и переработка, лизинг)	...	0,49
Всего:	7775	16,66

Источник: *China Business Review*. - May-June. - 1987. - P. 33.

Таблица 2

Видовая структура привлеченных прямых инвестиций 1994 г.

Форма привлечения капитала	Число соглашений	Объем согласованных иностранных инвестиций, млрд. долл.
Паевые СП	27858	39,36
Контрактные СП	6628	20,35
Предприятия полной иностранной собств.	12989	21,47
Компенсационная торговля	...	0,20
Совместная разработка природных ресурсов	15	0,23
Другие формы (поручительская сборка и переработка, лизинг)	...	0,36
В с е г о:	47490	81,41

Источник: *Синьвэнь гунбао*. - 1995. - № 1. - С. 13.

Таким образом, в первой половине 80-х годов, когда большинство иностранных инвесторов предпочитали реализовать в Китае преимущественно краткосрочные цели, без установления чреватых риском длительных связей, велика была роль относительно простых форм инвестиционного сотрудничества и прежде всего - контрактных совместных предприятий. Но по мере углубления рыночных реформ, укрепления уверенности иностранных партнеров в стабильности инвестиционного климата в КНР и, соответственно, постепенной активизации инвесторов, ориентирующихся на долгосрочное освоение внутреннего рынка Китая, на первый план выходят более развитые формы сотрудничества, предполагающие более глубокую интеграцию иностранных инвесторов в народнохозяйственный комплекс принимающей страны.

На таком фоне возникновение и развитие новой, акционерной, формы совместного предпринимательства является, как считают многие китайские специалисты⁹, развитием уже обозначившихся тенденций, логически закономерной новой ступенью в процессе привлечения инвестиций. С одной стороны, акционерная форма сочетает в себе преимущества уже сложившихся типов предприятий. Подобно паевым СП, она реализует принцип совместного участия в прибыли в зависимости от доли капитала. В то же время она обеспечивает возможность аккумуляции средств из альтернативных источников, а потому в ряде случаев иностранные партнеры могут делать вклады исключительно в виде технологии (подобно контрактным СП).

С другой стороны, акционерная форма преодолевает ограничения, свойственные существующим формам предприятий. Открытая продажа акций изменяет сложившееся положение, когда СП может фактически рассчитывать только на средства учредителей, так как местные банки пока не способны обеспечить необходимые объемы кредитования. В отличие от ситуации, когда у СП "слишком много свекровей" - различных административных ведомств, оказывающих влияние на его деятельность, в условиях акционерной системы определяющую роль должны играть пайщики - непосредственные владельцы предприятия. СП ликвидируется по окончании срока действия контракта, если стороны не пришли к согласию о продолжении совместной деятельности, а это означает отток средств. Обращение акций предприятия на фондовом рынке устраняет такое положение.

Возрастание интереса к акционерной форме связано и с изменением отраслевых приоритетов "политики открытости". Локомотивом экономического роста в КНР и главной сферой приложения иностранных инвестиций в 80 - начале 90-х годов выступали отрасли обрабатывающей промышленности, прежде всего - работающие на конечный потребительский спрос. Но по мере экономического подъема выявились "узкие места", обусловленные отставанием базовых отраслей промышленности и инфраструктуры. Их расширение и технологическая модернизация требуют особо крупных капиталовложений, с длительными сроками окупаемости. Привлечь в эту сферу прямые зарубежные инвестиции трудно как из-за ограниченности финансовых возможностей отдельных инвесторов, так и ввиду преобладающей ориентации последних на быстрые, осязаемые результаты. Возможным выходом является эмиссия ценных бумаг предприятиями капиталоемких отраслей и привлечение таким образом средств с международных финансовых рынков. Возникающий на такой основе механизм портфельных иностранных инвестиций, совершаемых в расчете на прирост капитала вследствие благоприятной динамики фондового рынка и не связанных с управленческим контролем над объектом вложений, заполняет собой своеобразную "нишу" между двумя формами иностранного инвестирования, сложившимися еще в 80-е годы, - между прямыми инвестициями и размещением за рубежом облигационных займов государственных финансовых ведомств КНР.

2. Типология акций, реализуемых иностранным инвесторам

В подходе китайского руководства к развитию акционерной формы совместного предпринимательства прослеживаются общие тенденции, свойственные политике привлечения иностранного капитала в КНР: многовариантность; постепенность в сближении режимов хозяйствования для иностранных и национальных инвесторов; экспериментальная отработка новых методов в пределах отдельных территорий.

Развитие акционерной системы началось в Китае еще на заре экономических реформ, в начале 80-х годов. К началу 1995 г. в стране насчитывалось 6326 акционерных обществ открытого типа и две фондовые биржи - в Шанхае и Шэньчжэне, в которых обращались акции 291 предприятия¹⁰. Создание акционерных предприятий с иностранным участием впервые было санкционировано нормативными актами местных властей: в 1986 г. - в специальных экономических зонах провинции Гуандун, а в 1988 г. - в г. Фучжоу (провинция Фуцзянь). Но реально движение в этом направлении началось только в конце 1991 - начале 1992 гг., когда в Шанхае и Шэньчжэне местным предприятиям было разрешено выпускать и реализовывать так называемые акции типа "В", специально предназначенные для зарубежных инвесторов (в отличие от акций типа "А", размещаемых только среди китайских держателей). Акции типа "В" допускаются к котировкам на фондовых биржах внутри страны. Купля-продажа осуществляется в конвертируемой валюте. Дивиденды начисляются в юанях КНР, но выплачиваются в валюте, перерасчет происходит по текущему рыночному курсу.

Первыми китайскими предприятиями, выпустившими акции типа "В", стали Шанхайский завод электронно-вакуумной аппаратуры в Шанхае и Южнокитайский стекольный завод - в Шэньчжэне¹¹. К концу 1992 г. число предприятий-эмитентов таких акций достигло 18, а к концу 1993 г. - 38, 1994 г. - 53, а на конец 1995 г. - 68, причем акции 36 из них котировались на шанхайской бирже, а 32 - на шэньчжэньской. Объем привлеченных таким образом иностранных инвестиций составил к началу 1996 г. 3,5 млрд. долл.¹² К выпуску акций типа "В" прибегли и некоторые из действующих паевых совместных предприятий, в частности в Шанхае - англо-китайское предприятие "Яохуа-Пилкингтон" и предприятие с участием гонконгского капитала "Шанхай-Хайсин", а в Шэньчжэне - китайско-гонконгское СП "Шэньчжэнь Конка"¹³.

Эмиссия акций типа "В" - не единственный канал подключения иностранных инвесторов к процессу акционирования. Альтернативным вариантом стал выпуск акций, предназначенных для размещения не на внутрикитайских, а на зарубежных фондовых рынках. К настоящему времени возникли два вида таких акций - размещаемые в Гонконге (акции типа "Н") и размещаемые в США (акции типа "№"). Как и в случае с акциями типа "В", номинал таких акций устанавливается в юанях КНР, но реально все расчеты ведутся в, соответственно, гонконгских и американских долларах. Акции типа "Н" и "№" могут выпускаться одним и тем же предприятием. Однако эмитентам таких акций запрещен выпуск акций типа "В". Эмиссия акций типа "А" для китайских держателей допускается в комбинации с любым из типов акций для зарубежных инвесторов.

В октябре 1992 г. Госсовет КНР утвердил список из 9 крупных, широко известных в КНР и за рубежом предприятий, которым было разрешено выпустить акции для размещения на фондовом рынке Гонконга (акции типа "Н"). К концу 1993 г. на гонконгской бирже котировались акции шести предприятий, представляющих главные промышленные центры КНР - пивного завода г. Циндао, Шанхайского нефтехимического комбината, судостроительной компании г. Гуанчжоу, завода полиграфического машиностроения "Бэйжэнь" (г.Пекин), Мааньшаньского сталелитейного комбината, Куньминского машиностроительного завода¹⁴. В январе 1994 г. был опубликован список еще 22 предприятий - кандидатов на право эмиссии акций типа "Н". Большинство из них составляли предприятия энергетики, транспорта, телекоммуникаций, сырьевых отраслей.¹⁵ Однако реализация этих планов происходит пока довольно

медленно. Если в 1994 г. было осуществлено 9 новых выпусков (три оставшихся предприятия из первого списка и шесть - из второго), то в 1995 г. - только 3¹⁶.

Дебют ценных бумаг китайских предприятий на фондовом рынке США состоялся в октябре 1992 г., когда в Нью-Йорке началась котировка акций холдинга "Чайна Бриллиано", номинально зарегистрированного на Бермудских островах. Реально единственным владением холдинга было 51%-ное участие в капитале Шэньянского автомобильного завода. В 1993-1994 гг. китайское правительство утвердило один за другим два списка предприятий (по 5 в каждом), получивших право на выпуск акций для непосредственного размещения в США (акций типа "№"). Но пока закрепиться в листинге Нью-Йоркской биржи удалось только двум энергетическим предприятиям, представляющим провинцию Шаньдун: "Шаньдун хуанэн" и "Хуанэн интернэшнл пауэр". Ценные бумаги еще нескольких предприятий обращаются на внебиржевом рынке. Всего путем размещения акций типа "Н" и "№" было привлечено к началу 1996 г. иностранных инвестиций на 3,67 млрд. долл.¹⁷

В итоге в общей сложности к эмиссии акций, предназначенных для зарубежных инвесторов, прибегли к настоящему времени менее сотни предприятий. Продажи акций иностранным инвесторам представляют собой обособленный сегмент фондового рынка, разделенный, в свою очередь, на несколько слабо связанных между собой частей. Несомненно, во многом это связано с общими особенностями процесса акционирования госпредприятий в Китае, который протекает сравнительно медленно, с приливами и отливами в зависимости от политической и экономической конъюнктуры. Сдержанное отношение китайского руководства к перестройке отношений собственности на государственных предприятиях объясняется как идеологическими причинами, так и желанием не допустить обострения социальных проблем вследствие возможного высвобождения части работников. Что касается подключения к этому процессу иностранных инвесторов, то можно говорить о стремлении не допустить чрезмерной зависимости формирующегося национального фондового рынка и экономики в целом от притока спекулятивного капитала, ориентирующегося на извлечение краткосрочных выгод и быстро покидающего страну при малейших признаках ухудшения макроэкономической ситуации.

Такого рода опасения подпитываются реальными событиями последних лет. Массированный приток иностранных прямых капиталовложений начиная с 1992 г. сам по себе способствовал увеличению денежной массы в обращении, а после перехода с начала 1994 г. к единому валютному курсу юаня в страну устремились инвесторы, привлеченные более высокими, чем на международных рынках, процентными ставками в китайских банках. Реагируя на резкое возрастание спроса на национальную валюту, Народный Банк Китая был вынужден осуществлять юаневые интервенции для поддержания валютного курса на уровне, благоприятствующем экспорту. Тем самым было дано дополнительное ускорение мощной инфляционной волне 1993-1995 гг. Не случайно поэтому, что одним из элементов антиинфляционной политики последних лет стало ограничение набора финансовых инструментов, доступных для иностранных инвесторов. Последним было запрещено заниматься фьючерсными операциями с ценными бумагами и валютой. Правительство отказалось от планов открыть для иностранцев рынок государственных казначейских облигаций. Наконец, официальные лица неоднократно заявляли, что слияние акций типа "А", "В", "Н", и "№" в единую категорию и, соответственно, большая либерализация доступа иностранных инвесторов на фондовый рынок станут возможными только после достижения полной конвертируемости юаня.

3. Нормативно-правовая база привлечения инвестиций в акционерной форме

В развитии хозяйственного законодательства, касающегося акционерной формы совместного предпринимательства, можно выделить два этапа. На первом, по существу экспериментальном, речь шла главным образом о нормативных актах местных властей. Формально его начало можно отнести еще к сентябрю 1986 г., когда гуандунским Собранием Народных Представителей было принято "Положение о предприятиях с иностранным участием в специальных экономических зонах провинции Гуандун", в котором впервые, наряду с привлечением капитала в форме совместных и полностью иностранных предприятий, допускалось создание акционерных обществ с иностранным участием.

Реально выпуск акций типа "В" начался после издания Народным Банком Китая и Народным Правительством Шанхая "Циркуляра о специальных акциях юаневого номинала" (ноябрь 1991 г.), а также аналогичного документа НБК и правительства Шэньчжэня (декабрь 1991 г.). Деятельность компаний-эмитентов регламентировалась "Временным положением г.Шэньчжэня об обществах с ограниченной ответственностью", изданным правительством Шэньчжэня в марте 1992 г., и "Временным положением г.Шанхая об акционерных компаниях", выпущенным шанхайским правительством в мае 1992 г. Эмиссия акций для размещения на зарубежных рынках (типов "Н" и "№") происходила в соответствии с изданным в мае 1992 г. Госкомиссией по экономической реформе "Циркуляром о требованиях к акционерным компаниям с ограниченной ответственностью".

Начало второго этапа связано с принятием в декабре 1993 г. Закона КНР "О компаниях"¹⁸. Его значение выходит далеко за рамки политики привлечения иностранных инвестиций. По существу речь идет о первом в истории КНР законодательном акте, регламентирующем основные правовые формы предприятий - вне зависимости от формы собственности и функциональных особенностей. Закон описывает две основные формы хозяйственной деятельности - компании с ограниченной ответственностью и акционерные компании. К первой категории относится широкий круг хозяйствующих субъектов, начиная с государственных и коллективных предприятий и заканчивая паевыми, контрактными совместными предприятиями и предприятиями полной иностранной собственности.

Положения закона, касающиеся акционерных обществ, распространяются и на акционерные компании с иностранным участием. Акционерное общество создается не менее чем пятью учредителями, большинство из которых должны быть гражданами КНР. Общее число акционеров не ограничено, как и число акционеров-иностранцев. Оплата акций и других ценных бумаг общества может осуществляться в форме денежных средств, товаров, прав промышленной собственности, незапатентованных технологий, прав пользования земельными участками и других прав, имеющих денежную оценку. Вклад в форме технологии не может превышать 20% уставного капитала.

При учреждении общества среди его учредителей должно быть размещено не менее 35% акций. Акционеры не имеют преимущественных прав на покупку дополнительных акций. Учредители не могут продавать свои акции в течение первых трех лет деятельности компании, а члены Совета директоров и высшие менеджеры - в течение срока своей работы на этих должностях.

Общее собрание акционеров проводится не реже одного раза в год. Для принятия обычных решений требуется простое большинство, но вопросы о ликвидации, слиянии, разделении, а также об изменениях в уставе решаются

большинством в 2/3 голосов. Совет директоров избирается общим собранием и состоит из 5-19 членов. Для принятия им решений необходимо присутствие, по меньшей мере, половины членов Совета.

Создание акционерного общества утверждается уполномоченными государственными органами. Государственную политику в отношении фондового рынка осуществляет Комиссия по ценным бумагам при Госсовете КНР. Ее исполнительным органом является Комитет по контролю и управлению рынком ценных бумаг в Китае, в функции которого входит регулирование процессов эмиссии акций и облигаций, пресечение противозаконной деятельности.

В развитие положений Закона КНР "О компаниях" центральными органами исполнительной власти было выпущено несколько документов, относящихся непосредственно к акционерным обществам с иностранным участием. Особенности юридического статуса таких компаний, а также процедуру их создания определяет изданное Министерством внешней торговли и экономического сотрудничества (МВТЭС) КНР в январе 1995 г. "Временное положение о некоторых вопросах учреждения акционерных обществ с иностранным участием"¹⁰. Акционерное общество признается предприятием с иностранными инвестициями, если доля иностранных средств в уставном капитале составляет не менее 25% (надо сказать, что аналогичный критерий применяется и в отношении паевых СП). В этом случае оно может пользоваться налоговыми, таможенными и другими льготами, установленными для предприятий с иностранным участием. Такие нормы распространяются и на предприятия, в которых задействован китайский капитал из Гонконга, Макао и Тайваня.

АО с иностранным участием может быть создано двумя способами: путем учреждения или через реорганизацию уже действующего предприятия. В первом случае необходимо, чтобы хотя бы один из учредителей представлял зарубежную страну. Во втором - к этому добавляется требование о том, чтобы реорганизуемое предприятие было прибыльным в течение 3 лет, предшествующих реорганизации. Общество может быть создано как на базе действующего СП, так и на базе предприятия государственной или коллективной собственности. В последнем случае предприятие должно функционировать как минимум в течение 5 предшествующих лет. Минимальный размер акционерного капитала установлен на уровне 30 млн. юаней, что в три раза превышает соответствующий показатель для АО, основанных на чисто китайском капитале.

Опыт эмиссии отдельных типов акций для иностранных инвесторов обобщен в двух документах, изданных Госсоветом КНР. Вопросам эмиссии акций типов "Н" и "№" посвящено "Специальное положение о выпуске акционерными компаниями акций для размещения на зарубежных рынках" (август 1994 г.)²⁰, а проблемам выпуска акций типа "В" - "Положение о привлечении акционерными компаниями иностранных инвестиций на внутреннем рынке" (декабрь 1995 г.)²¹. Достаточно трудно проводить прямое сопоставление этих нормативных актов. Более поздний документ гораздо лучше юридически проработан, и в нем присутствуют некоторые новеллы, которых не было в документе 1994 г. В частности, в документе 1994г. вопрос о минимуме уставного капитала не рассматривается вообще. Правда, в более позднем документе МВТЭС названа сумма в 30 млн. юаней. Напротив, "Положение" 1995г. увеличивает этот показатель для случая, когда АО с иностранным участием создается путем реорганизации действующего предприятия, при этом предусматривается, что учредители компании должны располагать не менее 35% суммы первичной эмиссии, или в абсолютном выражении - не менее 150 млн. юаней. Выпуск акций для открытой продажи должен составлять не менее 25% эмиссии, и только в случае, когда уставный капитал превосходит сумму в 400 млн.

юаней, - не менее 15%. Если же компания, уже прибегавшая к выпуску акций типа "В", хочет увеличить свой капитал за счет дополнительной эмиссии, то ее чистые активы должны составлять не менее 150 млн. юаней.

В обоих документах устанавливается, что выпуск акций должен быть санкционирован Комиссией по ценным бумагам при Госсовете КНР. Документ 1995 г. дополнительно устанавливает, что на эмиссию свыше 30 млн. долл. необходимо специальное разрешение Госсовета.

Оба документа декларируют, что сделки и выплаты дивидендов по акциям осуществляются в инвалюте. Однако не указывается о механизме и периодичности начисления дивидендов, и, соответственно, о подразделении акций на обыкновенные, привилегированные и т.д. Андеррайтеры, осуществляющие подписку на акции типов "Н" и "№", назначаются компанией по согласованию с Комиссией Госсовета, а в случае с акциями типа "В" - еще и с Народным Банком Китая. Последний устанавливает, что андеррайтер должен открыть валютный счет в банке, расположенном на территории КНР, и переводить на этот счет все средства, полученные в ходе размещения акций в течение согласованного срока.

И в том, и в другом документе важное место отводится гарантиям для иностранных инвесторов. "Так, "Положение", касающееся акций типа "В", декларирует, что такие акции дают их владельцам те же права, что и акции типа "А" китайским держателям. Однако не уточняется, имеют ли владельцы таких акций право голоса и, соответственно, - могут ли они участвовать в принятии решений об инвестиционной стратегии компании. Акционеры могут исполнять свои полномочия через посредников, оформив поручительство. По специальному разрешению Комиссии Госсовета переход прав собственности на акции типа "В" и производные от них может осуществляться за пределами КНР. Дивиденды и другие выплаты инвесторам после уплаты налогов могут свободно переводиться за границу.

В документе, регулирующем эмиссию акций типа "Н" и "№", особо отмечается, что деятельность эмитента не должна противоречить законодательству той страны, в которой размещаются акции. Комиссия Госсовета и ее исполнительные органы могут заключать специальные соглашения с аналогичными органами других стран. Реестр акционеров может помещаться за рубежом - в доверительном управлении. Второй экземпляр должен находиться в распоряжении предприятия - эмитента в КНР. В случае утраты или порчи акций вопрос о восстановлении решается в соответствии с законодательством страны, где находится первый экземпляр реестра. Информация, предоставляемая китайским и иностранным акционерам, не должна иметь взаимных противоречий. Разрешение споров происходит по законам КНР.

Представляется, что слабым местом общенационального законодательства остается регулирование операций на вторичном рынке. Вопросы, связанные с биржевыми котировками акций, рассматриваются в действующих нормативных актах только в самой общей форме. На практике в отношении акций типов "Н" и "№" они решаются в соответствии с регламентами бирж Гонконга и Нью-Йорка. Котировки акций типа "В" происходят по правилам шанхайской и шэньчжэньской бирж. Сделки в Шэньчжэне осуществляются в гонконгских, а в Шанхае - в американских долларах. Торговля происходит в бездокументальной форме - через электронные системы, без физического перемещения акций. Результаты сделок оформляются на третий день после совершения торгов. О случаях, когда в руках иностранного инвестора оказывается более 5% акций типа "В", выпущенных одной компанией, необходимо сообщать в местное отделение НБК.

В Шанхае дивиденды по акциям не облагаются налогом, а в Шэньчжэне взимается 10%-ный налог с суммы, на которую дивиденд превышает ставку по срочному депозиту. Гербовая пошлина на обеих биржах составляет 0,3%, а биржевой взнос - 0,05% от суммы сделки.

(Продолжение следует)

1. Экономика и жизнь. - 1995. - № 45.
2. Сегодня. - 1996. - 20 марта.
3. Beijing Review. - 1995. - № 12. - P. V-VI.
4. Жэньминь жибао. - 1996. - 7 марта.
5. China Trade Report. - 1988. - July. - P. 1.
6. Journal of Commerce. - 1989. - February 13.
7. Beijing Review. - 1992. - № 5-6. - P. 20.
8. Синьхуа. - 1993. - 2 февраля.
9. Бэйцзин дасюэ сюэбао. - 1991. - № 6. - С. 24-30; Гоцзи маои взньти. - 1995. - № 1. - С. 44-47.
10. Beijing Review. - 1995. - N 19. - P. 17.
11. Фондовый рынок Китая. Экспресс-информация. - Пекин, 1992. - С. 48-49 (кит. яз.).
12. Beijing Review. - 1996. - N 8-9. - P. 25.
13. China Daily. Business Weekly. - 1993. - December 5-11.
14. China Daily. - 1994. - January 25.
15. Ibid. - 1994. - January 25.
16. Financial Times. - 1996. - March 12.
17. Beijing Review. - 1996. - N 8-9. - P. 25.
18. Цзинцзи жибао. - 1993. - 30 декабря.
19. Сборник важнейших документов по вопросам внешнеэкономической деятельности - 1995. - Пекин, 1995. - Ч. 1. - С. 203-206 (кит. яз.).
20. Жэньминь жибао. - 1994. - 19 августа.
21. Жэньминь жибао. - 1996. - 3 января.

Концепция экономической реформы в КНР: формирование и эволюция

© 1997

В.Портяков

(Окончание. Начало см. № 6 за 1996 г.)

С середины 1992 г. рыночная ориентация реформы становится свершившимся фактом. Об этом безошибочно свидетельствовали как появившиеся в центральной печати статьи с названиями типа "Социализм также должен осуществлять рыночную экономику", так и принятое в сентябре 1992 г. решение Госсовета КНР об активном использовании рыночного механизма в сельском хозяйстве. В том же направлении разворачивалась и вся экономика. К сентябрю 1992 г. количество позиций по ценам на средства производства и транспортных тарифов, находящихся в ведении государственного комитета по ценам и других центральных ведомств, сокращено до 89 по сравнению с 737 в 1991 г., при этом право установления цен по 571 виду продукции было передано предприятиям¹. В более чем 400 уездах с населением в 200 млн. чел. к концу 1992 г. были отпущены цена на зерно².

Начинается концептуальное осмысление понятия "социалистическая рыночная экономика" и требующихся для ее развития мер. Ученые-экономисты справедливо отмечали, что старт берется не с нуля, так как многие конкретные преобразования в Китае были по своей сути "рыночноориентированными". Вместе с тем констатируется, что поворот от "механизма, органически сочетающего плановое хозяйство и рыночное регулирование", к созданию системы социалистической рыночной экономики требует известной корректировки цели реформ³. В числе важнейших отличий "социалистической рыночной экономики со спецификой Китая" называются ее базирование на общественной собственности и развитие в условиях социалистического общественного строя, позволяющее обеспечивать социальную справедливость⁴.

Проект реформы хозяйственной системы на 1993 г. наметил развернутую программу преобразований рыночного типа - от широкой отработки экспериментов с акционированием и отпуска цен на стальной прокат до реформы налоговой и кредитно-денежной системы⁵.

В отличие от урегулирования 1979-1982 гг. и отчасти урегулирования 1989-1991 гг. новое урегулирование, стартовавшее в июне 1993 г. нацеленное на мягкий вывод экономики страны из возникшего в 1992 - первой половине 1993 г. "перегрева", не только не оказало негативного влияния на темпы экономической реформы, но, напротив, содействовало ускорению давно назревших преобразований в банковской и налоговой сферах, валютном регулировании. В документе ЦК КПК от 24 июня 1993 г., получившем название "16 пунктов" (по количеству предложенных мер), отмечалось, что "возникшие в

экономике противоречия и проблемы коренятся в сохранении остатков прежней хозяйственной системы, в несформированности системы социалистической рыночной экономики". Соответственно, поиски необходимых для преодоления возникших трудностей путей ускорения смены старого хозяйственного механизма, совершенствования и укрепления макроэкономического контроля выступают, как декларировал документ, "мотором ускорения реформы, создания системы социалистической рыночной экономики".

Заслуживают перечисления и сами "16 пунктов", представляющие собой классическую программу макроэкономической стабилизации, неизменно рассматриваемую в России в качестве важнейшей составной части реформ (единственное исключение составляет задача сдерживания чрезмерных инвестиций, отражающая специфику экономических процессов в Китае): строгий контроль за денежной эмиссией; ограничение краткосрочного межбанковского кредитования; повышение процента по сберегательным вкладам; пресечение всех видов незаконной аккумуляции средств населения и проведение разъяснительной воспитательно-правовой работы среди населения по этому вопросу; строгое ограничение общих масштабов кредитования; введение системы ответственности специализированных банков за выплаты по сберегательным вкладам; соединение реформы инвестиционной системы с реформой банковской системы, скорейшее разделение функций коммерческих и "политических" банков; выполнение в установленные сроки работы по эмиссии государственных казначейских обязательств⁶; совершенствование эмиссии акций и облигаций и нормативизация их обращения на рынке; совершенствование методов валютного управления и стабилизация рыночного курса валюты⁷; усиление макроуправления рынком недвижимости; усиление работы по сбору налогов; сдерживание капитального строительства; сдерживание чрезмерного роста цен; сдерживание роста показательной способности предприятий и организаций⁸.

Наконец, 3-ий пленум ЦК КПК 14-го созыва 14 ноября 1993 г. принял Постановление о некоторых вопросах создания системы социалистической рыночной экономики - программный документ реформирования народного хозяйства Китая, рассчитанный на длительную перспективу⁹.

Как декларировало постановление, создание системы социалистической рыночной экономики означает выявление базовой роли рынка в распределении ресурсов под макроконтролем государства. Основной каркас системы социалистической рыночной экономики представляет собой органическое целое таких взаимосвязанных и взаимоограничивающих элементов, как:

- многоукладная экономика при главенстве экономики общественной собственности;
- система современных предприятий, адекватных требованиям рынка, отличающихся четким разграничением имущественных прав, административных и хозяйственных функций;
- единая общегосударственная открытая система рынка, обеспечивающая стыковку городского и сельского рынка, рынка внутреннего и мирового, содействующая оптимизации распределения ресурсов;
- система макроконтроля, опирающегося главным образом на косвенные рычаги и обеспечивающая здоровое функционирование экономики;
- система распределения доходов с распределением по труду в качестве основы, обеспечивающая как поощрение эффективных экономических действий, так и продвижение по пути всеобщей зажиточности;

- многоуровневая система социального обеспечения, отвечающая характерным особенностям Китая и способствующая росту экономики и общественной стабильности.

Отличие концепции социалистической рыночной экономики от концепции социалистического товарного хозяйства наглядно видно уже по одному только несовпадению позиций в документах 1993 и 1984 гг. В 1984 г. констатировалось, что при социализме товарные отношения не являются всеохватывающими: "...Рабочая сила не есть товар, товаром не являются также земля, рудники, банки, железные дороги и все другие государственные предприятия, а также природные ресурсы"¹⁰. В 1993 г. ставились задачи ускорения перевода на рыночные принципы таких сфер экономики, как цены на факторы производства, формирование рынка рабочей силы, всемерное развитие фондового рынка, рынка недвижимости, технических достижений, информации, отладки рыночного механизма ценообразования на право землепользования.

Постановка конкретных задач реформы в Постановлении ЦК КПК 1993 г. в целом лежала в рамках общей логики трансформационного процесса и отличалась скорее четкостью, чем новизной. Многие из намеченных мероприятий не раз обсуждались ранее в научных кругах, частично отрабатывались в экспериментальном порядке (элементы реформы налоговой системы, например), что и позволило безотлагательно приступить к их практической реализации. С 1 января 1994 г. началась реформа налоговой (упорядочение видов налогов и ставок налогообложения, более четкое разделение налогов на центральные и местные) и банковской системы, реформа системы валютного регулирования. В 1995 г. были приняты законы о Народном банке Китая как о центральном банке страны, о коммерческих банках, залоге, векселях, новый закон КНР о труде.

Одним из немногих, но чрезвычайно важных исключений явилось провозглашение нового подхода к реформе государственных предприятий. Преобразование государственных предприятий в разного рода компании (полностью основанных на государственном капитале, с контрольным паем государства, акционерные компании, компании с ограниченной ответственностью), более четкое определение прав и интересов инвесторов и обязательств предприятий перед ними, совершенствование статуса предприятий как юридических лиц, располагающих самостоятельными имущественными правами, что открывает путь к ответственности именно предприятий, а не государства за результаты хозяйственной деятельности, научность "внутрифирменного" правления - таковы основные подходы к созданию системы современных предприятий в Китае, которое первоначально намечалось осуществить к 2000 г.¹¹ и которое стало пятой с начала реформ концепцией реформы госпредприятий (вслед за расширением хозяйственной самостоятельности в 1979-1980 гг., системой хозяйственной ответственности в 1981-1983 гг., заменой отчисления прибыли государству налогами в 1984-1986 гг., подрядом на перечисления прибыли государству с 1987 г.). В 9-ой пятилетке особое внимание намечено уделить тысяче крупнейших предприятий, которые предполагается за счет слияний и структурной реорганизации вывести в ряды предприятий международного класса. С 1995 г. на 100 крупных предприятиях начались эксперименты с целью создания "системы современных предприятий", на 3 предприятиях - государственных холдинговых компаний, 56 предприятий отобраны для создания корпораций, действующих всецело на рыночных принципах. В 18 городах проводится эксперимент в сфере реформы имущественных прав через слияние и банкротство предприятий.

Проблема реформирования государственных предприятий стала в середине 90-х годов политически более чувствительной, чем когда-либо ранее. Китайское руководство откровенно обеспокоено быстрым снижением доли госсектора в промышленности, где он еще недавно занимал доминирующие позиции. Если в 1978 г. госсектор производил 77,6% валовой промышленной продукции, в 1984 г. - 69,1% и в 1991 г. 52,9%, то в 1995 г. - только 30,9%, тогда как доля индивидуального и частного сектора составила в 1995 г. уже 13,2%, прочих экономических укладов¹², кроме коллективного, - 13,1%¹³.

В выступлении на 5-ом пленуме ЦК КПК 14-го созыва в сентябре 1995 г. Цзян Цзэминь счел необходимым подчеркнуть, что "сохранение за общественной собственностью ведущего места является ... основным показателем социалистического характера рыночной экономики в Китае" и что утрата ведущего места общественной собственности в экономике может привести к потере социалистической ориентации¹⁴. Видимо, был взят курс на сохранение "командных высот" в экономике за крупнейшими госпредприятиями, всеми силами приводимыми в конкурентоспособное состояние, с "отпуском" на сторону мелких госпредприятий (сдача в аренду, подряд, прямая продажа). Для такого подхода есть не только политические, но и весомые экономические причины. Хотя в 1995 г. оказалась убыточной примерно треть крупных и средних промышленных предприятий госсектора (4,8 тыс. из 14,1 тыс.), а объем их убытков составил две трети убытков государственной промышленности (37,8 млрд. юаней из 54 млрд. юаней), однако именно крупные и средние предприятия дали почти всю посленалоговую прибыль государственной промышленности - 68,4 млрд. юаней из 69,2 млрд. юаней¹⁵. Очевидно, что вероятная экономическая отдача от повышения эффективности работы даже части крупных и средних государственных предприятий намного превысила бы полную утрату доходов от мелких государственных предприятий. На этом и строится подход руководства страны к проблеме реформы государственных предприятий.

В докладе о работе правительства на 3-ей сессии ВСНП 8-го созыва 5 марта 1995 г. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн подчеркнул, что к 2000 г. система социалистической рыночной экономики в Китае может быть создана только в начальном виде, а обретение ею качества зрелости потребует еще 20-30 лет, в течение которых углубление реформы столкнется с множеством трудностей и проблем¹⁶. Думается, что Ли Пэн не грешил против истины. Помимо ключевой для конечного успеха преобразований проблемы реформы механизма хозяйствования на государственных предприятиях Китаю предстоит решать огромный комплекс проблем создания адекватной условиям рынка системы социального обеспечения. По нашему мнению, неизбежно и обращение руководства страны лицом к преобразованиям в деревне, весь необходимый комплекс которых семейный подряд ни в коей мере заменить не может.

* * *

Итак, концепция экономических преобразований в КНР за полтора десятилетия прошла путь от классической "рационализаторской" реформы наподобие той, попытки проведения которой предпринимались с середины 60-х годов в Советском Союзе и ряде стран Восточной Европы, до ориентации на создание системы социалистической рыночной экономики.

Идея рыночного социализма, вызывавшая когда-то оживленные дискуссии и казавшаяся крайней точкой реформаторского радикализма, сегодня имеет немного сторонников в мире и выглядит скорее анахронизмом, чем но-

вацией. Однако тот факт, что распавшийся Советский Союз и страны Восточной Европы сходу "проскочили" рыночный социализм подобно тому, как поезд проскакивает полустанок, не является доказательством того, что этот полустанок, образно говоря, не может быть местом жительства для кого-то другого. Российский исследователь А.П.Бутенко квалифицирует рыночный социализм как исторический компромисс, специфическую разновидность смешанной, рыночной экономики, возникающую "там и тогда, где и когда острота общественных противоречий уже исключает возможность сохранения или возрождения эксплуататорского общества, но невысокий уровень развития производительных сил еще не позволяет изжить рыночную экономику, вынуждает использовать рыночные механизмы и отношения для умножения производительных сил и подготовки предпосылок к созданию общества, не знающего эксплуатации и гнета"¹⁷. Позиция, согласно которой рыночный социализм есть промежуточная ступень на пути к социализму, в контексте происходящего в мире отнюдь не кажется бесспорной. Не исключено, что она может быть и промежуточной ступенью на пути к капиталистическому рынку. Но вот положение об историческом компромиссе как нельзя лучше применимо к Китаю, которому удалось сохранить официальную приверженность социалистическому пути общественного развития, так и добиться достаточно последовательной и глубокой переналадки экономики на рыночные принципы хозяйствования.

Процесс формирования системы социалистической рыночной экономики далек от завершения. Однако некоторые определяющие признаки, "несущие конструкции" социалистической рыночной экономики со спецификой Китая, просматриваются достаточно четко.

Прежде всего речь идет о создании в стране полноценной рыночной экономики. Как подчеркивает один из наиболее авторитетных китайских ученых-экономистов Ма Хун, рыночная экономика в Китае - это не "частично рыночная экономика", "не полупланово-полурыночная экономика", а подлинно рыночная экономика¹⁸. На наш взгляд, экономические процессы в Китае 90-х годов определяющей степени ориентированы на рынок. Поэтому китайская реформа ни в коем случае не должна "изыматься" из общемирового процесса рыночной трансформации. Сохранение прежней политической системы с руководством компартии в качестве стержня сути дела не меняет. Это - случай из того же ряда, что и ставшие хрестоматийными примеры Тайваня, Республики Корея, Сингапура, где формирование рынка велось в условиях военных диктатур или жесткого авторитарного режима.

Важным моментом является характерный для Китая естественный ход вызревания рыночной ориентации экономики, обеспечивший как весьма высокую степень адаптации населения и субъектов хозяйственной жизни к меняющимся "правилам игры", так и устойчивость институтов рыночного типа, выстоявших даже в условиях резкого изменения политической и макроэкономической ситуации.

Общепризнанной особенностью и концепции экономической реформы в Китае и реального процесса преобразований является сильная роль государства. Как констатировал Питер Нолан, с конца 70-х годов Китай "двигался в направлении националистической, руководимой государством, бюрократической рыночной экономики"¹⁹. Формирующаяся рыночная экономика в КНР еще долго будет сохранять черты, говоря словами Л.Эрхарда, "принудительно направляемого хозяйства". Это продиктовано как экономическими причинами, самой по себе ориентацией на требующую высокой степени централизации

ресурсов модернизацию Китая, так и обстоятельствами иного рода (необходимость контроля за социальной и демографической ситуацией и т.п.).

Нередкие дискуссии о том, можно ли считать рыночную экономику Китая социально ориентированной, порождены, на наш взгляд, неправомочным отождествлением весомого социального измерения экономических преобразований в Китае с понятием социально ориентированной рыночной экономики, предполагающей совершенно иной, чем в КНР, уровень экономического благосостояния и социального обеспечения. КНР еще долго не сможет претендовать на статус "социально ориентированной рыночной экономики" в классическом значении этого понятия. В то же время экономическая реформа в КНР становится, с точки зрения общих ориентиров и реальной роли в ней "социального измерения", несколько более "социализированной" по сравнению с первым десятилетием.

Концепция экономической реформы в Китае далеко не всегда была подлинно "путеводной звездой" для практики экономических преобразований. Иногда теория ставила перед практикой нереальные, по крайней мере по срокам выполнения, цели, иногда предлагала, по сути, тупиковые решения. В Китае любят подчеркивать сильное экспериментальное начало в реформенном процессе, но нередко "переходить реку, нащупывая камни"²⁰, приходилось именно потому, что мост через реку реформ или хотя бы опоры для него загодя построить не удавалось, а то и, продолжая мысль Барри Наутона, мост с завидным упорством строили вдоль реки, а не поперек (разработка концепции реформы государственных предприятий очень напоминает процесс именно такого рода).

Однако вряд ли те или иные недочеты и просчеты концепции экономической реформы в Китае могут бросить тень на кропотливую фундаментальную работу экономистов - ученых и практиков, проделанную подчас в непростых политических условиях и в конечном счете оказавшуюся в намного большей степени востребованной обществом, чем аналогичные наработки в бывшем Советском Союзе. Разработка концепции экономической реформы явилась важной составной частью общего процесса поиска путей социально-экономического развития Китая. Многие ее направления и по сей день представляют существенный научный интерес и заслуживают более детального освещения.

1. Гуанмин жибао. - 1992. - 2 сентября.
2. Цзинцзи жибао. - 1992. - 10 декабря.
3. Жэньминь жибао. - 1992. - 29 декабря.
4. См.: Гао Шанцюань. Ускоряя поступь реформы, как можно быстрее создать новую систему социалистической рыночной экономики. - Гуанмин жибао. - 1992. - 31 октября. Лю Гогуан. О социалистической рыночной экономике. - Жэньминь жибао. - 1992. - 26 октября.
5. Цзинцзи жибао. - 1993. - 26 октября.
6. Эмиссия государственных казначейских обязательств, являющаяся в КНР важным источником покрытия дефицита госбюджета, в 1993 г. шла со значительными отставанием от установленных сроков из-за невыгодности ГКО для населения в связи с ростом инфляции.
7. К июню 1993 г. разрыв в рыночном и официальном курсе юаня к доллару достиг почти двукратной величины (11:1 и 5,7:1), что было связано с инвестиционным бумом и огромным спросом на необходимую для импорта стального проката валюту.
8. Документы ЦК КПК: документ № 6 за 1993 г. - Чжунго далу яньцзю. - Тайбэй. - 1994. - № 2. - С. 104-110.
9. Постановление ЦК КПК о некоторых вопросах создания системы социалистической рыночной экономики - Жэньминь жибао. - 1993. - 17 ноября.

10. Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. - С. 18.
11. Создать соответствующую системе социалистической рыночной экономике систему современных предприятий - Жэньминь жибао. - 1993. - 21 декабря.
12. С конца 1992 г. в КНР стали выделять 9 экономических укладов: экономика государственной собственности, коллективная, индивидуальная, частная (в статистических сборниках 1995-1996 гг. отдельно не выделяется), экономические субъекты, созданные за счет совместных инвестиций, паевая экономика, экономика, основанная на средствах зарубежных инвесторов, экономика, основанная на инвестициях из Тайваня, Гонконга, Макао, прочие уклады, не поддающиеся четкой классификации, - Жэньминь жибао. - 1992. - 19 декабря.
13. Краткая статистика Китая, 1996. - Пекин. - 1996. - С. 75.
14. Жэньминь жибао. - 1995. - 9 октября.
15. Краткая статистика Китая. 1996. - С. 86.
16. Жэньминь жибао. - 1995. - 2.0 марта.
17. А.Бутенко. Рыночный социализм: очередная утопия или лозунг исторического компромисса? - Рабочая трибуна. - М. - 1996. - 15 мая.
18. Известные китайские ученые-экономисты о социалистической рыночной экономике. - Синьсян. - 1995. - С. 24.
19. Peter Nolan. China's Rise, Russia's Fall. Politics, Economics and Planning in the Transition from Stalinism. Basingstoke. 1995. - P. 303.
20. Выражение "мочжэ шитоу го хэ" - "переходить реку, нащупывая камни" - принадлежит Чэнь Юню, впервые употребившему его в июле 1951 г. в качестве синонима осторожного подхода к решению экономических проблем. - См.: Гуан Мэнцзюэ. Экономические идеи товарища Чэнь Юня. - Шанхай. - 1984. - С. 25. В годы реформ данное выражение стало общепринятым описанием китайских методов реформирования экономики, вызывавшей, впрочем, несогласие радикальных реформаторов, полагавших, что "через огромную бурную реку реформ не перейти, нащупывая камни - надо учиться плавать."

О рынке имущественных прав КНР (на примере Шанхайской биржи имущественных прав)

© 1997

Д.Шаринов

Имущественным правам уделяется огромное внимание в теории и практике экономической реформы в КНР. В принятом на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва (1994 г.) "Решении по некоторым вопросам системы социалистической рыночной экономики", где имущественное право рассматривается как проявление отношений, возникающих вокруг имущества и связанных с ним экономических прав. Имущественные права воплощаются, в частности, в правах владения, пользования, распоряжения и получения дохода.

По мере углубления реформы государственных и коллективных предприятий развитие рынка имущественных прав превратилось в одну из важных тенденций экономической жизни КНР. Под операциями с имущественными правами понимается деятельность по купле-продаже государством, предприятиями и другими экономическими субъектами принадлежащих им имущественных прав. Исходной точкой в формировании рынка имущественных прав КНР можно считать выдвижение на 3-м пленуме ЦК КПК 12 созыва в 1984 г. положения о разделении права собственности и права хозяйствования. Практическая деятельность по операциям с имущественными правами начала разворачиваться с 1988 г. на основе принятого на 13-м съезде КПК решения о возможности продажи имущественных прав на малые государственные предприятия коллективам и частным лицам. В 1988 г. было учреждено Управление государственного имущества для налаживания системы управления операциями с имущественными правами. С конца 80-х годов по всей стране начали формироваться рынки имущественных прав, которых в настоящее время, по неполным данным, насчитывается до 200, в том числе более 10 провинциальных, более 100 городских и более 50 уездных.

На действующем в КНР рынке имущественных прав можно выделить 3 крупные группы операций:

1. Операции с имущественными правами на отдельные материальные и нематериальные активы предприятий, включая землю, ее недра, леса, здания и сооружения, машины и оборудование, интеллектуальную собственность (патенты, торговые марки) и др.

2. Операции с частью имущественных прав на предприятие. Помимо акций и паев предприятий, большая часть операций с которыми производится на фондовом рынке, сюда относятся продажа и аренда отдельных филиалов и цехов предприятий.

3. Операции со всей совокупностью имущественных прав на предприятие, в том числе слияние предприятий, продажа предприятий, продажа кон-

трольных пакетов акций предприятий, а также банкротство с последующей продажей с аукциона*.

Если в 80-е и начале 90-х годов преобладали первые две группы операций, то в последние годы все больший размах приобретают эксперименты с продажей всей совокупности имущественных прав на предприятие. Одновременно идет процесс превращения рынка имущественных прав в важный сектор рынка капитала, который наряду с фондовым рынком становится каналом для перераспределения производственных ресурсов в пользу наиболее эффективных предприятий, межотраслевого и межрегионального перелива капитала, привлечения иностранных инвестиций. Ключевым институтом рынка имущественных прав г. Шанхая стала Шанхайская биржа имущественных прав.

Шанхайская биржа имущественных прав (ШБИП) была создана в апреле 1994 г. для осуществления сделок с имущественными правами на мелкие и средние городские и волостные предприятия и отдельные их активы. К ее основным задачам отнесены продвижение процесса реформирования мелких и средних предприятий, вовлечение в оборот неиспользуемых материальных ресурсов, содействие переезду неэкологичных предприятий из центра Шанхая в пригороды, организация шанхайскими предприятиями филиалов в соседних провинциях, и предприятиями из соседних провинций - филиалов в Шанхае.

Организационная структура ШБИП похожа на организационную структуру современной фондовой биржи. Осуществляется система членства: в настоящее время насчитывается 67 членов, в основном это специализированные брокерские компании. Члены биржи делятся на 3 категории: первым двум предоставляются биржевые места и право ведения операций, а на третью возлагается информационное обеспечение сделок. Повседневное руководство осуществляет главный управляющий, который назначается Правлением, состоящим из представителей соответствующих ведомств городского правительства, специалистов, представителей членов биржи и ее функциональных подразделений. Контроль за принимаемыми решениями осуществляет Контрольная комиссия, а консультативные функции возложены на Комиссию советников. В городском правительстве деятельностью биржи ведает созданная в марте 1996 г. Шанхайская канцелярия по управлению операциями с имущественными правами.

Объектами купли-продажи на бирже являются имущественные права на предприятия, не имеющие формы компании**, отдельные активы предприятий, а также паи и акции компаний с ограниченной ответственностью и не котирующихся на фондовых биржах акционерных компаний. Биржа может осуществлять оценку имущества, юридическое и консультационное обслужи-

* Последний вид операций с имущественными правами пока носит экспериментальный характер. Так, в Шанхае за 1993-1995 гг. обанкротилось только 31 предприятие, стоящие на грани краха предприятия местные власти, как правило, подвергают слиянию.

** В соответствии с решением, принятым соответствующими ведомствами Госсовета в начале 1996 г., разрешена продажа на рынке имущественных прав следующих видов предприятий:

- предприятий тех отраслей, где существуют избыточные производственные мощности (например, производство холодильников, кондиционеров, телевизоров и т.п.);
- мелких предприятий волостной и поселковой промышленности;
- предприятий с простаивающими основными фондами;
- предприятий, передислоцируемых по экологическим соображениям;
- предприятий, продаваемых с залоговых аукционов;
- предприятий, задолженность которых превышает сумму активов.

вание, поиск покупателей. Основными формами сделок являются продажа по соглашению, с аукциона или с торгов. Необходимым условием продажи предприятия является заключение сторонами сделки - соглашения об обеспечении трудоустройства его рабочей силы.

Продажа предприятий на бирже в большинстве случаев приводит к изменению формы собственности на них. Так, в 1994-1995 гг., когда на ШБИП велись операции только с имущественными правами на коллективные предприятия, 52% реализованных предприятий стали частными и индивидуальными, 22% - паевыми кооперативными предприятиями, а 6% были куплены иностранными инвесторами и предприятиями с иностранным участием.

Хотя более 60% проданных предприятий до продажи были убыточными, как правило, средства, истраченные на их покупку, быстро окупаются, происходит преодоление убыточности, сокращение задолженности (за 1994-1995 гг. - на 500 млн. юаней), созданию новых рабочих мест, вовлечение в оборот принадлежащих предприятиям простаивающих материальных ресурсов (за 1994-1995 гг. - на 1,3 млрд. юаней). Продажа отдельных материальных активов предприятий позволила, в частности, возобновить использование значительных объемов производственных площадей (за 1994-1995 гг. - более 1 млн. кв. м) и земельных участков, сократить объемы нового строительства.

За период до конца 1995 г. на бирже было продано 671 предприятие (из 2430 предлагавшихся к продаже), общий биржевой оборот составил 1,8 млрд. юаней, что является самым высоким показателем среди действующих в КНР бирж этого типа. В 1996 г. биржевой оборот, видимо, значительно возрастет и составит 2-2,5 млрд. юаней.

С начала 1996 года в деятельности ШБИП произошли качественные изменения, связанные с разрешением операций с имущественными правами госпредприятий. Вскоре после получения этого разрешения ШБИП была переподчинена городскому Управлению государственного имущества (ранее она подчинялась шанхайскому Комитету по сельскому хозяйству). В число членов биржи вошли многие из шанхайских государственных холдинговых компаний (легкой, текстильной, химической, металлургической промышленности, материальных ресурсов и др.), то есть реорганизованных в 1995 г. отраслевые промышленные управления; другие холдинговые компании (машиностроительной, электронной промышленности) войдут в число членов в скором будущем. В результате их участия в биржевых операциях уже во втором квартале текущего года на имущественные права госпредприятий пришлось 55 биржевого оборота. За этот период было продано 7 госпредприятий с общей суммой активов 500 млн. юаней. Более широкая продажа шанхайских госпредприятий, сумма основных фондов которых превышает 500 млрд. юаней, на рынке имущественных прав, как ожидается, позволит в будущем многократно увеличить биржевой оборот.

Развитие рынка имущественных прав сдерживается колоссальным отставанием спроса от предложения (они соотносятся как 1:20). В то время как на ШБИП предлагается к продаже большое количество предприятий, регистрируемый объем сделок относительно невелик, при этом нередки случаи незаконных сделок. Это связано со следующими причинами:

- несовершенство системы распространения информации о предприятиях, имущественные права на которые предлагаются к продаже, недостаточная информированность потенциальных инвесторов;
- отсталая и неразвитая законодательная база, состоящая из коло 20 разрозненных законодательных актов, отсутствие точных правил разделения имущественных прав различных субъектов на предприятие, правил оценки

имущества и установления начальной цены на аукционе, эффективного механизма сдерживания незаконных сделок;

- высокие издержки, связанные с заключением сделки, сложность оформления сделок.

Предпринимаются меры для преодоления вышеуказанных проблем. В середине 1996 года была официально введена в действие межрегиональная информационная сеть, соединившая несколько десятков посреднических структур, действующих на рынках имущественных прав 10 городов и провинций. Это позволит расширить межотраслевое и межрегиональное обращение имущественных прав на предприятия. (Успешным примером последнего стала реализация имущественных прав на 100 государственных и коллективных предприятий Шэньяна на Шэньчжэньском рынке имущественных прав, осуществленная в середине 1996 года). Ставится задача создания единого межрегионального рынка имущественных прав на предприятия, расположенные в бассейне р. Янцзы, с центром в Шанхае. Планируется более широкое освещение соответствующей тематики в средствах массовой информации. В период 9-й пятилетки будут приняты законы и положения об операциях с имущественными правами предприятий, управлении рынком имущественных прав, посреднических структурах этого рынка и т.п. Выдвигаются предложения об отмене или значительном сокращении налогообложения операций с имущественными правами, упрощении процесса оформления.

Функционирование ШБИП все еще носит характер эксперимента и предполагается, что только в 1997 г. городской рынок имущественных прав будет в основном сформирован. Хотя оборот этого рынка пока относительно невелик, социально-экономическое значение экспериментирования в этой области огромно, так как продажа государственных и коллективных предприятий на рынке имущественных прав в большинстве случаев, по сути, означает их приватизацию. Ход эксперимента с рынком имущественных прав в целом позитивно оценивается местным руководством, продажа имущественных прав на предприятия наряду с развитием паевой кооперативной системы, различных форм аренды официально признана одним из ключевых методов реформирования мелких и части средних государственных и коллективных предприятий и будет применяться во все более широких масштабах.

История

Когда начиналась новая история Китая?

Историографические заметки

© 1997

Л.Березный

Синологи по-разному отвечают на данный вопрос. В отечественной историографии давно утвердился, как известно, подход, методологически основанный на формационной теории и представлении о Новом времени, как этапе всемирной истории, сменившем средневековье. Рубежом между двумя эпохами и применительно к Востоку было принято считать английскую революцию XVII в., а начало новой истории Китая приурочивалось к установлению власти маньчжурской династии Цин, совпавшему по времени с событиями в Англии. При этом имелось однако в виду, что само китайское общество все еще оставалось средневековым.

Трактовка проблемы в исторической науке КНР пока еще также основана на формационной теории, но вне связи с периодизацией всемирной истории. Поскольку первые попытки ввести некоторые элементы модернизации общества стали предприниматься лишь после "открытия" страны внешнему миру, нижняя граница новой истории (Цзиньдай ши) обозначается Опиумной войной 1840-1842 гг.¹ Иной взгляд давно распространен среди ученых Тайваня²: начало перехода к новому времени в Китае относят к XVI-XVII столетиям, выделяя в качестве определяющего внутреннего фактора становление маньчжурской государственности и приход к власти династии Цин, а в качестве внешнего - появление в стране христианских миссионеров, положившее начало распространению европейских знаний, а, следовательно, как полагают приверженцы данной концепции, зарождению тенденций, получивших дальнейшее развитие после Опиумной войны; начавшиеся после нее широкие контакты с Западом стимулировали этот процесс, однако зародился он еще в XVI-XVII вв.

В западной синологии понятие Modern China не очерчено вполне определенными хронологическими рамками, но до недавнего времени преобладала, при некоторых нюансах, концепция, согласно которой Новое время пришло в Китай лишь после его "открытия" внешнему миру (т.е. также - после Опиумной войны); до этого китайское общество не оставалось неизменным, но перемены происходили лишь в "пределах традиции"; с установлением более тесных контактов с Западом Китай оказался перед необходимостью отвечать на

“западные стимулы”, что и привело к началу модернизации в материальной, “технологической”, а затем и в других сферах жизни общества³. В сущности это та же датировка начала новой истории Китая, что и в исторической науке КНР, только основанная на принципиально ином подходе.

В последнее время историографическая ситуация в связи с рассматриваемой проблемой стала еще более противоречивой: некоторые авторы подвергают сомнению саму правомерность применения понятия новая история к анализу исторического процесса на Востоке и даже всемирной истории в целом. В 1933-1994 гг. вышли в свет новые труды Л.С.Васильева⁴ и И.М.Дьяконова⁵. Ученые предложили свои оригинальные (и в некоторых отношениях принципиально различающиеся) концепции. Их рассмотрение не является целью данных заметок, многие подходы и выводы Л.С.Васильева и И.М.Дьяконова, на мой взгляд, вполне продуктивны. Дискуссионными, в рамках нашей темы, является, по моему мнению, общее для обоих авторов (но по-разному мотивированное), неприятие термина “новая история” вообще. Л.С.Васильев, указывая на его евроцентристское происхождение и обоснованно возражая против привязывания процессов внутренней трансформации в странах Востока к произвольно выбранным датам европейской истории, предпочитает термину “новая история Востока” определение “Восток в период господства колониализма (середина XIX - середина XX вв)”. И.М.Дьяконов, напротив, подчеркивая единство всемирно-исторического процесса и признавая, что новое время “представляло собой особую фазу исторического процесса”, не пользуется, однако, этим понятием.

Не вступая здесь в развернутое обсуждение предложенных точек зрения, ограничусь лишь одним соображением. Вполне оправданный отказ формационного подхода, давним оппонентом которого является Л.С.Васильев, не дает, на мой взгляд, достаточных оснований для абсолютизации дихотомии Восток-Запад. Во всяком случае множество фактов истории Китая нескольких последних столетий (не только XIX-XX вв.) не укладывается в прокрустово ложе столь жесткого противопоставления. Не кажется мне вполне убедительным вывод И.М.Дьяконова о том, что для современного человечества “так называемое” новое время “(в Европе длившееся с XVI по XIX вв.)”, уже не является “новым временем”⁶. “Посткапиталистическое” общество (если принять этот термин) даже в наиболее развитых странах отнюдь не освободилось еще полностью от “родимых пятен” капитализма, истоки и становление которого относятся к названным столетиям. К тому же два других понятия традиционного членения истории - древность и средневековье - в авторской концепции сохраняются. Не утрачивают ли однако при таком подходе право на существование “средние века”: “средние” между “древностью” и... чем? Достаточно ли обоснована такая непоследовательность? Возникает и другая логическая несообразность: древность и средневековье - термины (кстати также евроцентристского происхождения), не претендующие на жесткое определение характера общественного развития, тогда как применительно к следующей эпохе такое определение (“капитализм”) в предлагаемой концепции постулируется.

В отечественной исторической науке существует, однако, и иной подход. В 1995 г. на историческом факультете СПбГУ состоялись первые “кареевские чтения по новистике” с участием ученых вузов и научных учреждений 11 российских городов; с докладами выступали и востоковеды⁷. Разнообразие мнений по конкретным проблемам сочетается в материалах “чтений” с акцентом на единстве (не исключая, однако, многовариантности) всемирной истории и констатации ускорения тенденций к интеграции

именно с началом нового времени, хронологические рамки которой - последние шесть веков мировой истории⁸.

Традиционные обозначения трех крупных эпох истории человечества условны, и в этом, по моему мнению, одно из их важных достоинств: они фиксируют эволюцию исторического процесса и одновременно, благодаря условности, позволяют учитывать неравномерность и вариативность этой эволюции. Очевидно также, что в пределах каждой эпохи были свои стадии, были они и в европейской новой истории и в истории Востока. Как известно, формационный подход выделял (применительно к сюжету данных заметок) "позднее средневековье" в качестве фазы, переходной к новому времени. Мне представляется более плодотворным взгляд ученых XV-XVI вв., собственно и предложивших "гуманистическую трихотомию" истории. До капитализма было еще далеко, но они ощущали дыхание начинавшихся перемен, за которыми будущее, а потому и назвали свое время новым. В Европе оно начиналось именно тогда, нас же занимает проблема: когда другие регионы, в частности Китай, стали втягиваться (это был именно процесс) в новые времена? На мой взгляд, понятие "новая история" отнюдь не исчерпало своих эвристических возможностей для анализа сложного и противоречивого китайского исторического процесса, надо только отказаться от прямого наложения на него европейской модели становления нового времени в качестве эталона.

При всех концептуальных различиях общим, пожалуй, в мировой синологии является констатация факта начала модернизации китайского общества лишь после преодоления его самозащиты и постепенного распространения европейских научно-технических достижений, а затем и социальных и политических идей. Однако остается открытым, на мой взгляд, вопрос о том, каково было состояние китайского общества в "канун" его "открытия", оставалось ли оно неизменным, вполне "традиционным" или все же в нем и до начала "воздействия Запада" совершались какие-то существенные перемены?"

В советской историографии догматическое истолкование общественного развития в соответствии с пресловутой "пятичленкой" парадоксальным образом способствовало в какой-то мере поискам ответа на указанный вопрос. Сторонники "феодалной" трактовки китайского средневековья, относя XVI-XVIII вв. к позднему феодализму, естественно, искали в них признаки зарождения капиталистических отношений. Аналогичными розысканиями "зачатков капитализма" были заняты и ученые КНР. В результате оказались собранными довольно многочисленные сведения о развитии, особенно в XVIII столетии, ремесла, городов и т.п. Но заметного продвижения подобные поиски в дальнейшем не получили. В КНР этому препятствовали известные политические события конца 50-70-х гг., а в отечественном востоковедении - все большее признание того, что китайское средневековье существенно отличалось от европейского. Дискуссии об "азиатском способе производства", особенностях "восточного феодализма" отодвинули на периферию науки проблемы состояния китайского общества в столетия, предшествовавшие переменам, начавшимся во второй половине XIX в. Однако в последнее время интерес сиологов разных стран к указанным проблемам стал возрастать.

По моим наблюдениям, в нашем китаеведении наметилось противостояние двух точек зрения. Одна из них - тезис (сопровожаемый, правда, оговорками), о неизменности китайского общества на протяжении двух тысячелетий вплоть до XIX в. Другая - перемены происходили, по крайней мере, в период правления династии Цин (1644-1912). Примечательно, что в последние годы ученые КНР проявляют все больший интерес к истории страны в

XVII-XVIII вв. как переломному в некоторых отношениях периоду в развитии общества¹⁰.

Можно, кажется, констатировать известное смещение акцентов и в западной историографии последнего времени. Исследования ряда конкретных аспектов жизнедеятельности китайского общества в названные столетия привели по крайней мере к частичному пересмотру прежнего взгляда на XVI-XVIII вв. как на часть некоего "плато во времени" (XIII-XVIII вв.) и к важному выводу: "Прежний викторианский стереотип Китая, остававшегося пассивным и неизменным в то время, как прогрессивный Запад бурно распространялся по всему земному шару, явно устарел"¹¹.

Думается, что материалы, накопленные в синологии, позволяют внести некоторые изменения в сложившиеся представления о состоянии китайского общества в столетия, предшествовавшие началу его модернизации во второй половине XIX в. Необходимы, однако, на мой взгляд, и уточнения в концептуальном подходе к анализу. Отказ от "экономического детерминизма" не должен вести к столь же односторонним акцентам на других "детерминантах"¹². Вектор общественного развития определяется, как известно, совокупным действием самых разнообразных факторов, хотя их иерархия в каждый данный исторический момент может меняться. Объясняющие возможности цивилизационной теории, распространенной среди сиологов, многократно возрастут, если воспользоваться ею для изучения не только духовной, но и материальной и социальной сфер жизнедеятельности общества¹³.

Не так уж редко императорский Китай характеризуется как некая константа, пребывавшая в неизменно традиционном состоянии чуть ли не со времени своего возникновения. Между тем свойственная китайскому историческому процессу цикличность вовсе не исключает элементов поступательности. Если признается, что развитие Китая было "циклично-поступательным"¹⁴, то естественной является постановка вопроса о направлении социальной эволюции, когда она имела место в тот или иной период. Более глубокому пониманию процесса общественного развития в столетия, предшествовавшие непосредственному началу модернизации, препятствует, на мой взгляд, и известная односторонность подхода к его изучению, свойственная, пожалуй, историкам всех направлений: акцент ставится на несоответствии китайских реалий европейскому эталону. Выявление этого фактора, конечно же, необходимо. Очевидно, однако, - что иная цивилизационная почва могла породить, наряду с общими, и специфические формы становления нового общества. Правоммерно тогда предположить, что и формирование внутренних предпосылок развертывания указанного процесса также могло отличаться своеобразием.

Как известно, вплоть до XVI в. ряд стран Востока, и среди них - Китай, превосходили тогдашнюю Европу по многим важнейшим аспектам социального развития¹⁵. Вершину эволюции средневекового Китая принято видеть в периоде Сун (960-1279)¹⁶. Считалось, что затем образовалось упомянутое "плато во времени", застой, резко контрастирующий с динамическими процессами, набравшими силу в последующие столетия в Европе и обусловившие приход там Нового времени. Здесь нет места для историографического анализа причин того, почему "средневековая экономическая революция:", совершившаяся, по мнению некоторых западных ученых, в период Сун¹⁷, не привела к качественным переменам в обществе. Многие остаются недостаточно выясненным. Однако исследования последних десятилетий позволяют, по видимому, прийти к выводу: тенденции, возникшие при Сунах были затем полностью подавлены, их развитие было лишь приторможено, и позднее, по крайней мере в позднеминский период, возобновилось.

Ограниченные рамки данной статьи не дают возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать складывающиеся в современной историографии представления о новых явлениях в общественном развитии Китая рассматриваемого времени. Вкратце суть их такова. Хотя наиболее заметные перемены зафиксированы для второй половины XVIII - первых десятилетий XIX в., их накопление началось гораздо раньше. Обоснован, я думаю, взгляд на время правления династий Мин и Цин как на единый исторический этап. Это был, с моей точки зрения, "большой цикл" истории Китая, его социальной эволюции¹⁸. Более столетия мира и стабильности способствовали некоторому оживлению и росту экономики в XVI в. и новшествам в социальной и духовной жизни. Явления эти все еще недостаточно изучены, но и имеющиеся данные позволяют предположить с большой долей вероятности, что социальный кризис конца XVI - первых десятилетий XVII вв. был порожден не только факторами, традиционными для нисходящей стадии очередного династического цикла. Уже тогда, как представляется, новым тенденциям в развитии общества становилось тесновато в рамках средневековых социальных институтов. На мой взгляд, в истории Китая не все так называемые династические кризисы несли в себе, как иногда полагают, лишь одно разрушительное начало. В определенных конкретно-исторических условиях кризис, как известно, может служить и импульсом некоторых сдвигов в обществе, характер которого в целом остается прежним. Именно таким, как кажется, был кризис, в котором оказался Китай в последний период правления Мин. Конечно, потрясение и разрушения, сопутствовавшие падению Мин и установлению маньчжурской власти, на время вновь приглушили зародившиеся ранее глубинные потенции развития общества. Но новый, столь же длительный период его более или менее стабильного состояния (конец XVII-XVIII вв.) ознаменовался дальнейшими переменами в направлениях, обозначившихся в позднеминской фазе.

Наиболее отчетливо это проявилось в экономике, особенно ее частном секторе. Изменения в ней развертывались на фоне демографического взрыва с его двойственными, противоречивыми последствиями¹⁹. В литературе отмечается существенное расширение посевных площадей и изменение их структуры, совершенствование агротехники, развитие ирригации - и на этой основе - заметный рост продукции земледелия при одновременном, однако, уменьшении (из-за резких демографических изменений) производства продовольствия на душу населения. Наряду с расширением домашнего ремесла, значительная часть которого шла на местные рынки, увеличивалось число крупных ремесленных производств с существенными элементами разделения труда, а иногда и с наймом рабочих на "капиталистической" основе²⁰. Интенсифицировались товарно-денежные отношения, и до этого обладавшие значительными традициями развития. Заметно выросла протяженность транспортных путей, а с ними - и интенсивное движение товаров между регионами, включая и весьма удаленные друг от друга; появлялись все новые и новые сельские и городские рынки, не связанные с территориально-административными структурами. Очень медленно, но все же пробивалась тенденция дальнейшей урбанизации. Рос, несмотря на изоляционистские меры, объем внешней торговли; Китай еще до его "открытия" в какой-то степени участвовал в мировых хозяйственных связях²¹. Весьма характерно, что, как явствует из недавних исследований, новые тенденции в экономике стали обозначаться прежде всего в прибрежных провинциях Юго-Востока, дельте Янцзы, в той или иной мере вовлеченных в мировую торговлю. Отсюда процесс начал распространяться на соседние территории.

Весьма важен и исследовательски многообещающ, на мой взгляд, вывод об относительно уменьшавшейся доли государства "в динамическом росте китайской экономики и общества" в конце Мин и в империи Цин²². Назрела, по-видимому, необходимость в уточнении общепринятого вывода о всеобъемлющей роли государства и власти (в том числе и в экономике) в жизнедеятельности общества. Эта роль была, кажется, различной на разных уровнях. В данном случае, как впрочем и в ряде других, представления о тех или иных чертах "традиционного" общества, как якобы в полной мере характерных для него на протяжении всего периода существования, слишком общи и потому не всегда способствуют осмыслению исторического процесса.

Внимание западных синологов привлекли давние труды японского ученого Наито Конана (1866-1934). Не замечая каких-либо существенных перемен в социально-экономическом состоянии послесунского Китая, Наито тем не менее констатировал изменения в функционировании политической системы. По его мнению, в императорском Китае со времени Сун следует различать два уровня власти: деспотический император с его окружением и "местное китайское общество, контролируемое бюрократией, назначенной центром"²³. Произошел сдвиг от правления через олигархию аристократических кланов к власти более сильного императорского династического клана через обученную и прошедшую экзамен бюрократию и местную элиту - шэньши. Не входя здесь в рассмотрение данной концепции в целом, указывающей на эволюцию китайской государственности, отметим точку зрения Д.Твитчета; солидаризируясь с выводами японского ученого, Твитчет сослался на подтверждение их современными исследованиями: результатом такой эволюции стала "растущая пропасть как между императором и обществом, так и между императором и чиновниками, через которых он правит"²⁴.

Корни этого процесса многообразны. Китайская государственность оставалась деспотической на протяжении всего императорского периода, однако ее административные структуры и механизм их функционирования претерпевали изменения²⁵. Отметим здесь фиксируемые в литературе несоответствия между неуклонным ростом численности населения и сравнительно мало менявшейся системой управления на местах. Количество уездов при Мин было немногим больше, чем в Хань; юрисдикция официальных местных административных структур распространялась вследствие этого на все большее число жителей, тогда как количество "ранжированных" чиновников менялось мало. Официальные власти по этой (и другим, конечно) причинам оказывались не в состоянии постоянно контролировать ситуацию на местах и эффективно воздействовать на решение проблем, затрагивающих интересы как государства, так и населения. Между тем с течением времени формировался многочисленный и влиятельный слой нечиновных шэньши, способных взять на себя ряд таких функций. Семьи этих шэньши и составляли неофициальную местную элиту, "местное китайское общество", если пользоваться определением Наито Конана, или "общество шэньши:", как его нередко называют в западной литературе. Именно в рассматриваемые столетия заметно возросла роль неофициальной местной элиты, фактически выполнявшей, наряду с другими функциями, и ряд административных, как бы передоверенных ей чиновниками. Возрастание неофициальных властных функций местной элиты, сочетавшееся, как уже было отмечено, в конце Мин - Цин с постепенно уменьшавшейся ролью государства в "динамическом росте экономики и общества", существенно, на мой взгляд, для понимания социальных последствий такого явления. некоторое ослабление тисков, в которых были зажаты торговля и предпринимательство, открывало какие-то новые возможности (пусть все еще весьма ог-

раниченные), не только для расширения торгово-предпринимательской деятельности, но и для повышения социальной роли этого традиционно прези­раемого общественного слоя. Появлялись все новые торговые гильдии, объе­динявшие торговцев и предпринимателей по земляческим и профессиональ­ным признакам. Зависимость от чиновников, разумеется, сохранялась, но пре­стиж и влияние богатых торговцев заметно росли. Они довольно легко могли обрести статус шэньши, так или иначе обходя экзаменационную систему; торговые гильдии выполняли разнообразные функции, включая в некоторых случаях и свойственные (в иных, конечно, формах) муниципальным институ­там²⁶. Все это оставалось в общем в не слишком развитом виде, однако потен­циальное значение такого рода явлений для формирования внутренних предпосылок начала модернизации было существенно.

Новые веяния ощущались и в духовной жизни. Они возникли еще в конце Мин, но гораздо более отчетливо стали проявляться в последние деся­тилетия XVIII - начала XIX в. Исследователи отмечали несколько большее, чем прежде, распространение грамотности, расширение возможностей полу­чения образования, стремление части ученых и литераторов писать на понят­ном народу языке, увеличение числа дидактических сочинений, рассчитанных на необразованные слои населения. В некоторых произведениях художест­венной литературы проглядывали черты "нового человека"²⁷. Под патронажем региональной бюрократии возникали новые "академии" (шююань), обладавшие значительной степенью автономии и пользовавшиеся финансовой поддержкой богатых торговцев. Известны и сочинения, авторы которых были выходцами из торговых семей. Многие провинциальные "академии" становились местом критического изучения и обсуждения актуальных общественных проблем. По­лучил развитие критицизм в отношении некоторых постулатов неоконфуци­анства, проявившийся еще при Мин, росло разочарование в схоластической учености, усиливалось стремление к эмпирическим знаниям, поддающимся проверке (Люй Кунь (1536-1618), Гу Янью (1613-1982) и др.²⁸. Все это не выхо­дило еще за рамки традиционной идеологии, масштабы и глубина этих явле­ний оставались ограниченными, однако их можно, по-видимому, считать ре­акцией, возможно не всегда осознанной, на вызов времени. В какой-то мере они объективно подготавливали зарождение уже в первые десятилетия XIX в. (но все еще до начала прямого "воздействия Запада"), качественно новых тенденций в общественной мысли. И последние были еще прочно связаны с традиционными воззрениями, как по форме, так и по существу, но тем не ме­нее предвещали глубокие сдвиги. Особый интерес представляет пока еще ма­лоизученная под этим углом зрения "школа текстов новых писмен", связан­ная с именами Гун Цзыжэня, Вэй Юаня, Линь Цзэсюя²⁹, едва ли не первыми начавшими осознавать необходимость существенных перемен в обществе. В атмосфере ожидания последних формировались и некоторые будущие деяте­ли "самоусиления", да и реформаторского движения конца столетия.

Итак, в современной синологии собрано, как представляется, много свидетельств того, что на протяжении XVI-XVIII вв. в Китае постепенно ста­ли складываться, пока еще в неразвитом виде, элементы внутренних предпо­сылок для исторически назревавших перемен³⁰. В целом же общество остава­лось вполне "традиционным". Было бы однако ошибочным, по моему мнению, по этой причине недооценивать процессы, свидетельствовавшие не только о наличии внутренних потенциалов социальной эволюции, но и о зарождавшихся тенденциях их воплощения. Не следует, разумеется, и преувеличивать интен­сивность таких процессов. Перемены в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества были весьма ограниченными, развивались неравно-

мерно, отмечались лишь в отдельных регионах. Господствующие структуры препятствовали развитию нового. Именно противостояние старого и нарождающегося нового стало одной из главных причин глубокого кризиса, который нарастал с последних десятилетий XVIII в. и разразился катаклизмами середины следующего столетия. Он принципиально отличался от кризисов прошлого, перипетии которых в общем разрешались мерами, предпринятыми новыми обладателями "мандата Неба"³¹. На сей раз начинал развертываться кризис всей системы, основы которой препятствовали реализации назревших общественных потребностей. По причинам, достаточно известным, в XIX в. система устояла, но толчок, полученный извне вследствие "открытия" страны внешнему миру, послужил началу ее модернизации. И все же внутренние предпосылки последней в какой-то степени стали складываться еще до внешнего "воздействия". Вот почему вторая половина XVI - первое десятилетие XIX в. могут рассматриваться, с моей точки зрения, в качестве особого этапа китайской истории - "предвестия модернизации".

Характерно, что в западной историографии применительно к рассматриваемому периоду истории Китая стал входить в употребление термин *early modern China*. Это сказалось в некоторых изданиях на периодизации исторического процесса. В последнем, цитированном выше труде Фэрбенка, история императорского Китая разделена на две части, а рубеж между ними обозначен 1600 г., т.е. временем, когда вполне обозначился кризис Мин. И в самом изложении событий, происходивших в "позднеимперском Китае 1600-1911", ученый не оставляет сомнений в том, что именно с конца Мин становились заметными перемены, начавшиеся в экономической, социальной и духовной жизни китайского общества³². Справедливости ради следует отметить, что хотя данная проблематика более разработана в западной историографии, немало сведений о таких переменах, иногда, правда, в догматическом истолковании, содержится и в отечественной и китайской литературе.

Впрочем, известный налет догматизма обнаруживается, по моему мнению, и в некоторых подходах западных авторов. М.Бержер³³, а вслед за ней и J.Фэрбенк характеризуют перемены в экономике Китая XVII-XVIII вв. как "парадокс роста без развития". Имеется в виду, что в Европе торговля создавала возможности начала индустриализации, которая в свою очередь вела к развитию науки, технологии, социальным изменениям³⁴. В Китае же этого не произошло, по крайней мере в таких масштабах. Последняя констатация, сама по себе как будто верная, не кажется мне методологически вполне корректной - к анализу китайского исторического процесса примеряется европейская модель развития в качестве эталона. А ведь сопоставляются общества с разной средой обитания, разных традиций, разных цивилизационных ценностей. Кстати, Фэрбенк без собственных комментариев сообщает точку зрения своего американского коллеги Ф.Хуана: рассматривая Китай, надо отказать от общих рассуждений, основанных на европейском опыте и на его реакции на европейские экономические теории вроде теорий А.Смита и К.Маркса; экономика Китая, полагает ученый, имеет свои специфические проблемы; по крайней мере Китай столь обширен, что в нем можно обнаружить доказательства наличия разных условий и разных тенденций в одно и то же время³⁵. Думается, что такой подход весьма продуктивен.

Тезис о парадоксе "роста без развития" вступает, на мой взгляд, в известное противоречие с фактами, накопленными в синологии и систематизированными самим Фэрбенком. Отмечается, что в середине XVIII столетия "доиндустриальные общества" Китая и Европы имели много общего, но сходство было поверхностным - слишком значительными были различия в соци-

альной структуре, культуре и идеях³⁶ Это, разумеется, так. Верно и то, что, как уже отмечалось, перемены происходили лишь в отдельных регионах, в целом китайское общество оставалось прежним, "традиционным". Но изменения, в том числе и социальные, пусть в ограниченных масштабах все-таки происходили.

Новые данные об общественном развитии Китая в XVII-XVIII вв. побуждали некоторых западных синологов больше не связывать жестко начало новой истории страны с "воздействием Запада", т.е. Опиумной войной. Повидимому утверждается мнение, что Modern China начинается с XVIII столетия³⁷. Судя по отмеченным в начале этих заметок данным, сходная точка зрения получает признание и среди ученых КНР.

Характер общественного развития Китая в XVII-XVIII вв. нуждается в дальнейшем изучении. Думается, однако, что в синологии собран материал, позволяющий предпринять попытку определить (без претензий на неоспоримость) нижний рубеж новой истории Китая. Китаеведы разных направлений нередко связывают понятие нового времени с промышленной революцией, начавшейся в ряде европейских стран в конце XVIII в. в Китае ее элементы прослеживаются лишь после его "открытия" в середине XIX в., на чем собственно и основано неприятие некоторыми авторами понятия новая история для Китая или отнесение ее нижнего хронологического рубежа к Опиумной войне. Но ведь индустриальной революции в Европе предшествовали несколько столетий перемен, подготовивших промышленный переворот. Сходные по основным тенденциям перемены зарождались, по моему мнению, в Китае и до его "открытия". Различия в темпах, масштабах, глубине и формах изменений определялись многими факторами, включая и то, что в Европе перемены были естественным продолжением прежнего цивилизационного развития, тогда как в Китае длительная инерция движения по иному цивилизационному пути во многом сдерживала появление элементов нового. Тем не менее в рассматриваемые столетия направление движения в общем совпадало, хотя в Китае изменения и не достигли критической массы, как это произошло в некоторых странах Европы к концу XVIII в.

Если не связывать начало новой истории человечества с политическими революциями в отдельных странах или революцией промышленной, принять за условную точку отсчета время, когда более или менее заметными становились существенные перемены, зарождение в прежде средневековых обществах новых тенденций социального развития, то оказывается, что в Европе эти явления стали обозначаться относительно четко уже к концу XV в., а в Китае (гораздо менее заметно) - столетием позднее. Представляется, что современное состояние науки позволяет сделать вывод: несмотря на европейское происхождение термина "новая история" ("новое время"), он отражает процессы, происходившие не только в Европе, но, в частности, и в Китае, а начало этой новой эпохи в истории страны относится примерно к концу XVI столетия. Неизбежность условности определения хронологических рубежей крупных исторических эпох очевидно; в рассматриваемом случае она отражает и нарастающую неравномерность всемирного исторического процесса.

1. Его стопятидесятилетие было широко отмечено научной общественностью КНР именно в качестве даты начала новой истории страны (отчет о научной конференции "150 лет начала новой истории Китая" см. Цзиньдай ши яньцзю. - 1991. - № 2).
2. Такого рода подход в частности предложил известный ученый Сяо Ишань (Сяо Ишань. Общая история периода Цин. - Тайбэй. - 1962 (на кит. яз.).
3. Данная схема была положена в основу двухтомного учебного пособия, подготовленного учеными Гарвардского университета (E.O.Reischauer, Y.K.Fairbank. East Asia.

- The Great Tradition. - Boston. - 1960; Y.K.Fairbank, E.O.Reischauer, A.M.Craig. East Asia. The Modern Transformation. - Boston. - 1965).
4. Л.С.Васильев. История Востока. - М. ! - 1993. - Т. 1,2.
  5. И.М.Дьяконов. Пути истории. - М. - 1994.
  6. Там же. - С. 152.
  7. Первые петербургские кареевские чтения по новистике. Краткое содержание докладов. - СПб. - 1996. Н.И.Кареев (1850-1931), выдающийся российский исследователь нового времени, многие годы работавший в Петербурге. Состоявшиеся "чтения" возражают полузабытое, кажется, определение фундаментальной научной дисциплины, предмет которой - история нового времени.
  8. Б.Н.Комиссаров. О содержании и преподавании новистики // Первые петербургские кареевские чтения по новистике. - С. 20-28. В апреле 1997 г. предстоят вторые "чтения" на тему "Империи нового времени: типология и эволюция (15-20 вв.); и в этих "чтениях" предполагается активное участие востоковедов.
  9. Кажется это имел в виду А.А.Писарев, заметивший, что пока остается не вполне ясным "что же такое китайская модель" азиатского "общества на рубеже традиционного и "нового" его состояния" // Проблемы Дальнего Востока. - 1994. - № 3. - С. 112.
  10. Б.Г.Доронин. Китай XVII-XVIII вв. Проблемы историографии и источниковедения. - Л. - 1988. - С. 4. Примечательно, что один из центральных исторических журналов КНР - "Чжунго ши яньцзю", название которого предполагает как будто публикацию материалов истории всех периодов, тем не менее ограничивается, как правило, временем до XVI-XVII в.
  11. Y.K.Fairbank China: a New History. - Cambridge, Mass 1992. - P. 163. В этом последнем, изданном посмертно, труде ученого учтены результаты новейших исследований западных синологов. Материалы книги использованы в данной статье (рецензия Я.М.Бергера на труд Фэрбенка см. - Проблемы Дальнего Востока. - 1993. - № 3).
  12. Важность "многофакторного" подхода в историческом анализе подчеркивается и некоторыми учеными КНР (см. У Тиньцзя. Необходимо активизировать исследование методологии истории // Лиши яньцзю. - 1986. - № 1.
  13. В конце 80-х годов в одной из дискуссий о цивилизационной теории подобная точка зрения была названа вульгарной. Однако она постепенно начинает, кажется, находить признание // См. А.А.Писарев. Указ. соч. - С. 117.
  4. Л.С.Васильев. Указ. соч. - С. 230.
  5. Н.А.Иванов. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы // Восток. - 1994. - № 4.
  16. Это по-видимому послужило камнем преткновения для ученых КНР в осмысливании новых явлений в общественном развитии Китая рассматриваемых столетий. В ходе известных дискуссий о "зачатках капитализма" обнаружилось, что ряд фактов дают как будто основания говорить о подобных "ростках" еще при Сун, а это методологически признавалось невозможным.
  17. См. M.Elvin. The Pattern of Chinese Past. - Stanford. - 1973. Имеются в виду разнообразные технологические новшества, рост производства, материальных ресурсов, развитие внутренней и внешней торговли, некоторые сдвиги в урбанизации и др.
  18. Подобными "большими циклами" были также, по моему мнению, периоды обеих Хань (206 до н.э. - 220 н.э.) и Тан-Сун (618 - 907,960-1279). Насколько можно судить, взгляд на время правления династий Мин и Цин как единый по своим тенденциям общественного развития этап истории Китая присутствует в современной японской историографии (см. об этом Z.Grove, Chr. Daniels /eds./. State and Society in China: Japanese Perspectives on Ming-Aing Social and Economic History. - Tokyo. - 1984).
  19. Оценка его масштабов, как известно, существенно различаются, однако, сам факт быстрого роста численности населения в XVIII в. едва ли оспорим.
  20. В последнее время, насколько можно судить, внимание ученых КНР в большей мере привлечено к проблемам становления капиталистического уклада во второй половине XIX в. ("самоусиление" и т.д.). Однако наличие "зачатков капитализма" никак, кажется, не оспариваются, хотя относительно масштабов и форм процесса расхождения значительны.

21. См. S.W. Atwell. Some Observations on the "Seventies Crisis" in China and Japan // *Journal of Asian Studies*. - 1986. - N 2.
22. Y.K. Fairbank. *China: a New History*. - P. 163.
23. Цит. по Y.K. Fairbank. *Op.cit.* - P. 126. Ф. Эти изменения японский ученый счел признаком рождения "нового" Китая, просуществовавшего, по его мнению, до конца Цин. Некоторые сочинения НAITO Конана сравнительно недавно изданы в переводе в США (См. Y. Fogel. *Politics and Sinology. The Case of Naito Konan (1866-1934)*. - Cambridge, Mass. - 1984).
24. Y.K. Fairbank. *China: a New History*. - P. 126.
25. А.А. Бокшанин. Очерк истории государственных институтов в китайской империи // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. - М. - 1993.
26. Y. Fewsmith. From Guild to Interest Group. The Transformation of Public and Private in *Zale Ching China // Comparative Studies in Social History*. - 1983. - N 4.
27. На это еще в 1971 г. обратил внимание Д. Воскресенский // *Вестник Московского университета*. Серия 14. - 1971. - № 2; см. также D. Johnson, A. Nathan, E. Ranski /eds./. *Popular Chinese Culture in Late Imperial China*. - Berkeley. - 1985. В литературе отмечена связь некоторых идей "движение за новую культуру" первых десятилетий XX в. с указанными явлениями в духовной жизни китайского общества в XVIII в.
28. Именно такого рода акцент был характерен, как известно, для возникшего в XVII в. течения в общественной мысли, получившего название "ханьского учения" (ханьсюэ); одним из его основателей был Гу Янью.
29. С.Ю. Врядий. Линь Цзэсюй. - Владивосток. - 1993. - С. 59-61.
30. С этой точки зрения представляют интерес наблюдения и выводы авторов статей, собранных в сборнике: S. Naquin, E. Ranski /eds./ *Chinese Society in the Eighteenth Century*. - N.Y. - 1987.
31. Дальнейшее изучение проблемы, возможно, выявит, что кризис Цин, четко обозначившийся к концу XVIII в., являлся продолжением кризиса "конфуцианской" империи, начавшегося еще при Мин. // Б.Г. Дорогин. Политическое развитие Китая в XVII в.: нерешенные проблемы историографии. - *Вестник Санкт-Петербургского университета*. - 1996. - Серия 2. - Вып. 2.
32. Примечательно, что в другой, последней прижизненной изданной книге (Y.K. Fairbank. *The Great Chinese Revolution 1800-1985*. - N.Y. - 1987) ученый начинает историю модернизации ("революции") китайского общества не с последствий открытия страны внешнему миру в результате опиумных войн, а, условно, разумеется, - 1800 г. Это подчеркнуто в самом названии монографии. Некоторые западные авторы, различаясь в аргументации, и конкретных выводах, связывают начало становления Modern China именно с концом XVI - началом XVII в.) См. G.Y. Hsu. *The Rise of Modern China*. - 4th ed. - N.Y. - 1990; Y. Soenke. *The Search of Modern China*. - N.Y. - 1990.
33. См. M. - C. Bergere. *On the Historical Origins of Chinese Underdevelopment*. - // *Theory and Society* - 1984. - № 3. Здесь нет места для рассмотрения концепции М. Бержер в целом. Для нашей темы важно, что автор, возражая против преувеличения уровня развития китайской экономики, собственного, по мнению М. Бержер, историографии КНР, приходит, однако, к выводу, что господствовавшие в западной литературе представления, восходящие еще к М. Веберу, занижали этот уровень.
34. Y.K. Fairbank. *China: a New History*. - P. 178-179.
35. *Ibid.* - P. 167.
36. *Ibid.* - P. 186.
37. M.C. Oksenberg. *The American Study of Modern China: Toward the Twenty first Century // D. Shambaugh /ed./ American Studies of Contemporary China*. - N.Y. - 1993. - P. 315.

Значение культурной адаптации для католического миссионерства в Китае.

© 1997

В. Киселева

Христианство в Китае имеет почти тринадцативековую историю. Попытки евангелизировать Китай предпринимали несторианские христиане в VII веке, францисканские монахи в XIII веке, католические миссионеры-иезуиты в XVI веке и, наконец, католики и протестанты в первой трети XIX века. Во все времена, за редким исключением, христианство не привилось на китайской земле, в отличие от буддизма, сумевшего стать здесь религией. Но буддизм смирился с отведенной ему второстепенной ролью в преимущественно конфуцианской среде, а христианство - нет. В этом - одна из причин "поражения" христианской религиозной традиции в Китае.

Вместе с тем в истории миссионерства в Китае есть особый период, который свидетельствует о том, что у христианства был исторический шанс упрочиться в Среднем государстве, но он не был использован. Речь идет об апостолате иезуитских миссионеров в конце XVI - XVIII вв. Среди них бесспорно первое место принадлежит отцу Маттео Риччи, известного по-китайски как Ли Мадоу или "европейский шэньши".

Скромная по количеству обращенных в христианство китайцев миссия Маттео Риччи представляется не только великим личным подвигом, образцом порыва и мужества, но и огромным вкладом в развитие диалога между Востоком и Западом. Проведший в Китае почти 30 лет, Маттео Риччи оставил заметный след как в европейской, так и в китайской культуре. Именно отец Риччи положил начало католическому миссионерству в Китае и впервые после своего именитого земляка Марко Поло поведал Европе о Великом Среднем государстве.

Маттео Риччи прибыл в Китай в тот момент, когда в миссионерской политике католической церкви благодаря энергичным усилиям отдельных членов "Общества Иисуса" - иезуитов - стала выкристаллизовываться идея культурной адаптации христианства к местным условиям. Впервые эту идею сформулировал генеральный викарий иезуитских миссий в азиатских странах Алессандро Валиньяно в конце XVI века. Проведя девять месяцев в Макао и наблюдая жизнь китайцев, Валиньяно напишет в своем отчете Генералу "Общества": "Единственно возможный способ проникновения (в Китай - Прим. автора) будет кардинально отличаться от того, который применялся до сих пор во всех других миссиях в азиатских странах".¹ Валиньяно подразумевал культурную адаптацию, которая основывалась бы прежде всего на уважении

Киселева Валерия Витальевна, кандидат исторических наук, кафедра Востоковедения, МГИМО.

и понимании культуры другого народа, какой бы странной она ни казалась со стороны.

Маттео Риччи не просто воспринял идею культурной адаптации, но и творчески осмыслил и развил ее в специфических условиях Китая, где основной культурно-религиозной организацией общества выступало конфуцианство, которое не является религией в традиционном смысле слова: в нем отсутствует теологическая доминанта. Это - в большой степени рационалистическое этико-философское учение, основанное на соблюдении определенных обрядов и ритуалов, которые способствуют сохранению спокойствия и порядка в государстве и обществе. Хранителем и интерпретатором этого учения выступало сословие чиновников-грамотеев (шэньши).

Евангелизация Китая началась из порта Макао - небольшого участка земли, на котором находилась португальская колония. Первые попытки проникнуть вглубь китайской территории и закрепиться там заканчивались неудачно. Китайцы испытывали откровенную неприязнь ко всем иностранцам, вне зависимости от того, кем они были - миссионерами, купцами или солдатами.

С тем чтобы преодолеть эту враждебность, Маттео Риччи и другой миссионер-иезуит Микеле Руджери изучают китайский язык, причем не местный кантонский диалект, а литературный язык чиновников-шэньши. Для Маттео Риччи не было сомнения в том, что язык и литература открывают путь к сердцу народа и поэтому особенно необходимы миссионеру, "слова которого останутся пустым звуком, если он ограничится проповедью через переводчика".²

В 1583 г. миссионерам удалось-таки в городе Чжаоцине (в 150 км к северо-западу от Макао), преподнести богатые дары наместнику города, выпросить у него участок земли для строительства небольшого дома, где они могли бы молиться за благополучие императора и его народа. Местные жители встретили новых соседей с откровенной враждебностью. Но спустя некоторое время они убедились в мирном настроении иностранцев и, привлеченные разными интересными вещами (иконами, астрономическими приборами, географическими картами и т.д.), стали иногда заходить в небольшую комнату, превращенную миссионерами в некое подобие капеллы. Китайцев интересовали истории о дальних странах, непонятная религия с ее богом, последним судом, Адом и Раем, молитвами о спасении души и т.д.

За 4 года пребывания в Чжаоцине миссионеры смогли окрестить не многим более 40 человек, причем среди крещенных были в основном калеки и брошенные дети-сироты. Китайцы не принимали христианские символы и постулаты веры. Они не могли взять в толк, зачем надо умерщвлять плоть в орудии небесного рая, если его можно найти на земле. Христианин был обязан вести праведную жизнь и иметь лишь одну жену. Для китайцев отказ от многоженства означал отказ от многовековых традиций; продолжение рода считалось чуть ли не главной задачей на земле. А как быть, если жена окажется бесплодной или родит только девочек? Эти вопросы оставались для них неразрешимыми. Большим препятствием в деле евангелизации была малочисленность миссионеров. Китайские власти ни под каким предлогом не разрешали приезд других миссионеров, их постоянный состав не превышал 4-6 человек, причем даже это количество колебалось, т.к. из-за тяжелого влажного климата и малярии европейцы, быстро умирали.

Маттео Риччи, достигнув значительного прогресса в китайском языке, пытался завести знакомства среди образованных китайцев-шэньши и с их помощью добираться до Пекина. Он был убежден, что если сумеет обратиться в

христианство императора, то и все его подданные последуют этому примеру. Между тем враждебность китайцев не только не уменьшалась, а росла. Все свои беды и невзгоды, стихийные бедствия и болезни китайцы связывали с присутствием ненавистных иностранцев. Участились ночные нападения на миссионерское жилье, отца Риччи без конца вызывают на судебные процессы.

В 1589 г. наместник, потеряв терпение и боясь обвинения в покровительстве чужестранцам, отдал приказ о выдворении миссионеров в Макао. В последний момент Риччи удалось выпросить разрешение перебраться к двум миссионерам в Шаогуань (провинция Гуандун). И там вновь все началось сначала.³

Много раз в отчаянии отцу Риччи хотелось все бросить и вернуться в Макао, но, одухотворенный заповедями Христа и правотой своего дела, он продолжал повторять себе, что "мученичество нового времени состоит не в том, чтобы бродить нетерпеливо из земли в землю, а осесть и настойчиво убеждать; что для этого необходимо терпение, лишенное любого показного блеска".⁴ После шести лет, проведенных в Китае, Риччи четко осознал, что его главная цель - не крещение как можно большего числа людей, а завоевание для христианства *определенного места в повседневной жизни* китайцев.

В отношении методов миссионерства Маттео Риччи пришел к тем же выводам, что и Алессандро Валиньяно, а именно, что миссионер не должен представляться чужаком (как это практиковалось везде до сих пор), который несет особую "совершенную" культуру и веру отсталым язычникам. Этот вариант срабатывал в странах с рыхлой политической структурой, не способных защитить себя от насаждаемой религии (как в Индии или Латинской Америке), или же в странах, сохранивших ранние формы религиозного сознания (Филиппины, Африка). Но для Китая - древней страны с богатейшей культурой этот способ не подходил. Завоевать симпатии и расположение китайцев и ненавязчиво, подготовить их к христианским идеям - вот тот путь, который избрал для себя Риччи.

В годы пребывания в Шаочжоу Риччи вплотную приступил к изучению классической доктрины конфуцианства. Исследуя учения различных конфуцианских школ, он сделал вывод, что неоконфуцианство эпохи Сун, положенное в основу государственной доктрины Китая, несколько расходится с оригинальной концепцией Конфуция и что именно в классических конфуцианских текстах следует искать точки соприкосновения конфуцианства с христианством. В дискуссиях с шэньши отец Риччи приводил аргументы о том, что насквозь пронизанное материализмом и враждебное христианству неоконфуцианство противоречит первоначальным заповедям и идеям классического конфуцианства, у которого на самом деле много общих черт с христианской религией Запада.⁵ Он считал, что конфуцианство может служить таким же мостом между китайцами и Христом, как когда-то послужил платонизм для сближения греческого мира с христианством на раннем этапе развития Церкви.

Копирование одежды и манер поведения буддийских монахов на первых порах знакомства с китайской действительностью сослужило миссионером плохую службу. Их тоже воспринимали как представителей одной из многочисленных буддийских сект. Позднее Риччи поймет это, и станет подстраиваться под интеллектуалов-шэньши. Он станет называть себя по-китайски Ли Мадоу, а китайцы за его знания и культуру дадут ему прозвище "Сидоу" ("Западный мудрец").⁶

В 1599 г. итальянскому иезуиту, благодаря его усердию и приобретенным контактам, было разрешено основать третью резиденцию католической миссии, на этот раз в "южной столице" империи - городе Нанкине, где Риччи знакомил китайских шэньши с западными достижениями в области географии, математики, астрономии, механики. Наиболее способных "учеников" он обучал искусству создания часовых механизмов сфер, глобусов, квадрантов и секстантов. Все это вызывало неподдельный интерес и уважение к ученому мужу у образованных людей города.

Дружба и поддержка высокопоставленных государственных служащих считалась необходимой для продолжения миссионерской деятельности. Неоценимую помощь и поддержку отцу Риччи в течение всей его апостольской деятельности оказывал знакомый по Кантону шэньши, некто Сю Гуанци, известный католическому миру под именем Павла Сю. Преисполненный глубокого уважения к знаниям и вере Риччи, в 1603 г. этот известный государственный деятель примет христианство и сделает многое для закрепления миссионеров при императорском дворе, не раз будет их защитником от преследований, а в конце жизни станет основателем Цикавейской христианской миссии под Шанхаем.

В конце XVI-начале XVII веков в Китае в большом количестве стали возникать литературно-философские общества, насчитывавшие временами по несколько тысяч ученых-шэньши. Первоначально их цель заключалась в подготовке "кандидатов-абитуриентов" к сдаче государственных экзаменов и обмену знаниями. Позднее эти общества превратились во влиятельную социально-политическую силу. Самым крупным из них было общество "Дунлинь" (по названию академии в городе Уси), которое в начале XVII века по существу переросло во влиятельное политическое движение. Поскольку этот период в истории Китая характеризовался усилением власти евнухов, нараставшей коррупцией среди государственных чиновников и, как следствие, недовольством среди прогрессивно мыслящих конфуцианцев, "Дунлинь" возглавило оппозиционное движение за обновление государственного аппарата и отстранение реакционных евнухов от управления государством. Вот почему Риччи в первую очередь стремился завоевать симпатии "прогрессивных" шэньши, надеясь, что они будут более открыты к восприятию новых идей, нежели их более консервативные собратья. Может быть, Риччи даже не столько пытался обратить их в христианство, сколько через их расположение добиться более благожелательной к христианству атмосферы в целом.

Новые знания, полученные от "Западного мудреца", вероятно, впервые заставили китайских чиновников серьезно задуматься над тем, что Китай не является единственным культурным центром во Вселенной, что существует много других стран и народов и что у этих народов, которых китайцы презрительно именуют "варварами", есть много полезных знаний и вещей, которым не грех поучиться и самим китайцам. Огромное значение для Китая имело подготовленное отцом Риччи издание Атласа мира, впервые увидевшая свет в 1583 г. и затем неоднократно переиздававшееся китайцами. В 1608 г. специально для императора Вань Ли было подготовлено уникальное издание атласа на шелке, высоко оцененное последним.

После нескольких безуспешных попыток достичь Пекина, счастье наконец улыбнулось миссионеру. В 1601 г. он был приглашен в резиденцию "Сына Неба". Самого императора Риччи так никогда и не увидит. Среди богатых подарков, преподнесенных императору, его особый восторг вызвали часы и клавесин. В знак благодарности император дозволил Риччи основать свою

миссию в столице. Многолетняя мечта миссионера и главная цель его жизни была достигнута. Но было ли удовлетворение?

Выдающийся лингвист, писатель и переводчик, отец Риччи оставил огромное количество литературных сочинений и переводов на китайском языке. В соавторстве с отцом Руджери ими был составлен первый в своем роде на восточном языке португальско-китайский словарь. Риччи перевел на латынь "4 книги" конфуцианцев,⁷ снабдив их комментариями для тех иностранцев, которые собирались открыть для себя культуру этой великой страны. Одновременно он сделал переводы многих европейских богословских и научных книг для ознакомления китайцев с философской и научной мыслью Запада. Богатейшая информация о различных аспектах жизни, социально-политическом устройстве и культурно-религиозных традициях Китая собрана в главном труде миссионера-иезуита "История проникновения христианства в Китай".⁸

За почти 30 лет пребывания в Китае Риччи и его соратниками удалось обратить в христианство всего лишь около двух с половиной тысяч человек. Ниже приведены данные о количестве крещений по годам:

1584 г. - 3	1603 г. - 500
1586 г. - 40	1605 г. - 1000
1589 г. - 80	1608 г. - 2000
1596 г. - 100	1610 г. - 2500 ⁹

Для более чем 60-миллионного Китая это было каплей в море. Но христианство становилось своей религией, так как в отличие от более ранних попыток евангелизации Китая, христианство принимали не иностранцы, а коренные китайцы; более того, не простые китайцы, а образованная часть населения - грамотеи-шэньши.

Встреча Маттео Риччи с китайцами была первым настоящим знакомством Запада с Дальним Востоком. И хотя Риччи не стал первооткрывателем Китая для европейцев (в новое время это было сделано августинцами, составившими подробное описание разных сторон жизни Китая на основе китайской литературы, вывезенной ими из страны в 1575 г.)¹⁰, он многое сделал для установления постоянных взаимоотношений между Европой и Средним государством.

Замечательную оценку деятельности Маттео Риччи дал английский историк М. Хэй: "В то время ни один человек в Риме, кроме Генерала "Общества", не осознал, что Маттео Риччи не только повторил, но и превзошел подвиг Колумба; он пришел и открыл новый мир. Но в отличие от Колумба, он остался там и установил связь со старым миром на основе дружбы и взаимопонимания".¹¹

Незадолго до смерти Маттео Риччи в письме к вице-провинциалу Ордена изложил свои взгляды на перспективы развития католического миссионерства в Китае. Среди прочих вещей он особенно подчеркивал, что в Китае необходимо направлять не просто хороших, а именно талантливых миссионеров, поскольку "мы имеем дело с умным и знающим народом".¹² Он также настаивал на необходимости обязательного изучения китайского языка и литературы, ибо "в Китае можно больше сделать с помощью книг, нежели с помощью слов".¹³

Дело, начатое Маттео Риччи, было продолжено новыми поколениями миссионеров. После смерти Риччи католическую миссию в Китае возглавил отец Николо Лонгобардо, сицилиец. Необходимо упомянуть также отца Лаццаро Каттанео, лигурийца, открывшего представительства в Шанхае (1608 г.), Цзядине (около Шанхая, 1620 г.) и Ханчжоу (провинция Чжэцзян, 1627 г.);

отца Альфонсо Ваньони, пьемонтца, построившего первую католическую церковь в Нанкине (1611 г.). Все эти люди принадлежали к одному ордену - ордену иезуитов.

Когда в 1610 г. императорские астрономы ошиблись в предсказании солнечного затмения, Сю Гуанци сумел убедить Палату церемоний доверить работу по исправлению традиционной системы китайского календаря иезуитским миссионерам. Сначала иезуиты настороженно восприняли это предложение, так как не были уверены, что подобные научные исследования будут совместимы с проповеднической миссией их Ордена. Однако с одобрения Генерала ордена, и рассматривая эту возможность для упрочения своего положения на китайской земле, иезуиты вскоре возглавили эту работу.

В 1623 г. недалеко от города Сиань было сделано археологическое открытие, имевшее большое значение для миссионеров. Речь идет о несторианском памятнике эпохи Тан (781 г.) с надписями на китайском и арамейском языках, свидетельствующим о пребывании несториан на китайской земле. Этот памятник вызвал живой интерес китайцев. Для католических миссионеров открытие христианского монумента явилось большой поддержкой в деле апостолата, так как китайцев, измерявших все в масштабах древности и истории, зачастую смущала "новизна" христианства. Главную причину "задержки" миссионерства Маттео Риччи усматривал в географическом положении Китая, однако, хотя и верный, подобный ответ не мог удовлетворить китайских ученых. Слухи о существовании в Азии христианских общин давно циркулировали среди миссионеров (легенда о проповеднике Иоанне). Поэтому в XVII веке предпринимались неоднократные попытки нахождения следов существования этих христиан. Теперь же у христианских отцов появилось настоящее доказательство событий девятисотлетней давности. Тогда же в Европе ирландский ученый-францисканец Уоддинг (Wadding) обнаружил и опубликовал "Анналы ордена миноритов", где впервые за длительное время упоминалось о деятельности францисканских миссионеров при дворе монгольских ханов на территории Китая.¹⁴

Приблизительно в это же время немецкий иезуит-миссионер отец Адам Шалль вместе с отцом Джакомо Ро, ломбардийцем, завершает 15-летнюю работу над исправлением китайского календаря (1638 г.), запланированную еще Маттео Риччи. Календарь являлся для китайцев политическим инструментом огромной важности. С его помощью события в человеческой жизни и государственные решения приводились в соответствие с законами природы, посредством чего возникала так необходимая для успешного функционирования круговорота вещей гармония. Астрономия, наука почитаемая в Китае, служила как раз для составления календаря и прогнозирования солнечных и лунных затмений. Император И-цзун высоко оценил проделанную миссионерами работу. Своим указом он постановил отныне вычислять все лунные затмения с помощью нового календаря европейцев и ввел иезуитов в состав Астрономического департамента, который они бесценно возглавляли вплоть до 1775 г. Год спустя (в 1639 г.), накануне христианского праздника Крещения (6-го января), император направил в резиденцию миссионеров приветственное послание, которое было истолковано ими как официальное признание католической религии.¹⁵

Однако конец Минской династии был уже близок, и через несколько лет на китайский престол взошла "варварская" династия - маньчжуров. Новая династия, получившая название Цин (1644-1911 гг.), в полной мере сохранила традиционную китайскую административную систему. Непрерывающаяся борьба между Цинами и приверженцами Минской династии продол-

жалась вплоть до середины 60-х годов XVII века, в результате чего многие христианские центры понесли большие материальные и людские потери. И все же в 1664 г. вице-провинциал иезуитов Ле Фавр писал в своем отчете в Рим, что "маньчжуры позволяют проповедовать Евангелие так же свободно, как в Европе".¹⁶

Одним из самых замечательных событий этого периода является рост авторитета немецкого иезуита Адама Шалля при новом дворе. Когда Пекин пал и стало ясно, что Минской династии пришел конец, Шалль безоговорочно принял новый режим и стал сотрудничать с ним. В свою очередь маньчжуры были поражены знаниями иезуита. Сочтя полезным пребывание миссионера при дворе, новый император поставил отца Шалля во главе Астрономического департамента - должность, которую миссионеру едва ли возможно было получить при старом режиме. Таким образом, на некоторое время миссионеры и их представительства получили защиту и поддержку.

Адам Шалль был удостоен личной дружбы императора Шуньчжи, который очень любил вести беседы с католическим священником. Близость к императору давала Шаллю большие права и авторитет.

Адам Шалль провел в Китае 46 лет. "Человек Церкви, человек науки, человек действия, человек способный на иронию и ярость, многогранная личность, притягательная и интригующая, Шалль мог произвести впечатление где угодно", - написал о нем историк-миссионер Ф. Бордоне.¹⁷ В 50-е годы XVII века Шалль был одним из наиболее влиятельных людей империи, к совету которого прислушивался сам император. В 1658 г. он получил почетный титул императорского камергера и был произведен в чиновники первого класса первого разряда. (Иерархия чиновников состояла из десяти ступеней (классов), каждая из которой имела два разряда). Только главные секретари и самые важные принцы королевской крови принадлежали *ex officio* к этому классу. Такова была награда миссионеру за его выдающиеся заслуги.¹⁸

В 40-годы XVII века в Китае также находился знаменитый итальянский миссионер Мартино Мартини. Он вошел в историю миссионерства не только благодаря его вкладу в попытку урегулирования спора о "восточных обрядах" (см. ниже), но и как автор фундаментальных научных трудов по истории и географии Китая. Непосредственный участник событий, связанных с падением одной и воцарением другой династии, Мартино Мартини оставил подробное описание "татарской войны" в опубликованной им в Европе книге "De Bello Tartarico". Другая же крупная работа по истории Китая - "Sinicae Historiae Decas Prima" - стала первым исследованием по античной китайской истории и первой попыткой европейского историографа собрать и объяснить мифы, верования, обычаи, философские взгляды дальневосточных народов.

Самым известным трудом отца М. Мартини был "Новый атлас Китая" ("Novus Atlas Sinensis") - плод многочисленных путешествий миссионера по территории Китая, задачей которого ставилась проверка и подтверждение фактов, оставленных Марко Поло, Маттео Риччи и другими миссионерами. Президент Берлинского географического общества профессор Рихбховен, самый известный специалист по изучению Атласа, писал в конце прошлого века: "Это - самое полное географическое описание Китая, которым мы располагаем и благодаря которому М. Мартини стал отцом географической науки Китая".¹⁹ Атлас содержал подробные сведения о природных условиях, народонаселении, государственном устройстве, религиозно-философских взглядах, а также хронологию исторических событий, описание обычаев и традиций народов, населявших Гималаи, Лаос, Корею, Кокхинину и Тайвань. Он значи-

тельно способствовал расширению кругозора западных стран о Среднем государстве и его соседях.

В начале XVIII века император Канси, весьма благосклонный ко всяким полезным нововведениям, быстро оценил какие преимущества, которые могут дать подробные карты его огромных владений для улучшения управления страной и ее обороны. За девять лет кропотливой работы католические миссионеры под руководством отцов Парренена и Режи сделали подробнейший картографический отчет о Средней империи, начиная с Тибета и кончая Маньчжурией. Этот грандиозный труд получил название "Полной карты империи под управлением Нынешней династии". Атлас по праву считается шедевром картографии, и картографы последующих поколений не раз восхищались работой иезуитов, учитывая тот факт, что атлас был составлен в эпоху, когда ни одна великая держава Запада не могла похвастаться подобной картой собственной территории. Отметим также, что до сих пор этот атлас используется для составления всех современных карт Китая и современные ученые не перестают восхищаться точностью данных и расчетами иезуитов.²⁰

В XVII веке устойчиво росло количество христиан на китайской земле. По сведениям М. Мартини, в 1627 г. на территории Китая насчитывалось 13 тыс. христиан, в 1636 г. - 40 тыс., в 1640 г. - 60 - 70 тыс., а 11 лет спустя, т.е. в 1651 г. - 150 тыс. Самыми процветающими центрами римского католицизма на Азиатском континенте в то время, как и в последующие благополучные годы истории христианства в Китае, были города Шанхай и Пекин.²¹ Однако миссионеров было очень мало. К. Кэри-Элвз отмечала, что в 1671 г. в Китае было 20 миссионеров на 100 тысяч китайских христиан, разбросанных по 11 провинциям (следует учесть, что в периоды репрессий количество верующих резко снижалось).²²

Расцвет католического миссионерства в Китае пришелся на правление императора Канси (1662-1722). В 1692 г. он издал знаменитый указ, который признавал святость и пользу христианской религии, а также официально разрешал китайцам ее исповедание. В указе говорилось следующее:

"Мы тщательно изучили вопрос о европейцах...С тех пор как они живут среди нас, они заслужили почет и благодарность большими услугами, оказанными нам в гражданской войне и войнах с иностранными державами, своей прилежностью в составлении полезных и интересных книг, своей целостностью и своей искренней заботой об общественном благосостоянии. Кроме того, европейцы ведут себя очень тихо; они не вызывают волнений в провинциях, они никого не обижают, они не совершают преступлений, и их доктрина не имеет ничего общего с доктринами других лживых сект в империи, они не подстрекают к антиправительственному бунту...

Поэтому мы решили, чтобы все храмы, посвященные Небесному Богу, где бы они не находились, были в сохранности, и что может быть позволено всем тем, кто желает поклоняться этому Богу, посещать эти храмы, курить ему фимиам и совершать церемонии, практикующиеся христианами в соответствии с их древними обрядами."²³

Принятие этого указа можно считать победой политики культурной адаптации иезуитских миссионеров в Китае. Однако всего через несколько лет после этого события разразится скандал, связанный с восточными обрядами, который стал камнем преткновения в отношениях католической церкви и Китая на несколько столетий.

Истоки спора о "восточных обрядах" восходят к деятельности первых католических миссионеров в Китае. Как мы помним, Алессандро Валиньяно и

Маттео Риччи исходили из необходимости христианизации китайского общества изнутри. Это предполагало свободное владение местным языком и прекрасное знание обычаев и традиций, а также своего рода культурную и социальную мимикрию миссионеров к новой среде.

Маттео Риччи как нельзя более полно перенял жизненные привычки и внешний вид китайских ученых-шэньши. Для выражения понятий Бога, Высшего бытия в христианской религии Маттео Риччи прибегнул не к фонетизации латинских терминов, а к заимствованию соответствующих слов из китайского языка, как-то Небо, Небесный владыка, Верховный властелин. Эти понятия были значительно ближе китайцам.

В своих "Комментариях" Маттео Риччи прямо указывал на неопределенность подхода конфуцианства к вопросу о сверхъестественных силах, оставившего много места для свободного истолкования подобных понятий. "Китайцы всегда поклонялись Высшему божеству, которого они называют Небесный владыка, или Небо и Земля, поскольку они, вероятно, считали, что Небо и Земля носили одушевленный характер и были единым живым целым, душой которого было божество."²⁴ Принимая это во внимание, Риччи считал вполне естественным истолкование некоторых традиционно китайских терминов и концепций в выгодном для христианства свете.

Учитывая важность церемоний в жизни китайцев, Риччи и его преемники были вынуждены примириться с особо почитаемыми культурами Конфуция и предков. Ведь ученые-шэньши считали эти культы не суевериями, а гражданскими обрядами, передаваемыми из поколения в поколение. Поэтому иезуиты запрещали китайским христианам совершать лишь те ритуалы, которые носили откровенно культовый характер, например, сжигание бумажных денег и дароприношения духам усопших.

В 1615 г. католическая миссия в Китае добилась важных уступок со стороны церковного руководства в Риме: особого разрешения Святого престола на ношение головного убора при служении мессы, разрешение перевода Библии на литературный китайский язык и отправление службы на китайском языке.²⁵ Рассматривалась также идея создания местного, китайского клира. Однако это предложение встретило сильную оппозицию со стороны иезуитских миссионеров в Японии, категорически возражавших против принятия японских (а значит и китайских) христиан в ряды духовенства, и в частности, в Орден иезуитов. Ограниченность такого подхода проявилась очень скоро. Когда миссионеров выдворили из Японии, вместе с ними исчезло и христианство. И все-таки здравый смысл победил. В 1672 г. Генерал иезуитов разрешил прием китайцев в Орден в качестве новичиев.²⁶

Религиозная стратегия иезуитов в Китае в полной мере оправдывала себя. Расхождения об использовании тех или иных китайских терминов носили сугубо дискуссионный характер и не выходили за рамки миссионерского круга. Однако с появлением в Китае представителей других религиозных орденов - доминиканцев и францисканцев ситуация резко изменилась. С 1583 по 1631 гг. в Китае не было никого, кроме иезуитов. Когда в 1622 г. Папа Григорий XV основал Святую Конгрегацию распространения веры (Congregatio De Propaganda Fide), получившей юрисдикцию на управление делами всех иностранных миссий церкви, указ короля Филиппа II, дававший иезуитам право на исключительное представительство христианства в Китае, был уже отменен. Святая Конгрегация, созданная специально с целью прямого централизованного контроля за миссионерской деятельностью, постановила, что отныне все миссионеры утверждаются с ее согласия. Это решение лишало иезуитской ордена его большой независимости и открывало дорогу в

Китай францисканцам и доминиканцам, которые встретили там весьма холодный прием, как иезуитов, так и самих китайцев. Кроме того, задача по восстановлению некогда процветавших миссий Восточной Азии была возложена на парижское Общество Иностранных миссий (*Missions Etrangères de Paris*). Это общество находилось под сильным влиянием ярых теологических противников иезуитов - янсенистов,²⁷ и скоро стало более заинтересованным в низложении "Общества Иисуса", чем в своих непосредственных задачах.²⁸

Во избежание столкновений и разногласий среди религиозных орденов вице-провинциал иезуитов отец Фуртадо в 1636 г. предложил разделить миссионерскую работу в Китае между орденами, отведя каждому из них свою территорию. Однако Конгрегация не дала ход этому предложению, положив его на несколько столетий "под сукно", пока в итоге история не подтвердила актуальность подобной идеи. В настоящее время римские католические миссии в разных частях света организованы именно по этому принципу.

Миссионеры "нищенствующих" орденов (т.е. францисканцы и доминиканцы) придерживались традиционных способов распространения веры. Игнорируя предостережения научных опытов иезуитов, они никоим образом не собирались "подстраиваться" под местные условия. Новые пришельцы пытались навязать китайцам свою веру и заставить их точно соблюдать духовные законы и обычаи, принятые в европейском мире и в испанских колониях. Привыкшие действовать в других странах, например, на Филиппинах и в Южной Америке, "по-старинке", с крестом в руках, францисканцы и доминиканцы отказывались понять, что в Китае подобная политика изначально обречена на поражение. Стоит упомянуть один факт. В китайском искусстве не было принято изображать обнаженное тело, поэтому распятый Христос воспринимался как магический знак, схожий с даосским тотемом. Эта символика была абсолютно чужда и непонятна китайцам, поэтому иезуиты очень осторожно обращались с символом распятого Христа. Францисканцы же немедленно усмотрели в этой практике отказ от понятия распятия как таковой.

Францисканцы и доминиканцы подвергли резкой критике политику "окитаизирования" иезуитских миссионеров, и фактически стали инициаторами скандала с "китайскими обрядами". Они возмущались, что иезуиты вели себя как китайские чиновники и что китайцы принимали их за равных. Они считали это унижением для миссионеров. Особые нападки неслись в адрес культов Конфуция и предков, к которым с большой терпимостью относились иезуиты. Вызывающее поведение новых миссионеров с китайскими властями, готовность к конфронтации ради защиты "истинной веры" безусловно не способствовали росту авторитета христианства. Китайцы рассматривали их как варваров, лишенных элементарных понятий о китайской культуре и обрядах. Не удивительно, что спустя некоторое время два францисканца были схвачены и приговорены к смертной казни за проповедование иностранной доктрины без разрешения официальных властей. Только вмешательство иезуитов спасло их от печальной участи. Вместо благодарности францисканцы объединились в антииезуитскую кампанию, усматривая причину всех своих бед в кознях иезуитов.

На самом деле причины крылись в откровенной зависти "нищенствующих" орденов к успехам иезуитов, которые меньше чем за 100 лет существования ордена добились огромных успехов, отчасти благодаря своему разрыву с традициями монашества и нищенства. Беспардонное вмешательство новых миссионеров в налаженную жизнь христианской общины вызвало мощную оппозицию иезуитов в Китае. Но главная причина конфликта состояла в неприятии другими орденами самой идеи культурной адапта-

ции, лежавшей в основе всей политики иезуитов, которую новые миссионеры рассматривали как предательство католической веры.

Претензии, предъявляемые "нищенствующими" орденами к деятельности иезуитов в Китае, можно разделить на две группы. Первая группа касалась практики и методов миссионерства и содержала следующие обвинения: иезуиты не смогли провести в жизнь законы Церкви; не сумели убедительно объяснить догмат о распятии Христа; создали проблему с использованием христианской терминологии; скомпрометировали себя и веру ношением китайской одежды и следованием китайским обычаям; "втирались" в доверие к власти имущим, а не шли "в народ"; наконец, участвовали в научной и иной деятельности, несовместимой со статусом церковнослужителя. Вторая группа относилась непосредственно к характеру китайских обрядов, а именно к тысячелетней традиции китайцев почитания умерших родственников, предков и поклонения Конфуцию. Эти претензии и стали основой т.н. скандала с "китайскими обрядами", последствия которого можно обнаружить и сегодня.

Что касается первой группы обвинений, в письме папе Урбану VIII вице-провинциал Китая Фуртадо объяснял политику иезуитов специфическими условиями страны. Он ссылаясь на разрешения, предоставленные в 1595 г. папой Климентом VIII миссионерам в Восточной Индии, освобождавших их от необходимости проведения традиционных церемоний крещения и соблюдения поста до тех пор, пока в стране не будут созданы благоприятные для этого условия. "Если заставить китайских христиан безукоризненно следовать духовным законам под угрозой смертного греха, - рассуждал Фуртадо, - это наложит на сознание их невыносимое бремя, с которым многие просто не смогут справиться. Обязательное соблюдение поста может привести к голодной смерти многих христиан, каждодневный рацион которых намного скуднее европейского".²⁹

Среди прочих обвинений было и якобы попустительское отношение иезуитов к многоженству. Эта практика зачастую являлась главным препятствием для принятия христианства. Иезуитские миссионеры всегда и везде осуждали ее, но временами им приходилось мириться с этим.

Иезуиты не возражали против деревянных табличек с именами фамильных предков, которые можно было найти в любом доме в окружении цветов, свечей и благовоний. По мнению Фуртадо, китайцы не верили, что души их умерших родственников живут в этой табличке; для них это было скорее то место, к которому они могли обращать свои мысли и чтить своих близких, поддерживая связь поколений.

Что касается конфуцианских обрядов, они существовали задолго до Конфуция в первобытном китайском обществе с его анимистическими представлениями. Ко времени появления Конфуция обряды в большой степени приобрели светский характер в том смысле, что анимистические верования, из которых они произошли, уже потеряли свое значение и приобрели размытый смысл. Вместе с тем по устоявшейся многовековой традиции ритуалы продолжали соблюдаться. Конфуций просто инкорпорировал их в свою систему. Его задачей было восстановить и сохранить традиции прошлого, среди которых были и эти обряды. Поскольку они прекрасно служили для воспитания культа сыновней почтительности, а значит семьи и государства, Конфуций сделал эти ритуалы частью своего учения. Элементом "сверхъестественного" в этих обрядах он не придавал особого значения. Когда конфуцианство стало официальной доктриной Китайского государства, вполне естественно, что в обрядах появилась "культовая" сторона. Знакомые с традиционной системой китайских верований отлично знают, что не всякий культ есть проявление

религиозности. Это, по всей видимости, и имели ввиду иезуиты, когда говорили о светском характере конфуцианских обрядов.

Меморандум в защиту политики иезуитских миссионеров в Китае был составлен отцом Мартино Мартини, назначенным Конгрегацией пропаганды веры Прокурором иезуитской миссии в Китае. В меморандуме указывалось, что Конфуций для китайцев выступает не в роли божества, а как великий мудрец и философ, а культ предков - это выражение уважения, благодарности и почтения младших к старшим. М. Мартини писал, что следует различать обряды, совершаемые неграмотными, темными крестьянами, для которых, несомненно, в обрядах присутствовал элемент суеверий, и обряды, в которых участвовали образованные чиновники. Для последних это были чисто гражданские традиции, без какой-либо лежащей в основе религиозной веры, но составлявшие важную основу ритуала - регулятора жизни китайского общества. Подобная ситуация отмечена в истории христианской церкви на ранних этапах ее существования; ситуация, разрешившаяся в 303 г. Эльвирским Собором, в пользу терпимости в отношении отдельных ритуалов, совершаемых во время официальных церемоний, давно ставших светскими.³⁰

По возвращении Мартини в Рим меморандум был представлен папе Александру VII, который несмотря на давление Конгрегации, издал указ, одобрявший действия иезуитов и не препятствующий отправлению китайскими христианами традиционных обрядов. Однако, за 11 лет до этого, т.е. в 1645 г., предыдущий папа Иннокентий X своим декретом осудил политику "Общества Иисуса" в Китае. Складывалась парадоксальная ситуация: первый декрет формально отменен не был, поэтому силу имели оба решения. "Хитрый" компромисс папства об их равноценном соблюдении был закреплен в указе (1669 г.) нового папы Климента IX. Вопрос так и не был решен, так как он представлял собой не столько проблему китайских обрядов, сколько борьбу между двумя направлениями в религиозной мысли Запада, а именно консервативной, представленной францисканцами и доминиканцами, и прогрессивной - иезуитов.

Итальянский историк Б. Болоньяни цитирует францисканца Франсиско де Аскалена, который, на наш взгляд, очень верно оценил политику иезуитов в Китае: "Если бы у иезуитов был другой метод, чем тот, которому они следовали до сих пор, в Китае сегодня [1660 г.] не было бы ни христиан, ни миссионеров".³¹

Разногласия среди католических религиозных орденов по вопросам отправления местных обрядов и как следствие вывод о недопустимости культурной адаптации христианства к местным условиям привели к росту противоречий между религиозной политикой миссионеров и традиционной религиозной политикой китайского государства. В 1704 г. декретом Инквизиционного Суда в Риме было запрещено использование описательных имен, таких как Небо и Верховный владыка, для наименования Бога и были осуждены, как суеверные, церемонии восхваления Конфуция и предков.³² Через десять лет в 1715 г. папа Климент XI подтвердил предыдущий декрет и еще раз осудил политику иезуитов.

Откровенное вмешательство во внутренние дела страны, да еще такой как Китай, не могло пройти незамеченным. Император Канси отреагировал следующим образом: "Китайцы в течение 2000 лет были преданны конфуцианской доктрине. С момента прибытия отца Риччи европейцы жили в Китае в добром мире. Теперь же христиане позволили себе не согласиться с Конфуцием, и поэтому маловероятно, что миссионеров будут терпеть в Империи".³³ "Да, ваша религия священна и следует пожелать, чтобы вы смогли довести ее

до всего мира, но вы допускаете огромную ошибку, когда не принимаете во внимание обычаи и верования различных народов".³⁴

В 1707 г. император Канси издал указ, согласно которому в Китае могли остаться только те миссионеры, которые признавали следующие положения: Бог китайцев такой же как и у европейцев, и следовательно, правомочно именовать его также церемонии в честь Конфуция и предков совместимы с христианством.³⁵ После нового декрета Климента XI Канси приказал выдворить из страны всех миссионеров, разрушить христианские храмы и запретить проповедование христианства в Срединной империи. Официально после 1723 г. в провинциях не осталось иностранных миссионеров и около 300 тыс. китайских христиан остались без духовных отцов.³⁶ Гонения на миссионеров в провинциях продолжались почти до конца XVIII столетия и при других китайских императорах, а в 1773 г. папа Климент XIV распустил "Общество Иисуса".

Так была завершена целая историческая эпоха католического миссионерства в Китае, которое вновь обрело силу к концу XIX века.

Как видим, католическое миссионерство в Китае в XVII веке достигло немалых результатов как с точки зрения евангелизации страны, так и в смысле расширения научного кругозора китайцев и европейцев. Политика культурной адаптации полностью оправдала себя на практике. Однако в тот момент концепция европоцентризма возобладала над идеей универсализма. Ошибочность данной концепции была официально признана католической церковью лишь в 1939 г. После Второго Ватиканского собора (1962-65 гг.) вновь широко заговорили о необходимости политики культурной адаптации в миссионерской деятельности. Среди многих важных документов, принятых собором, одно из главных мест занимали декларация "Об отношении Церкви к нехристианским религиям" (*Nostra Aetate*) и декрет "О миссионерской деятельности церкви".

В энциклике 1990 г. "О непреходящей ценности миссионерского мандата Церкви" папа Иоанн Павел II обратил особое внимание на эту политику, охарактеризовав ее как "интимную трансформацию аутентичных культурных ценностей посредством интеграции в христианство и внедрение христианства в различные культуры".³⁷ Таким образом, католическая церковь в новых условиях пытается познакомить другие народы со своими культурными и духовными ценностями, одновременно вбирая то лучшее, что существует в этих культурах. Это, в свою очередь, ведет к налаживанию диалога между культурно-религиозными традициями, в котором миссионерству по-прежнему отводится важная роль.

1. Dunne G. *Generation of Giants: the Story of the Jesuits in the Last Decades of the Ming Dynasty*. London, 1962, p.17
2. Montanari F. *Un orologio suona solitario: Padre Matteo Ricci nel cuore della Cina 1582-1610*. Roma, 1983, p. 65
3. *Ibid.*, p.149
4. *Ibid.*, p. 65
5. Dunne G. *Op.cit.*, p. 32
6. Ricci M. *Imperatori e mandarini/ a cura di Gino Nebiolo*. Roma, 1981, p. 108
7. Луньюй, Чжунъюн, Дасюэ, Мэн-цзы
8. Подробнее см. Ricci M. *Op.cit.*
9. Montanari F. *Op.cit.*, p. 224
10. Cary-Elwes C. *China and the Cross*. London, 1957, p.94
11. Hay M. *Failure in the Far East*. London, 1956, p. 97
12. Dunne G. *Op.cit.*, p. 105

13. Ibid., p. 94
14. Cary-Elwes C. Op.cit., p. 15
15. Bortone F. Lotte e trionfi in Cina. Frosinone, 1975, p. 6
16. Ibid., p. 360
17. Ibid., p. 365
18. Ibid., p. 349
19. Bolognani B. L'Europa scopre il volto della Cina. Trento, 1978, p. 157
20. Plattner F. A. Jesuits Go East. (Translation from German). Dublin, 1950, p. 230
21. Dunne G. Op.cit., p. 309
22. Cary-Elwes C. Op.cit., p. 121
23. Huc, L'Abbe'. Christianity in China, Tartary and Thibet. London, 1858. Vol.3, p. 202
24. D'Elia P. Fonti Ricciane. Roma, 1949, Vol. 1, p. 91
25. Dunne G. Op.cit., p. 164
26. Новиции - низшая ступень в "Обществе Иисуса". Новички, желавшие поступить в Орден, принимались в качестве новициев, проходивших потом суровую школу безусловного послушания старшим в особых общежитиях, новициатах, для чего устанавливался двухлетний срок. Подробнее см. Христианство: Энциклопедический словарь/ Ред. кол. С.С. Аверинцев. М., 1993. Т. I, стр. 572
27. Янсенисты - последователи голландского теолога К. Янсения. Тяготели к протестантизму, проповедовали строгое религиозно-этическое самоусовершенствование.
28. Hay M. Op.cit., p. 100
29. Dunne G. Op.cit., p. 271
30. Bolognani B. L'Europa scopre il volto della Cina. Trento, 1978, p. 65
31. Ibid., p. 138
32. Bortone F. Op.cit., p. 17
33. Ibid., p. 21
34. Bolognani B. Op.cit., p. 114
35. Hay M. Op.cit., p. 133
36. Bortone F. Op.cit., p. 28
37. Encyclical Letter on the Permanent Validity of the Church's Missionary Mandate (52), 1990.

Документы, архивы

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии при МИД России (1903-1917)

© 1997

А.Волохова

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранится несколько дел, содержащих материалы о созданном и действовавшем при МИД России научном учреждении - Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (далее - Русский комитет).

Обнаруженные в АВПРИ материалы позволяют дополнить уже введенные в научный оборот данные о деятельности Русского комитета и показать комитет как уникальное научное учреждение, успешно реализовавшее на практике соединение фундаментальной науки с ведомственной принадлежностью.

В октябре 1899 г. в Риме состоялся XII международный конгресс ориенталистов, на котором обсуждались вопросы, связанные с изучением Азии, и была отмечена крайне неудовлетворительная организация исследований этой части света, отсутствие единства и общего руководящего начала в этом деле. Ученые-востоковеды выражали большую озабоченность за судьбу исторических памятников, подвергающихся разрушению, подчеркивая особую необходимость изучения народностей, населяющих Среднюю и Восточную Азию, утрачивающих язык и традиции при столкновении с европейской цивилизацией.

Участники XII конгресса ориенталистов признали желательным принять меры к объединению усилий ученых разных стран по исследованию Азии, главным образом ее восточной и центральной части, и приняли решение создать Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии. Представителям России на конгрессе академиком Василию Васильевичу Радлову (1837-1918) и Сергею Федоровичу Ольденбургу (1863-1934) было поручено разработать устав союза и предпринять шаги по организации Русского комитета как его центрального органа с учетом географического положения России и крупных достижений российских востоковедов в исследовании этих регионов Азии.

Радлов и Ольденбург активно взялись за дело, считая, что Русский комитет должен состоять не при Академии наук, а при МИД, что дало бы комитету больше возможностей в плане осуществления экспедиций за пределами России и контактов с зарубежными учеными, а также и в финансовом отношении. Для выработки устава Международного союза и Русского комитета как его ядра был организован временный, или предварительный, комитет, куда, кроме Радлова и Ольденбурга, вошли представители научных учреждений (Археологическое общество, Географическое общество), специалисты-востоковеды (П.С.Попов, П.М.Мелиоранский, Д.А.Клеменц) и представители министерств "наиболее заинтересованных в судьбах востока и располагающих возможностями содействовать целям комитета" - от МИД А.Я.Коростовец, от военного министерства генерал-майор Васильев, от министерства народного просвещения Г.А.Эзов¹.

В этом составе временный комитет провел несколько заседаний в мае 1902 г., на которых обсуждались проекты уставов Международного союза и Русского комитета. Было решено, что Русский комитет должен состоять при МИД и, что к действиям по его непосредственной организации следует приступить после утверждения устава Международного союза на очередном XIII конгрессе ориенталистов в Гамбурге в сентябре 1902 г.

МИД "все время весьма сочувственно" относился к работе временного комитета и 13 августа 1902 г. товарищ министра иностранных дел уведомил Радлова: "Если признаете это нужным, то в Гамбурге на конгрессе ориенталистов можете сделать соответствующее заявление об учреждении ученого общества под названием "Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношениях"².

В тот же день министр иностранных дел Ламсдорф направил письмо о создании Русского комитета с приложением проекта его устава министру финансов Витте, который в своем ответе 1 сентября 1902 г. в принципе не возражал против учреждения при МИД подобного комитета, но затруднялся "высказать по сему предмету окончательное заключение" ввиду того, что в проекте устава "не усматривается, на какие средства будет действовать последний, а именно: будет ли комитет пользоваться лишь пособиями разных правительственных учреждений и ученых обществ и частными пожертвованиями, ... или же предполагается испрашивать определенную правительственную субсидию и если предполагается, то в каком размере"³. Признавая основания для организации Русского комитета "в общем целесообразными", министр финансов выражал пожелание более точно указать в уставе цели комитета и функции его бюро, ввести в его состав представителя министерства внутренних дел, а также внести в устав пункты о предоставлении комитету права непосредственно сноситься с правительственными и общественными учреждениями и получать из-за границы без просмотра цензурой всякого рода заграничные издания, касающиеся предмета ведения комитета⁴.

После XIII международного конгресса ориенталистов (Гамбург, сентябрь 1902 г.), одобрившего уставы Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях⁵ и Русского комитета в качестве центрального органа союза, Радлов 4 октября и 4 декабря 1902 г. обратился к министру иностранных дел с письмами, где сообщал о решениях конгресса в Гамбурге и подробно обосновывал необходимость создания в России специального научного учреждения, которое координировало бы работу по изучению Восточной и Средней Азии.

В письме от 4 декабря Радлов писал, что организация Русского комитета для изучения Восточной и Средней Азии диктуется тем, что такие учреждения, как Географическое или Археологическое общества, в силу обширности сферы их деятельности занимались данными регионами лишь попутно, академические экспедиции типа Орхонской и Турфанской предпринимались "только по случайной случайности", а между тем "поступательное движение на восток, совершившееся столь интенсивно именно за последние годы, раскрывшее для европейской науки новые, обширные, ранее почти недоступные области изучения, явилось новым стимулом к объединению сил для изучения востока и спасения его памятников, особенно угрожаемых вторжением европейцев в пределы Китая и вовлечении этого последнего в круговорот мировой культуры"⁶.

Радлов сделал акцент на самостоятельность Русского комитета, поскольку на XIII конгрессе ориенталистов было решено, что комитеты отдельных стран, "нравственно обязанные содействовать общим целям Союза, в то же время в своей деятельности являются совершенно автономными", так что Русский комитет, наряду с функциями центрального органа Международного союза, "должен быть самостоятельным русским ученым учреждением, объединяющим деятельность русских ученых в деле изучения Средней и Восточной Азии, как в пределах Империи, так и сопредельных стран, интимное сближение с которыми растет и будет расти с каждым днем"⁷.

Свое письмо Радлов заканчивал следующими словами: "В полной надежде, что объединенная работа ученых-ориенталистов вместе с важными научными результатами, внесут и свою добрую лепту света в дело сближения со столь близкими нам народами востока, и в уверенности, что под покровительством Министерства Иностранных Дел Русский комитет найдет наиболее благоприятные условия для успешного выполнения им как международных, так и национальных своих задач, члены предварительного комитета уполномочили меня просить Ваше Сиятельство принять Комитет в ведение Министерства Иностранных Дел и сообразованно представить предлагаемый устав Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии на Высочайшее Его Императорского Величества утверждение"⁸.

20 декабря 1902 г. директор Первого департамента МИД ответил на письмо Радлова от 4 декабря, что МИД не преминет войти в свое время с надлежащим представлением об утверждении в установленном порядке Устава Русского комитета, в котором следовало бы "в видах большей точности и полноты сделать некоторые редакционные поправки", и просил уведомить об отсутствии каких-либо препятствий к принятию указанных поправок⁹, на что Радлов сообщил о принятии всех поправок¹⁰.

2 февраля 1903 г. Ламсдорф доложил Николаю II об учреждении Русского комитета. В проекте Всеподданнейшего доклада об учреждении Русского комитета¹¹ Ламсдорф дословно использовал аргументы из письма Радлова от 4 декабря 1902 г. в пользу создания комитета при МИД, а также сообщил, что министры императорского двора - военный, финансов, внутренних дел и народного просвещения - находят учреждение Русского комитета "вполне отвечающим интересам науки и не встречают препятствий к назначению в него представителей от вверенных им ведомств в качестве постоянных членов"¹². Император дал согласие на создание Русского комитета и утвердил его устав, который 19 февраля был опубликован в "Правительственном вестнике"¹³.

Уже 7 февраля Ламсдорф официально уведомил Радлова о решении Николая II и предложил Радлову "как уполномоченному XII и XIII конгрес-

сами ориенталистов вступить в обязанность Председателя Русского комитета и вместе с тем войти в предварительные сношения с заинтересованными ведомствами на предмет назначения ими представителей в означенный Комитет"¹⁴.

Радлов 20 февраля обратился к Ламсдорфу с просьбой назначить члена Русского комитета от МИД (на письме Радлова есть карандашная пометка: "Кого можно назначить? И.Я.Коростовца?")¹⁵, а 22 февраля уже на бланке Русского комитета попросил Ламсдорфа "снести с господином министром финансов об ассигновании на 1903 год суммы в размере 5000 рублей, а на будущее время внести таковую сумму в смету Министерства Иностранных Дел"¹⁶.

Витте ответил Ламсдорфу об отпуске денег 28 февраля, а Первый департамент МИД передал это известие Радлову почти через месяц - 24 марта, когда тот представил министру список личного состава Русского комитета и его бюро, который и был утвержден без каких-либо изменений 27 марта 1903 г.

В состав Русского комитета под председательством Радлова вошли от российских научных учреждений С.Ф.Ольденбург (Академия наук), В.А.Жуковский (факультет восточных языков Петербургского университета), Н.И.Веселовский (Археологическая комиссия), В.В.Бартольд (Русское археологическое общество), А.В.Григорьев (Географическое общество), от министерств: императорского двора - А.А.Бобринский, иностранных дел - И.Я.Коростовец, военного - Ф.Н.Васильев, финансов - В.Л.Котвич, внутренних дел - К.К.Случевский, народного просвещения - П.С.Попов, а также "приглашенные ученые" - К.Г.Залеман, Д.А.Клеменц, П.М.Мелиоранский, Л.Я.Штернберг, Э.Э.Ухтомский, Ф.И.Шербатский. Бюро Русского комитета было, согласно уставу, избрано на заседании комитета из 4 человек: председатель Радлов, товарищ председателя Жуковский, секретари Бартольд и Штернберг.

В дальнейшем научный костяк комитета почти не менялся, менялись только представители министерств: в 1906 г. И.Я.Коростовец попросил освободить его от участия в заседаниях Русского комитета в связи "с разнородными служебными обязанностями" и на его место был назначен Н.С.Щекин, хорошо знакомый с характером деятельности комитета¹⁷; Случевского заменил Э.А.Ватаци, а затем И.В.Гурко, Васильева - С.В.Цейтль.

Меньше чем через 2 месяца, 20 мая 1903 г., Радлов доложил министру иностранных дел, что Русский комитет выпустил на французском, а затем на русском языке первый номер "Известий Русского комитета" с документами, касающимися истории учреждения Международного союза и Русского комитета. Он просил министра разослать через российский представительства за границей по экземпляру этого издания правительствам тех стран, которые вошли в Международный союз, и обратить их внимание на крайнюю желательность скорейшего создания национальных комитетов союза¹⁸.

10 июня 14 экземпляров бюллетеня Русского комитета были посланы в российские посольства и миссии в Париже, Лондоне, Берлине, Риме, Вашингтоне, Пекине, Токио, Сеуле для передачи министерствам иностранных дел соответствующих государств, а с июля 1903 г. в российский МИД стали приходить сообщения об учреждении в Швейцарии, Италии, Голландии, а затем во Франции, Германии, Испании, Венгрии, Дании, Швеции научных комитетов для изучения Средней и Восточной Азии, которые, как правило, создавались при академиях наук этих стран.

Через 10 месяцев после учреждения Русского комитета, за которые при участии членов комитета были предприняты раскопки в окрестностях Самарканда и на Сахалине, изучение обычаев монголов на территории от

Урги до до Харбина, Радлов обратился в министерство финансов с просьбой увеличить отпускаемую комитету ежегодную субсидию. "Работы, начатые в этом году, - писал Радлов, - все такого характера, что они должны быть продолжены и в будущем году, между тем ограничиваться лишь продолжением предприятий прошлого года значило бы с первых же шагов отказаться от целого ряда обширных задач, лежащих на комитете в силу его национального и международного положения и сразу дискредитировать свою жизнеспособность. Таким образом - весь северный Китай, Маньчжурия, почти весь Туркестан, ближняя Монголия, все тунгусские племена, разбросанные на огромной территории от Тихого океана до Урала, палеазиаты и т.д. - все это должно оставаться недоступным деятельности комитета, между тем эти территории и народы входят в компетенцию именно Русского комитета"¹⁹.

Управляющий министерством финансов Э.Д.Плеве дал согласие "на увеличение годового бюджета комитета до 10.000 рублей ежегодно, с тем что сумма 10.000 рублей будет отпущена из фонда на непредусмотренные надобности", и предложил Радлову ходатайствовать перед министром иностранных дел о назначении комитету субсидии обычным путем через Государственный совет, что Радлов и сделал²⁰.

На своем заседании 1 ноября 1903 г. Русский комитет принял решение о необходимости приступить к всестороннему изучению Восточного Туркестана в археологическом отношении. Ученые - члены Комитета - считали, что для Русского комитета "нет наиболее грандиозной задачи, чем раскрыть миру огромную страну, где погребено великое уйгурское царство", исследовать единственное на территории Азии место, где смешались такие разнородные культуры, как индо-греческая и китайская, с одной стороны (Жотан), и египетско-ассирийская, индийская и китайская - с другой (Турфан, Куча). Выполнение этой задачи было начато российской академической экспедицией 1899 г., привлечшей к себе внимание всего ученого мира, но не получившей продолжения из-за отсутствия средств, в результате чего драгоценные памятники стали погибать или становиться добычей иностранных экспедиций. Поэтому Русский комитет выступил с проектом исследований Турфана и Куи в течение 5 лет под руководством академика Ольденбурга: в 1904 г. предполагалось снарядить первую экспедицию для работы в Турфане и генеральной разведки в Куче, на что требовалось 12 тыс. рублей, а остальные работы провести за 4 года с затратами по 7 тыс. рублей в год.

Поскольку выполнить такой проект за счет текущих средств Русского комитета не представлялось возможным, Радлов в январе 1904 г. обратился за деньгами в министерство финансов и к министру иностранных дел, "как покровителю комитета" с просьбой поддержать столь важное для науки и для престижа Русского комитета дело. Министр иностранных дел уже через два дня после просьбы Радлова откликнулся письмом на имя управляющего министерством финансов: "Признавая со своей стороны весьма желательным, чтобы дело изучения Восточного Туркестана, представляющее огромное научное значение, было выполнено Русским комитетом как в видах поддержания престижа русской науки вообще, так и ввиду международного положения означенного Комитета, являющегося центральным органом Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии, обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой уведомить, не признаете ли Вы возможным удовлетворить вышеизложенное ходатайство академика Радлова"²¹.

Ходатайство было доложено Николаю II, который повелел отпустить Русскому комитету на проведение археологических исследований в Восточном

Туркестане в 1904 г. 12 тыс. рублей, а затем предоставить МИД право вносить в свою смету с 1905 г. по 7 тыс. рублей на эти же цели²².)

Русский комитет весьма интенсивно пользовался своим положением "при МИД" для получения необходимой информации.

Осенью 1903 г. он запросил российских представителей в Китае об имеющихся во вверенных им округах ценных исторических памятниках и интересных для изучения в антропологическом или лингвистическом отношении народностей. Один из ответов на запрос от чиновника МИД в Цицикаре М.Поппе имеется в архивном деле. Поппе полагал, что Хэйлунцзянская провинция должна быть подробно изучена, так как вследствие колонизации края китайцами ее народности "быстро теряют свой язык и физический облик, а ценные археологические памятники погибают". Русскому комитету, по мнению Поппе, следовало бы как можно скорее провести точную топографическую съемку вала, остатков стен и городищ в окрестностях Цицикара, а в лингвистическом отношении важно изучить наречия восточных монголов, ороченов, которые "сравнительно недавно не признавали над собой китайскую власть", но теперь китаизируются²³.

В марте 1904 г. Радлов обратился в Первый департамент МИД с просьбой навести справки, в какой мере осложнения на Дальнем Востоке могут отразиться на работе археологических экспедиций в Турфан и Кучу, на что российский посланник в Пекине Лессар ответил, что работы экспедиций не встретят препятствий²⁴.

В другом письме в Первый департамент Радлов выражал пожелание, чтобы Русский комитет мог получать в копиях те части консульских донесений, которые содержат данные, полезные для науки. "Консульские донесения, - отмечал Радлов, - весьма часто заключают сведения, ценные в этнографическом и географическом отношении, но как не имеющие практического значения эти сведения оставляются министерством неопубликованными", тогда как некоторые из них можно было бы опубликовать в "Известиях" Русского комитета²⁵.

Снова по этому же вопросу Радлов написал директору Первого департамента Д.К.Семеновскому-Курило в 1906 г.: "Русский комитет, будучи очень заинтересован в том, чтобы научные материалы, заключающиеся в консульских донесениях из азиатских государств, стали достоянием науки, уполномочил меня обратиться к Вашему превосходительству с просьбой... допустить специально избранных комитетом лиц при участии представителя от министерства иностранных дел и члена Русского комитета И.Я.Коростовца к постепенному разбору накопившегося в министерстве материала, предоставив этим лицам решать, в каком виде удобнее всего будет сделать эти материалы доступными для широкого круга исследователей"²⁶. Ответ был положительным: "К допущению избранных Комитетом лиц к рассмотрению имеющихся в министерстве консульских донесений препятствий не встречается; ближайшие же указания по настоящему делу комитет может получить непосредственно от представителя министерства иностранных дел в Русском комитете коллежского советника Коростовца"²⁷.

Вообще российские консулы в Западном Китае активно сотрудничали с Русским комитетом. В 1912 г. на заседании комитета было доложено письмо А.А.Дьякова, который, вступив в должность консула в Урумчи, выражал "готовность оказывать всякое содействие командируемым от комитета лицам", а также просил сообщить о судьбе ранее посланных в Русский комитет рукописи и заметок²⁸.

Русский комитет оказывал содействие иностранным ученым при осуществлении ими экспедиций в среднеазиатский регион России и в сопредель-

ные с Россией страны (германской экспедиции в Восточный Туркестан, французской во главе с профессором Готье в Самарканд). В качестве центрального органа Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии Русский комитет помогал доктору Хрдлику, командированному Национальным музеем в Вашингтоне для антропологических исследований в Сибири и Монголии, а также венгерским ученым в их поездке в Вологодскую и Архангельскую губернии и на Алтай²⁹.

В 1905-1907 гг. плодотворно работали финансируемые Русским комитетом экспедиции в Восточном Туркестане и Монголии, пополнялись ценными экспонатами коллекции Азиатского музея Академии наук, члены комитета публиковали интересные статьи и книги, однако особое положение Русского комитета, немало способствовавшее успехам российского востоковедения, оказалось под вопросом. В 1907 г. над Комитетом стали сгущаться тучи.

Во 2-й бюджетной подкомиссии Госдумы обратили внимание на ассигнования Русскому комитету по смете доходов и расходов МИД (на 1908 г. испрашивалось пособие в размере 13.500 рублей, как и в предыдущем году). В докладе подкомиссии указывалось: "Имея ввиду, что означенное учреждение создано было с чисто научными целями для исследования Средней и Восточной Азии и что министерство иностранных дел в данном случае служило лишь посредствующей инстанцией, в ведение коего по формальным только причинам, за неимением другого подходящего ведомства, поступило дело заведывания помянутым комитетом, подкомиссия полагает, что министру иностранных дел подлежит: разработать ныне же проект передачи комитета в ведение Академии наук, руководящей аналогичными научными учреждениями"³⁰.

Департамент личного состава и хозяйственных дел МИД, получив выписку из доклада подкомиссии, направил ее для заключения в Первый департамент. Видимо тут же информированный об этом Радлов обратился 18 марта 1908 г. с большим письмом к министру иностранных дел А.П.Извольскому с просьбой "о содействии к оставлению Русского комитета в ведении вверенного Вам министерства, так как передача комитета в ведение другого учреждения могла бы только повредить дальнейшему развитию его деятельности, лишив комитет его авторитета самостоятельного и независимого в научном отношении учреждения"³¹.

На письме Радлова, переданном в Первый департамент МИД, есть карандашные пометки, свидетельствующие о том, что там не очень склонны были поддерживать доводы Радлова в пользу оставления Русского комитета при МИД.

Ссылаясь на "единогласное решение" 1903 г. о том, что Русский комитет должен состоять в ведении МИД, Радлов приводил следующие аргументы. Во-первых, комитет как центральный орган Международного союза должен иметь возможность постоянно сноситься с иностранными правительствами, что удобнее всего выполнить, когда комитет состоит при МИД (пометка на полях: "Для постоянных сношений совсем не требуется, чтобы он состоял при МИД"). Во-вторых, большая часть территорий, являющихся сферой исследований Русского комитета, находится вне пределов Российской империи, и поэтому необходима постоянная и непосредственная связь комитета с соответствующими русскими посольствами и консульствами (пометка: "Связь не нарушится, ибо ее будет поддерживать представитель МИД"). В-третьих, Русскому комитету приходится давать Министерству свои замечания по вопросам о допустимости тех или других иностранных экспедиций на русской территории и русских ученых на территории государств Азии, для чего также требуется постоянная связь с МИД. Лица, входящие в бюро комитета, должны пользоваться полным доверием министра иностранных дел, что вполне дос-

тигается при нынешней организации комитета, когда они утверждаются министром (пометка: "Практика показала, что в действительности все эти сообщения имеют чисто академический характер. Утверждение же бюро министерством вполне формально"). В-четвертых, в качестве центрального органа Международного союза Русский комитет для сохранения своего научного и международного авторитета должен в научном отношении быть совершенно независимым от каких бы то ни было других научных учреждений России. Состоя при МИД, он сохраняет в этом отношении полную независимость, а нынешняя структура комитета гарантирует ему и высокий научный авторитет (пометка: "Вот, кажется, действительная причина возражений Радлова")³².

Таким образом, если при Ламсдорфе Русскому комитету была обеспечена полная поддержка МИД, то при Извольском положение несколько изменилось, хотя окончательного мнения министра или заключения Первого департамента пока обнаружить в архиве не удалось. Однако, по-видимому, оно было не очень благоприятным для Русского комитета, так что Радлов и его коллеги приняли свои меры и добились разрешения устроить в Большом Царскосельском дворце выставку археологических находок, сделанных экспедициями, организованными комитетом.

Русскому комитету было что показать. В 1908 г. было приведено в порядок собрание археологических материалов Турфанской экспедиции 1905-1907 гг. Кроме того, комитет располагал ценным собранием предметов домусульманской культуры Восточного Туркестана, которое было приобретено на средства комитета у российского консула в Урумчи Н.Н.Короткова.

Коллекция Короткова вместе с находками Турфанской и Самаркандской экспедиций и были выставлены комитетом. После осмотра выставки 20 ноября 1908 г. Николай II принял Русский комитет под свое особое покровительство (что было отражено в названии комитета "Состоящий под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русский комитет...") и поддержал план более обширной экспедиции в Восточный Туркестан с выделением на это специальной суммы из средств государственного казначейства³³. Законом от 18 декабря 1909 г. Русскому комитету на 1910-1914 гг. была продлена выплата государственного пособия в размере 10 тыс. рублей ежегодно³⁴.

Высочайшее покровительство давало Русскому комитету определенные преимущества и не было простой формальностью. В феврале 1913 г. Николай II принял председателя комитета Радлова, представившего императору отчет о деятельности этого учреждения.

После 1908 г. вопрос о пересмотре статуса Русского комитета был автоматически снят, и его отношения с руководством МИД вновь наладились. Когда в мае 1909 г. отмечалось 50-летие научной деятельности Радлова, министр иностранных дел направил ему поздравительную телеграмму (в архивном деле имеется ее проект, подписанный товарищем министра Н.Чарыковым), в которой говорилось: "Искренне радуюсь, что по званию председателя Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии Вы ближайшим образом связаны с министерством иностранных дел, которое, как я надеюсь, будет еще долго пользоваться Вашим ценным сотрудничеством: изучение исторических судеб великого Азиатского материка и всесторонне научное его обследование являются мощными пособниками русской политики и дают ей возможность избирать наиболее правильные пути для достижения ее насущных задач"³⁵. В 1912 г. тепло поздравил Радлова с 75-летием и следующий министр иностранных дел С.Д.Сазонов.

Сфера деятельности Русского комитета продолжала расширяться. Экспедиции для археологических, лингвистических и этнографических иссле-

дований направлялись в Приамурье и Забайкалье, бассейны рек Оби, Иртыша и Енисея, продолжались раскопки в Северной Монголии и Западном Китае, обследование пещер Дуньхуана, начинались исследования во Внутреннем Китае, Корее, Японии.

На заседании комитета 10 марта 1912 г. было рассмотрено предложение его членов Руднева, Котвича, Щербатского и Попова о финансировании поездки приват-доцента Петербургского университета, будущего выдающегося русского китаевода В.М.Алексеева в Восточный и Южный Китай для сбора материалов о китайских народных религиозных культах. В протоколе заседания записано: "В случае, если комитет найдет возможным одобрить проект командировки, которая явилась бы первым опытом распространения деятельности комитета на Внутренний Китай, мы просили бы об ассигновании г. Алексееву сверх указанной им суммы 1265 рублей, еще 50-100 рублей специально на покупку книг, рукописей и т.п. материалов и равно исходатайствовать бесплатный проезд от С.-Петербурга до Владивостока"³⁶. Комитет определил назначить Алексееву 1350 рублей и уже в декабре заслушал краткий предварительный отчет Алексеева, возвратившего неизрасходованные им 100 рублей комитету, и постановил напечатать отчет в "Известиях" Русского комитета, а приобретенные им книги передать в Музей антропологии и этнографии³⁷.

В 1914 г. в круг деятельности Русского комитета была впервые включена Корея.

Котвич и Штернберг поддержали предложение профессора А.И.Иванова о проведении исследований в Корее, поскольку "научное изучение Кореи в историко-этнографическом, лингвистическом, антропологическом и археологическом отношениях важно не только для общих научных задач по изучению Дальнего Востока, но и для проблем Приамурского края, особенно тесно связанного с Кореей"³⁸. "Вполне пригодным" для командировки в Корею был признан Н.И.Конрад, окончивший в 1912 г. факультет восточных языков Петербургского университета. В мае 1915 г. на заседании комитета было сообщено о получении от Конрада через посредство российского консула в Корее письма о выполненной работе и рукописи с изложением собранных им сведений о населении Кореи, его классовом составе, родовом строе, религиозных верованиях и обрядах³⁹.

В 1914 г. Русский комитет вновь обратился в МИД с ходатайством поддержать его просьбу о назначении для Комитета пособия из средств государственного казначейства в размере 10 тыс. рублей на очередное пятилетие с 1915 г. В проекте письма в Госдуму, подготовленного Департаментом личного состава и хозяйственных дел, МИД признал желательным удовлетворить просьбу комитета "ввиду его полезной деятельности"⁴⁰, что, по-видимому, и было сделано, так как работа комитета в 1915-1916 гг., несмотря на военное время, продолжалась.

Упомянутый проект письма интересен тем, что в нем кратко, на двух страницах, изложены результаты деятельности Русского комитета за 11 лет, которым могли бы позавидовать многие современные научно-исследовательские институты.

Русский комитет предпринял комплексное исследование Самарканда и примыкающего к нему городища домонгольского периода, провел описание и фотографирование быстро разрушавшихся памятников средневековой архитектуры, а также топографические работы и раскопки в окрестностях Самарканда; была открыта древняя обсерватория Улутбека, составлены научные описания построек Тимура и его преемников, сделаны снимки с постройки XI в. Рабати-Мелих в Бухарском ханстве.

В области лингвистики был собран материал по изучению диалектов туркмен, хивинских узбеков, каракалпаков, малоазиатских турков и крымских ногайцев, собраны данные об языке алтайцев и якутов, проведены лингвистические исследования среди монголов, астраханских калмыков и бурят Забайкалья, предприняты работы по изучению маньчжурских и тунгусских наречий.

Лингвистические и этнографические работы Русского комитета были посвящены также изучению быта и диалектов палеазиатов - остатков некогда многочисленных и могущественных племен, впоследствии вытесненных урало-алтайскими народами; исследовались быт и язык айнов на Сахалине и в нижнем течении Амура, енисейских остяков в Туруханском крае.

Проводились экспедиции и изучались памятники буддийской культуры в китайском Туркестане и Западном Китае; были собраны ценные коллекции древностей и древних рукописей, составлялись подробные описания памятников старины, принимались меры к их охране; собранные научные материалы систематизировались и издавались.

В годы первой мировой войны деятельность Русского комитета не прекращалась, хотя крупных экспедиций не предпринималось.

Последнее рабочее заседание комитета состоялось 4 февраля 1917 г. На нем, как это полагалось на первом заседании наступившего года, был заслушан отчет о работе за 1916 г. и сообщено о частном пожертвовании для продолжения работ в Японии барона фон Сталь-Гольдштейна.

После октября 1917 г. деятельность Русского комитета была свернута. Он был передан из ведения Народного комиссариата по иностранным делам в Народный комиссариат просвещения, и попытки возобновить его работу успехом не увенчались. Н.Н. Назирова цитирует в своей книге документ из Архива Академии наук, в котором отмечалось: "Деятельность Комитета существенным образом изменилась, сократились, почти прекратились сношения с западноевропейскими комитетами, стали более трудными исследования в пределах нашей страны и в странах Востока"¹. В мае 1923 г. Русский комитет прекратил свое существование.

Вклад Русского комитета в развитие отечественного востоковедения был весьма значительным. Во главе комитета стояли крупные российские ученые - исследователи и блестящие организаторы научной деятельности, хорошо понимавшие, что собирание, изучение и сохранение для потомков памятников истории и культуры требуют больших затрат интеллектуального труда и материальных средств. Члены комитета экономно, отчитываясь в каждой копейке, расходовали получаемые ими от государства и частных лиц деньги, умело отбирали наиболее талантливую молодежь, помогая ей успешно начать научную карьеру.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении был уникальным научным учреждением. Статус "при МИД России", выделение специальных средств позволили ему получить необходимую для настоящих ученых степень самостоятельности в проведении не только прикладных, но и фундаментальных исследований. Не государственное ведомство бюрократически подчиняло работу ученых своим целям и интересам, а напротив, научное учреждение использовало свою формальную принадлежность к госаппарату для более успешного проведения фундаментальных исследований.

1. Архив внешней политики Российской империи. - Ф. Тихоокеанский стол. - Оп. 487. - Д. 1484. - Л. 163.

2. Там же. - Д. 1483. - Л. 163.
3. Там же. - Л. 9.
4. Там же.
5. Там же. - Л. 2-3.
6. Там же. - Д. 1484. - Л. 23.
7. Там же. - Д. 1484. - Л. 24.
8. Там же.
9. Там же. - Д. 1483. - Л. 39.
10. Там же. - Л. 40.
11. Там же. - Л. 73-76.
12. Там же. - Л. 176.
13. Там же. - Д. 1484. - Л. 30-31.
14. Там же. - Л. 29.
15. Там же. - Л. 36.
16. Там же. - Л. 34.
17. Там же. - Л. 48.
18. Там же. - Л. 47.
19. Там же. - Л. 73.
20. Там же. - Л. 71.
21. Там же. - Л. 79-80.
22. Там же. - Л. 81.
23. Там же. - Д. 1483. - Л. 51-53.
24. Там же. - Л. 48.
25. Там же. - Л. 42.
26. Там же. - Л. 95.
27. Там же. - Л. 96.
28. Там же. - Д. 1484. - Л. 7.
29. Там же. - Л. 13.
30. Там же. - Д. 1483. - Л. 78,
31. Там же. - Л. 72.
32. Там же. - Л. 71-72.
33. Там же. - Д. 1484. - Л. 158-159, 179-180, 217.
34. Там же. - Л. 207.
35. Там же. - Д. 1483. - Л. 88.
36. Там же. - Д. 1484. - Л. 2.
37. Там же. - Л. 6.
38. Там же. - Л. 223.
39. Там же. - Д. 1483. - Л. 114.
40. Там же. - Д. 1484. - Л. 207.
41. Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. - М., 1992. - С. 32.

Религия

Феномен синкретических религий в Китае

© 1997

В.Малявин

К категории синкретических религий в Китае обычно относят те религиозные организации и движения в китайском обществе, которые сознательно и явно ориентируются на соединение, совмещение традиционных религий китайцев — т.е. конфуцианства,¹ буддизма и даосизма — в рамках единого "всеобъемлющего" учения. Такое определение "синкретизма" в религии Китая, бесспорно, остается весьма ограниченным, расплывчатым и на деле не столько облегчает, сколько затрудняет выявление этого феномена духовной жизни китайцев. Действительно, как отличить учение, претендующее на охват и включение в себя всех прочих учений, от этих самых "прочих" учений? Положение осложняется тем, что в силу целого комплекса причин тип "синкретической религии" не получил в Китае — причем не только в старом, но и в современном — официального признания. В итоге синкретические религии и соответствующие им формы религиозных организаций остаются одним из самых загадочных явлений общественной и культурной истории Китая за последние несколько столетий.

Сведения о доктринах и деятельности синкретических религий в Китае столь же скудны, сколь и тенденциозны. Еще и сегодня такие сведения в КНР в большинстве случаев составляют государственную тайну; отсутствует элементарная статистика о численности, ареалах распространения и общественной деятельности синкретических религий. Более того, в Китае никогда не существовало какого-либо нейтрального понятия, обозначающего феномен синкретических религий. В официальной литературе их обычно именовали "порочными учениями" (се цзяо), "крайними учениями" (идуань цзяо) или "нечестивыми учениями" (яо цзяо). Все эти термины носят совершенно очевидную политическую и идеологическую окраску и, по существу, лишены научной ценности. Столь же тенденциозен и принятый в официальной литературе КНР термин "реакционные религиозные организации", которым обозначаются фактически все религиозные общины, непризнанные властями. Естественно, такие объединения обвиняются властями в ведении разного рода "подрывной" деятельности и даже подготовке вооруженных восстаний. Эти обвинения, впрочем, не подкрепляются сколько-нибудь серьезными доказательствами. Но примечательно самое стремление китайских властей

Малявин Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

рассматривать синкретические религии исключительно через призму своих политических интересов.

В китайских источниках еще в ХУП в. встречается термин “тайные учения” (ми цзяо), которые исповедовали некие “нечестивые люди”. Понятие “тайные религии” (мими цзунцзяо) широко употребляется и в нашем столетии китайскими, а отчасти и западными учеными.² Такая характеристика не лишена некоторых оснований, поскольку синкретические религии воплотили в своей доктрине и практике общий для китайской цивилизации принцип “непосредственной” и “сокровенной” передачи высшей истины от наставника к ученику. Тем не менее ни в доктрине этих религий, проповедовавших “всеобщую истину” мира, ни в их деятельности, особенно в рамках местного общества, не было ничего тайного. Кроме того, эти религии обладали рядом черт, отличавших их от собственно тайных обществ, для которых секретность была основополагающим принципом организации.³

Наконец, в последние десятилетия в Гонконге и на Тайване вошел в обиход уже давно принятый в Японии термин “новые религии” (синь цзунцзяо) — не самый, конечно, удачный, но, по крайней мере, идеологически нейтральный. Данный термин приемлем еще и потому, что несет в себе идею религиозного “обновленчества”, свойственную синкретическим религиям. До последнего времени он не пользовался признанием в КНР и только сейчас проникает в китайскую прессу и специальную литературу.

Критерии различения синкретических религий остаются предметом острых споров среди специалистов. Начать с того, что далеко не все так называемые “синкретические религии” обладают полным набором их отличительных признаков. Нередко они почти сливаются с религиозными объединениями, не имеющими собственного культа и выделяющегося лишь некоторыми чертами обрядности. Например, на Тайване и среди китайцев Юго-Восточной Азии при местных храмах часто возникают общины верующих, которые проводят в храме медиумные сеансы и получают от божеств предсказания. Не составляя в полном смысле слова секты и выступая, как правило, ревнителями официальной морали и благочестия, члены подобных групп тем не менее явственно выделяются из массы рядовых прихожан храма. Нередко сектантские религии различались просто по какой-либо необычной черте их обрядности, которая и давала название секте. Известны случаи, когда отличительным признаком секты становился просто секретный характер ее деятельности. Например, секта Юаньдуньцзяо (“Учение о Всеобъемлющем Прозрении”) на рубеже ХУШ-ХІХ вв. была известна в северо-западным областях Китая под именем “Тайное общество” (Цяоцяхой). Порою доктрина секты казалась ее собственным приверженцем настолько ординарной, что секту называли по фамилии ее вожака. Надо иметь в виду, что многие существенные черты синкретической религии встречаются и за пределами сект. Апокалиптические настроения, обостренное переживание собственной греховности и потребность покаяния, вера в чудеса и магию составляли своего рода питательную почву для сектантских движений, благоприятствовавшую появлению организационно оформленных сект.

Но главную проблему представляет сама природа синкретизма в китайской религии, который отличался особой двойственностью: быть одновременно альтернативой традиции, и ее осознанным и в этом смысле законченным выражением. Как же сочетались между собой эти две столь несходных тенденции синкретических религий?

Отметим, что склонность к синкретизму всегда присутствовала в идеологической традиции Китая. С древности китайская мысль была охвачена стремлением к выработке “всеобщей истины” всех учений мира. Все влиятельнейшие

философы древнего Китая от Конфуция до патриархов даосизма Лао-цзы и Чжуан-цзы охотно признавали, что истина не рождается в споре и не задана догматически, но отчасти присутствует в каждом суждении и даже каждом искреннем чувстве; мудрый же потому и мудр, что способен постичь сокровенную "единую основу" всех мнений. Со временем в китайской мысли утвердилась оппозиция "внутреннего постижения" и его внешнего, словесного оформления, которое может меняться в зависимости от обстоятельств. Внутреннему измерению истины, разумеется, отдавался безусловный приоритет. Так, согласно этому ходу мысли, даосские мудрецы выражали "внутренний смысл" учения Конфуция, о котором молчал величайший учитель Китая. Однако же Конфуций был выше даосов именно тем, что молчал о правде мира, ибо сам "воплотил" эту правду в своей жизни.

С распространением в Китае буддизма, столь энергично проповедовавшего идеи изменчивости внешних выражений истины, а также недвойственности прозрения и помрачения, система религиозного синкретизма в Китае приобрела законченный вид. Примечательно, что все китайские школы буддизма исповедовали идеал "законченного постижения" (юань у), "законченного учения" (юань цзяо), содержащего высший синтез всех толкований заветов Будды. В конце концов утвердилось мнение, что буддизм и китайские учения взаимно выявляют свою сокровенную сущность. В свете этого выводом истинным выразителем правды чужеземного святого оказывались именно китайские учителя и наоборот. Логическим исходом такого рода синкретической идеологии было утверждение о том, что истинный смысл "трех учений" Китая надлежит искать вне их. Именно такое заключение и стало отправной точкой собственно "синкретических религий". Но синкретизм последних, как можно видеть, имел уже иной характер. Его можно назвать пост-традиционным в том смысле, что он имеет своей основой рефлекссию о духовных посылках традиции⁴.

В отличие от своего предшественника посттрадиционный синкретизм отрицает символическое измерение канонических основ традиции. Он сводит смысл к идее, принципу, логическому тезису и, как следствие, догматически утверждает тождество понятий и вещей, закрепляет за вещами одно-единственное "правильное" значение; в этом смысле он целиком принадлежит области идеологии, идеологического толкования мира. В нем таинство откровения уступает место секретности сообщения, обращение к духу канона — привязанности к букве. В результате религиозные ценности в религиях нового типа оказались сведенными к деятельности нерелигиозной — этике и особенно политике, а сами эти религии приобрели догматический, сектантски-замкнутый характер. Так посттрадиционные религии стали претендовать на роль alter ego государства. Данное обстоятельство особенно ставилось в вину последователям новых религий. Примечательно, что вожди сектантских религий, вплоть до настоящего времени, присваивали себе императорский титул; многие популярные секты, в частности, Вэньсянцзяо, Сяньтяньдао, Багуацзяо и др., старательно копировали государственную иерархию и даже систему ученых званий в китайской империи.

Двойственность общественного и культурного положения синкретических, или посттрадиционных, религий в позднем императорском Китае обусловила неоднозначность их идейного наследия и практики. Приверженцы таких религий всегда занимали как бы промежуточное положение между монахами и мирянами — обычно они считали себя "монахами в миру". Они копировали — нередко с необыкновенной скрупулезностью — буддийские и даосские институты, обряды и пантеон — но эта вполне благопристойная оболочка оказывалась, в сущности, не более чем маской совершенно особой, иной, альтернативной доктрины. Еще Й. де Гроот отмечал, что в пров. Фуцзянь предводители общин Чжэнькунцзяо и других

оппозиционных сект обычно жили при буддийских храмах, ничем свиду не отличаясь от обыкновенных монахов⁵. Но и в наши дни в КНР время от времени появляются сообщения о “разоблачении” сектантских проповедников, скрывающихся под видом буддийских и даосских монахов. Именно в этом смысле можно говорить о синкретических (посттрадиционных) религиях как религиях “тайных”. Напротив, ни по существу своей доктрины — подлинно универсалистской и обращенной ко всему человечеству, — ни по формам бытования в местном обществе синкретические религии нельзя считать тайными организациями в собственном смысле слова.

Насколько органичным было отмеченное сочетание синкретизма и альтернативности в доктринах синкретических сект — это вопрос для будущих исследователей. Мы можем пока лишь констатировать, что решительно все синкретические религии, появившиеся в Китае за последние столетия, включают в себе эти две родовые черты их традиции. Пафос оппозиционности, альтернативности существующему строю находил свое самое простое и понятное народным массам выражение в буддийской эсхатологии — учении о скорой гибели мира и наступлении эры блаженства для немногих избранных, представленных последователями новой веры.

Еще одна важная черта новых религиозных объединений — мессианизм, вера в сошествие на Землю спасителя человечества, который, конечно, принял облик вождя данной секты. Чаще всего в этом качестве выступал буддийский мессия будда Майтрейя (кит. Милэ) и другие персонажи буддийского пантеона, реже — боги даосизма. Тожество мессии и предводителя секты утверждалось с безапелляционностью и прямотой, свойственным религиям посттрадиционного типа: глава секты считался реальным, непосредственным воплощением мессии именно как физическое лицо; все его распоряжения и действия имели божественный статус.

Синкретизм описанного выше “посттрадиционного” свойства и заведомая, как бы изначально заданная альтернативность вкупе с акцентом на непосредственный контакт с источником божественного авторитета определяют исторический облик интересующих нас религиозных движений. Но этот новаторский, чуть ли не революционный облик имел в то же время и вполне традиционное содержание. Синкретические религии переняли от официальных “трех религий” едва ли не все их существеннейшие, наиболее популярные элементы: из конфуцианства — основные этические нормы и правила поведения, включая культ предков и прочие черты бытовой обрядности; из даосизма — методы психо-соматического совершенствования и космологию; из буддизма — доктрину “законченного прозрения”, медитативную практику, культ бодхисатв и многое другое. Вполне очевидна также преемственность и в религиозном идеале, и в особенностях общинной организации, присущих синкретическим религиям. Не будет преувеличением сказать, что синкретические религии в Китае стали наиболее доступным и эффективным для социальных низов формой усвоения, интериоризации религиозных ценностей. Тот факт, что приобщение простонародья к традиционным ценностям институциональных религий Китая проходило в формах альтернативных и оппозиционных существующему строю, лишний раз напоминает о сложности строения китайской цивилизации на позднем этапе ее истории и в особенности — о разрыве между культурой официальной и элитарной, с одной стороны, и культурой простонародной или локальной — с другой⁶.

Легко видеть, что и оценки синкретических религий в официальной литературе, и политика властей по отношению к этим религиям во многом были обусловлены отмеченной двойственностью посттрадиционного синкретизма в китай-

ской цивилизации. Почему, в самом деле, людей, которые только мирно собирались в своих молебельных домах и стремились совместить свой религиозный идеал с добродетельной жизнью, следовало считать злейшими врагами государства? Правительство не раз было вынуждено признать, что в обрядности сектантов, например, молитвенных собраниях, возжигании благовоний, воздержании от скромной пищи, не было ничего специфически "нечестивого" и вообще дурного. На практике позиция властей часто сводилась к тому, чтобы противопоставить "еретиков-мятежников" (сефэй) тем приверженцам новых религий, которые сохраняли лояльность, а кроме того проводили резкую грань между вождями сект и их рядовыми членами. Рядовые сектанты объявлялись "глупыми" и "темными" людьми, обманутыми их вожаками, — "коварными людьми" (гань минь) — которые на словах учат благочестию, а на деле попирают все нормы нравственности. Эта презумпция не только "секретности", но и принципиальной скрытности, конспиративности новых религий играла особенно зловещую роль во взаимоотношениях синкретических религий и государства, ибо она побуждала подозревать присутствие "нечестивого учения" там и, более того, именно там, где это присутствие было неразличимым.

Прообразом позднейших синкретических религий явилась секта "Байляньцзяо" ("Учение Белого Лотоса), основанная в XI в. буддийским монахом Мао Цзыюанем. Название секты восходит к известному буддийскому учению о трех мировых эрах (кальпах): эре прошлого, или периоде Зеленого Солнца, эре настоящего, или времени Красного Солнца, и эре будущего — эпохе Белого Солнца. Сам основоположник главной ереси последующих столетий при жизни отличался большим благочестием и репрессиям со стороны властей или представителей официального буддизма не подвергался. Байляньцзяо зародилась как одна из многих форм вполне легального секуляризованного буддизма. Ее приверженцы поклонялись владыке рая Чистой Земли, будде Амитабе (кит. Омитофо), принимали обет вегетарианства и носили белые одежды. По-видимому, на первых порах Байляньцзяо испытала сильное влияние манихейства. Ряд свидетельств указывает на то, что до середины XI в. власти еще нечетко отделяли Байляньцзяо от официального буддизма, так что новая община, по крайней мере временами, пользовалась свободой проповеди. Однако позднее, в XV-XVI вв., Байляньцзяо стала самой распространенной формой оппозиционной синкретической религиозности и главной мишенью правительственных инвектив против "нечестивых учений".

Однако критическим рубежом становления синкретической религии как особого религиозного типа и культурной традиции в Китае следует считать XVI - начало XVII вв., т.е. поздний период правления династии Мин. На начало XVI в. приходится деятельность самого известного "ересиарха" Китая — Ло Цина, получившего от своих последователей почетное имя Патриарх Ло (Ло-цзу). Ло Цин был буддистом-мирянином и весьма образованным человеком, издавшим пять собственных сочинений. Книги Ло Цина представляют собой довольно эклектическое сочетание популярных буддийских идей и конфуцианского морализирования. Отыскать в них крамольные мысли нелегко. Как и в случае с Байляньцзяо, понадобилось некоторое время — вероятно, почти столетие — для того, чтобы власти сочли Ло Цина вредным и опасным проповедником, да и это решение было продиктовано не столько содержанием проповедей Ло Цина, сколько изменившейся идеологической ситуацией в китайской империи: гонения на "нечестивые учения" приобрели к XVII в. постоянный и систематический характер.

Последователями Ло Цина были большей частью лодочники, занимавшиеся перевозкой грузов на Императорском канале. Это обстоятельство спо-

собствовало быстрому распространению учения Ло Цина, названному Увэйцзяо (Учение Недеяния) по всему Восточному Китаю. Храмы последователей Патриарха Ло были известны под наименованием “вегетарианские залы” (чжай тан), поскольку Ло Цин требовал от своих приверженцев соблюдения вегетарианской диеты. Главное божество в новой религии имело даосское происхождение: им был Наиподлиннейший Старый предок Изначального Хаоса (Хуньюань чжичжэнь Лао-цзы); в по некоторым сведениям, Ло Цин почитался последователями Увэйцзяо как инкарнация этого божества.

Доктрины Байляньцзяо и Ло Цина составили два основных направления в традиции синкретических религий позднего императорского Китая. Их взаимоотношения пока что не выяснены до конца: одни исследователи вслед за Овермейером находят очевидные и систематические различия между ними, другие, подобно С. Накен, считают эти различия несущественными. (8) В любом случае идеи Байляньцзяо и Ло Цина со временем тесно переплелись в верованиях и деятельности реальных синкретических религий. Тогда же, в период правления династии Мин, сложился и специфический для традиции синкретических сект литературный жанр — баоцзюань (“драгоценный свиток”)⁸.

Третьим важным источником традиции синкретических религий в Китае послужили некоторые элементы даосизма, в первую очередь медитативная практика, или “искусство выделывания внутреннего эликсира” (нэйдань шу), мидумные культы и отчасти эсхатологические мотивы. Определенная категория синкретических религий была отмечена явственной печатью именно даосской традиции. Примером такой религии может служить секта “Учение Желтого Неба” (Хуантяньцзяо), существовавшая в пров. Хэбэй с конца ХУІ в. В этой секте поклонение спасающим буддам сочеталось с методикой внутреннего совершенствования, заимствованной в основном из даосизма. Хуантяньцзяо была объявлена властями “нечестивым учением”, но в отличие от многих других оппозиционных сект “Хуантяньцзяо” никогда не была замешана в открыты́х выступлениях против правительства, и это еще один характерный штрих общественного положения сектанства в старом Китае: находится, как правило, на грани бескомпромиссной борьбы против традиционного строя и все же не переступать эту грань. Примечательно, что и во времена цинской династии власти неоднократно пытались провести грань между “мирными”, или “просвещенными” и “мятежными”, сиречь “дикими” общинами сектантами (отметим смешение политических и культурных оценок в подобных определениях).

Итак, в ХУІ-ХУІІвв. сложились основные догматы синкретических сект традиционного типа, характерные для синкретических религий пантеон божеств и литературные жанры. Формирование традиции синкретических сект, а заодно начало правительственных репрессий против нее совпали с тем периодом истории Китая, когда развитие китайской цивилизации достигло завершающей фазы и традиция сама оказалась предметом рефлексии. Вновь открытая критическая отстраненность от традиции делала отношение человека к прошлому принципиально неопределенным. Учения синкретических сект были выражением этой неопределенности: его исторической почвой явилось разложение традиционного уклада и вместе с тем стремление воспроизвести последний в новых формах.

В цинский период оппозиционные формы синкретических религий в Китае были связаны, главным образом, с наследием Ло Цина. Одной из самых влиятельных ветвей учения Ло Цина стала секта Хунъянцзяо (“Учение Красного Солнца”) или, согласно более развернутому названию, Хуньюань Хунъянцзяо (“Учение Красного Солнца Хаотического Начала”). Хунъянцзяо было основано, как считается, в 1594 г. монахом-проповедником по имени Пяогоа и

впоследствии распространилось по всему Северному и Центральному Китаю. Приверженцы Хунъянцзяо поклонялись божеству явно даосского происхождения — Старому Предку Хаотического Начала, а также классическому верховному божеству сектантов — Нерожденной Праматери. Деятельность Хунъянцзяо прослеживается до середины XIX в.

В Восточном Китае с XVII в. существовала ветвь религии Патриарха Ло, получившая название Вэньсянцзяо (“Учение Обоняния благовоний”). Она известна также под именами Дачэнцзяо (“Учение Большой Колесницы”), Дачэнхунтунцзяо (“Учение Большой Колесницы и Всеобщего Проникновения”), Шаньюхой (“Собрание товарищей по благимдеяниям”) и др. С конца XVII в. многочисленные общины последователей Дачэнцзяо существовали в Юго-Западном Китае, где их центром являлись некоторые храмы на священной для буддистов горе Цицзушань в пров. Юньнань. Эта секта продолжала активно действовать до конца XVIII столетия.

С конца XVIII в. Вэньсянцзяо трансформировалось в секту Цинчамэнь (“Община Чистого Чаю”. В XIX в. в Восточном Китае появились новые родственные ей синкретические религии: Цинкунцзяо (“Учение Покоя и Пустоты”), Хуаньюаньцзяо (“Учение о Возвращении к Истоку”), Шоуюаньцзяо (“Учение о Возврате к Изначальному”), Юаньдуньцзяо (“Учение о Всеобъемлющем Прозрении”), Дафоцзяо (“Учение Великого Будды”), Циньчуанцзяо (“Учение Золотого Стяга”), она же Цзиньтанцзяо (“Учение Золотого Зала”) и проч.

С XVIII в. вследствие ужесточения правительственных репрессий последователи Патриарха Ло в южном Китае приняли новые наименования для своей религии, как-то: Ицзыцзяо (“Учение Одного Знака”), Лаогуаньчжайцзяо (“Вегетаианское Учение Почтенных Старшин”), Лунхуацзяо (“Учение Драконьего Цветка”) и некоторые другие. Название “чжайцзяо” (вегетарианское учения) стало со временем наиболее употребительным для обозначения сект, принадлежавших традиции Ло Цина. Их отличительной чертой стало соблюдение вегетарианской диеты и принятие других монашеских обетов мирянами-членами секты. Среди произведений сектантской литературы наибольшей популярностью в этой группе сект пользовалась “Сутра Драконьего Цветка”, изображавшее грядущее блаженство как совместное вегетарианское пиршество последователей новых религий на небесах. Что же касается термина “Почтенные Старшины” (лаогуань) он стал распространенным самоназванием членов сектантских общин. Примером этой разновидности синкретических сект может служить секта Чаншэнцзяо (“Учение о Вечной Жизни”), существовавшая в XIX в. в пров. Чжэцзян.

В столичной области секта, возводившая свою родословную к Патриарху Ло, носила название Лунтяньцзяо (“Учение Драконьих Небес”). Особенность ее заключалась в том, что во главе секты из поколения в поколение стояли женщины, носившие фамилию Лю. Доктрина Лунтяньцзяо была пронизана миллениаристскими мотивами и фактически освящала насильственное ниспровержение существующей власти. Лунтяньцзяо просуществовала, по видимому, до середины XIX в.

В XVIII-XIX вв. общины последователей Ло Цина в ряде областей называли “Общины рисовых лепешек” (Цыбахой), поскольку их члены имели обычай по ночам подносить Будде рисовые лепешки.

С конца XVIII в. в Северном Китае широко распространились секты, учения которых представляли собой по преимуществу секуляризированные формы даосизма, вобравшие в себя наиболее популярные мотивы и образы сектантской традиции Ло Цина. Одной из самых ранних общин такого рода стала секта Ичжусяндао (“Учение Одной Благовоющей Палочки”), основанная в середине XVII в.

в пров. Шаньдун. даосским проповедником Дун Сьхаем по прозвищу Дун-Небожитель. Предводители секты и позднее по традиции называли себя “даосами”, хотя они не принадлежали к кругу официальных даосских священников и монахов. Главной отличительной чертой обрядности этой секты было поклонение божествам посредством лишь одной благовонной палочки.

Несколько позднее постдаосские (употребляем этот термин по аналогии с понятием “посттрадиционные”) религии Северного Китая преобразились в целую группу сект, доктрина которых именовалась Багуацзяо (“Учение Восьми Триграмм”). Багуацзяо имела восемь отделений, соответствовавших восьми триграммам — главным графическим символам “И цзин”. Вообще вся организационная структура Багуацзяо и сам процесс духовного подвижничества последователей этой секты зиждились на принципах космологии, изложенных в этой древнейшей мантической книге Китая. Вожди секты носили фамилию Лю. На рубеже ХУШ-ХІХ вв. Багуацзяо была известна также под наименованием Циншуйцзяо (“Учение Чистой Воды”). Впоследствии Багуацзяо послужила источником для целого ряда синкретических религий, распространенных в Северном Китае: Тяньлицзяо (“Учение Небесной Истины”), Сяньтяньцзяо (“Учение Прежнего Неба”), Шэнсяньцзяо (“Учение Мудрых и Достойных”), Цюгундао (“Путь Девяти Даорцов”) и др.

Еще одна группа синкретических сект, доктрина которых представляла собой смешение даосских идей и наследия Патриарха Ло, сложилась вокруг учения, носившего название Сяньтянь дао (“Путь Прежнего Неба”). По преданию, традиция Сяньтяньдао восходила к секте Цзиньдандяо (“Путь Золотого Эликсира”): существовавшей еще в ХУІ в. В начале ХІХ в. 13-й патриарх этой традиции был предводителем многочисленной и действовавшей почти по всему Китаю секты Цинляньцзяо (“Учение Зеленого Лотоса”). Организационная структура Цинляньцзяо имитировала традиционные космологические схемы даосизма и включала в себя пять “внутренних” и десять “внешних” отделений, отождествлявшихся с мировыми стихиями и духовными качествами. Центральный храм секты, находившийся в пров. Хубэй, считался земным прообразом центра небесной сферы. Во второй половине ХІХ в. Цинляньцзяо, она же Сяньтяньдао, дала жизнь целому ряду сект, в том числе Игуаньдао (“Путь Всепроницающего Единства”), Гуйгэньмэнь (“Община Возвращения к Корню”), Туншаньшэ (“Общество Единения в добре”), Пудумэнь (“Община Всеобщего Спасения”), сыгравших видную роль в истории синкретических религий ХХ в¹⁰.

Современная постбуддийская секта: Чжэнькунцзяо

Секта Чжэнькунцзяо (Учение об Истинной Пустоте) была основана в пров. Цзянси Люо Дипинем (1827-1893), который известен в секте под именем Первоучителя Истинной Пустоты (Чжэнькун цзуши). В молодости Люо Дипинь получил неплохое образование, затем некоторое время занимался торговлей, а в возрасте 30 лет стал буддийским послушником и через своего духовного наставника познакомился с сочинениями буддийского ересиарха Лю Цина. За несколько лет монашеской жизни Люо Дипинь приобрел в округе славу праведника, чьи духовные заслуги позволяют ему исцелять все болезни. Местные жители стали тысячами приходить к нему на поклонение в надежде немедленно исцелиться от своих недугов. Люо Дипинь брал с них плату за свои услуги врача-целителя и ясновидца: три меры риса, 60 монет и одну курицу. В 1862 г. он пережил “окончательное” просветление, открывшее ему, что он должен порвать с официальным буддизмом и проповедовать в миру, чтобы “принести спасение всем живым существам”. Он начал учить, в частности, что те, кто пойдут

за ним, перестанут курить опиум и избавятся от всех хворей и напастей благодаря тому, что “с искренним сердцем будут поклоняться богам предадутся медитации о пустоте”.

За двадцати с лишним дней к Ляо Дипиню примкнуло, по преданию, “более десяти тысяч человек”. Его арестовали на четыре месяца, потом выпустили на свободу, после чего он в течение тридцати лет продолжал проповедовать в своем родном городке в Цзянси. В 1892 г. проповедника снова посадили в тюрьму, где он в скором времени, как верят его приверженцы, “достиг пустоты”, сам предсказав свою кончину.

Учение Ляо Дипиня представляло собой типичное для старых синкретических сект смешение идей при преобладании буддийских мотивов. В главных сочинениях Чжэнькунцзяо - “Баоцзюане, сообщающем об Истинной Пустоте”, “Каноническом свитке о заглавной истине”, “Каноническом свитке о трех учениях” и проч. - имеется много заимствований из учения Ло Цина о медитации и вегетарианских собраниях, эсхатологической доктрины Белого Лотоса, чань-буддийского учения о “прямой передаче истины”, классической сектантской сутры “Лунхуацзин” с ее проповедью “раскрытия сознания”, конфуцианских канонов из Четырехкнижия, литературы даосской школы Небесных Наставников, располагавшейся неподалеку на горе Лунхушань и других даосских сочинений. Ляо Дипинь сознательно создавал свое учение как завершающее и всеобъемлющее слово “общей мудрости” всех святых и праведных людей в мире. Он утверждал, что “все три учения изначально — одна семья”. Самое понятие “Истинная Пустота” было заимствовано Ляо Дипинем из баоцзюаней Ло Цина. Со временем Чжэнькунцзяо впитало и некоторые элементы христианства, причислив Иисуса Христа к кругу высочайших праведников своей религии.

Космология Чжэнькунцзяо воспроизводит общие положения всей китайской традиции. Первоисток всего сущего, согласно Ляо Дипиню, — это “Истинная Пустота”, которая представляет собой также “единое дыхание” (“единую энергию”) мира, “изначальный облик” (выражение, взятое из чаньской литературы) всех вещей или “вечно-отсутствующее” (термин даосского происхождения). Оно же есть Единое (и) и Беспредельное (у цзи). Цель духовного совершенствования и смысл спасения заключаются — в том, чтобы “вернуться к основе, возвратиться к истоку, прийти назад к Единому и к Пустоте” или, согласно другой популярной формуле, “возвратиться в родную деревню Истинной Пустоты”. Вождь секты есть не что иное, как “превращение” (инкарнация) Беспредельного, каковое “превращается без конца и без предела и озаряет все сущее божественным светом”.

Основы вероучения Ляо Дипиня изложены в так называемых “пяти возвращениях” и “четыре видах помыслов”. “Пять возвращений” Чжэнькунцзяо суть следующие:

1. “Возвращение к опоре: сознание едино с Дао и ни на мгновение не отходит от него”.
2. “Возвращение к срединности: никуда не отклоняться, не иметь слишком много и не иметь недостаточно”.
3. “Возвращение к прямоте: очищай сознание, люби себя, стяжай в себе свет”.
4. “Возвращение к единому: прежде Неба и Земли существует Единое, и оно предшествует появлению всех вещей”.
5. “Возвращение к пустоте: великая истинная пустота — тело Беспредельного; не действует, ничего не имеет, а само собой свершается”, а также: “пустота - это наша природа, наша природа — это пустота”.

“Четыре вида помыслов” формулируются следующим образом:

1. “Помысли об истинном”.
2. “Помысли о прямом”.
3. “Помысли о воле”.
4. “Помысли о пожертвовании”.

Принципы учения об “Истинной Пустоте” выражены Ляо Дипинем и в виде своеобразного ребуса. Последний представляет собой стилизованное под круг или сферу изображение иероглифа “пустота”, в который вписан знак “середина”. Данный рисунок, таким образом, иллюстрирует идею Ляо Дипиня о том, что весь мир и самое Великое Дао “начинаются в пустоте”. В центр иероглифа “середина” вписаны два концентрических круга. Надпись во внутреннем круге гласит: “В одной пылинке — вся духовная сила”, что, согласно доктрине Чжэнькунцзяо, указывает на полное взаимопроникновение “природы” и “пустоты”; познание этого принципа, согласно Ляо Дипиню, есть смысл “внутренней работы”, т.е. медитации, в Чжэнькунцзяо.

Надпись во внешнем круге гласит: “божественный свет озаряет все сущее”, и разъясняет она смысл “внешнего подвижничества” в секте: “быть искренним в деяниях, излучать божественный свет, озарять путь всем живым существам в мире”. Над этими двумя кругами помещен иероглиф “прямой”, что означает: “если мое сердце прямо, то и сердце Неба и Земли тоже прямо”.

Надписи же по периметру знака “середина” гласят: “одна дхарма объемлет несчетное число дхарм”, “одна истина рассекает десять тысяч мнений”, “Путь Пустоты растекается повсюду”, “небесный принцип следует неизменно”, “не имеет уклонов, не имеет пристрастий”, “не увеличивается и не уменьшается”.

Описанный ребус “истинной пустоты” является частью более обширной диаграммы, именуемой “картой трех учений” (см. рис.).

Графема пустоты располагается в правом верхнем углу схемы, символизируя тем самым начало, исток всего сущего. Процесс космогенеза изображен цепочкой графических символов, уходящих от нее вниз. На втором месте стоит символ “изначальной энергии” мироздания, выходящей из пустоты, на третьем месте стоит эмблема сил инь и ян, на четвертом — символы Неба (кружок) и Земли (ромб), на пятом — принципы духовного совершенствования “трех учений” Китая: “природный свет”, реальность Будды — Татхагата и “Настоящий человек” — реальность человеческого бытия в даосизме. Ниже, под шестым номером, располагается мир множественного, преходящего и вызывающего страдания. Под номером семь значится путь “Истинной Пустоты”, спасающего от страданий. Круг со вписанными в него тремя окружностями-лепестками, который находится на восьмой позиции, обозначает три начала мироздания — Небо, Земля, Человек — и “три сокровища”, принадлежащие каждому из трех начал: солнце, луну и звезды на небе, воду, почву и камни на земле, семя, энергию и дух в человеке. На девятой позиции располагается эмблема добродетельной жизни, согласно предписаниям Чжэнькунцзяо: она представляет собой три концентрических круга, в каждый из которых вписаны по девять маленьких кружочков, символизирующих “пять возвращений” и “четыре вида помыслов”. Внешний круг относится к “внешнему подвижничеству”, т.е. поведению в обществе, внутренний — к подвижничеству внутреннему, а двойной кружок в центре обозначает присутствие “Истинной Пустоты” в человеческом сознании. Этот кружок соединен прямыми линиями с аналогичным кружком, располагающимся слева от круга и символизирующим Беспредельное. Наконец, эмблема под номером 9 обозначает распространение уче-

ния об Истинной Пустоте в мире. Предписания секты по этому поводу гласят: "когда истина распространяется изнутри наружу, один передает десяти, десять передают ста, сто передает тысяче, тысяча передает десяти тысячам: один корень распространяется на десять тысяч ветвей. Когда истина распространяется снаружи вовнутрь, десять тысяч выбирают тысячу, тысяча выбирает сто, сто выбирает десять, десять выбирают одного; десять тысяч ветвей возвращаются к одному корню" (Лю Сянлин, 1962, с.48). Предполагалось, что данная диаграмма являла наглядный образ единения традиционных религий Китая, единство которых обосновывалось, по Лю Дипиню, проповедуемой им идеей пустоты.

В конце жизни Лю Дипинь создал еще две канонические диаграммы своего учения. Одна из них, так называемая "Карта Знака Пустоты", иллюстрировала принадлежность прошлого, настоящего и будущего, а также всего сущего в мире пустоте. Другая диаграмма, "Карта Небытия и Пустоты", устанавливала нераздельность даосского понятия вечнотсутствующей реальности (у) и пустоты.

Учение Лю Дипиня включало в себя множество этических предписаний и запретов, относящихся к повседневной жизни и бытовому поведению, однако все эти правила не выходили за рамки традиционного свода моральных норм, принятых в "вегетарианских" сектах и, шире, в китайском обществе в целом.

Основу жизненного регламента последователей Чжэнькунцзяо составляют так называемые "Десять заповедей", изданных в 1931 г. Эти заповеди Чжэнькунцзяо включали в себя, помимо обычных запретов распутничать, жить в роскоши, курить опиум, разбойничать, употреблять бранные слова и т.п., также запрет поклоняться каким-либо идолам и вообще антропоморфным изображениям божеств. Другой отличительной чертой обрядности Чжэнькунцзяо был отказ от всяких заклинаний и талисманов. Особое значение придавалось заветанному Лю Дипинем способу сидячей медитации, который именовался "медитацией недежня" (узэй цзинцзо). Практика медитации считается в Чжэнькунцзяо панацеей от всех недугов и единственным путем "возвращения к пустоте". Впрочем, отказ последователей Чжэнькунцзяо от почитания образов богов не помешал преемникам Лю Дипиня регулярно встречаться с основателем секты во сне или в состоянии транса и даже воочию созерцать "родную деревню пустоты", которая представлялась им в виде "дворца необъятных размеров".

Столь же традиционной была и обрядность секты, которая включала в себя совместные поклонения Истинной Пустоте в специальных храмах, вегетарианские пириества, декламацию баоцзюаней секты, возжигание благовоний и, конечно, особые способы сидячей медитации как высшей формы благочестия. Церемониал приема новых членов был не менее традиционен: имя новообращенного вписывалось в реестр членов секты, после чего новый член общины делал ее главе небольшое подношение в память о подношениях первых приверженцев секты ее первоучителю. Затем новичка обучали эзотерическим формулам секты и практике сидячей медитации.

Еще при жизни Лю Дипинь стал объектом поклонения со стороны его последователей как живое воплощение Истинной Пустоты. Дело Лю Дипиня после его смерти продолжили три его ближайших ученика, которые уже через год построили на родине первоучителя первый малельный дом секты — так называемый Зал Праведности (дао тан). Главными реликвиями храма стали описанные выше четыре канонические диаграммы Истинной Пустоты.

В последующее десятилетие учение Лю Дипиня распространилось и на соседние области, причем деятельность приверженцев секты оказалась

тесно связанной с местными школами кулачного искусства. Последнее обстоятельство еще более усилило враждебность провинциальных властей по отношению к новой религии. В начале XX в. несколько храмов секты были сожжены по приказу местной администрации. После 1911 г. правительственные гонения на Чжэнькунцзяо прекратились, и ряды сектантов стали стремительно увеличиваться. Популярность Чжэнькунцзяо росла особенно быстро темипами с середины 20-х годов, когда был заново отстроен главный храм секты и модернизирована ее организационная структура. К 1937 г. на территории Китая уже действовало более 200 храмов Чжэнькунцзяо в том числе 85 храмов в Цзянси, 28 в Фуцзяни, 23 в Цзянсу, 22 в Гуандуне, 20 в Хубэе. В остальных провинциях насчитывалось лишь несколько храмов Чжэнькунцзяо. Численность последователей Чжэнькунцзяо в то время достигала, по самым скромным оценкам, миллиона и более человек.¹¹

После победы коммунистов деятельность Чжэнькунцзяо оказалась, разумеется, под строгим запретом. Какие-либо сведения о положении секты в КНР в нашем распоряжении отсутствуют. Зато за пределами КНР секта продолжала расширять свое влияние. По данным руководства секты, в середине 70-х годов в странах Юго-Восточной Азии насчитывалось 182 храма Чжэнькунцзяо, в том числе в Сингапуре — 36, в Малайзии — 35, в Таиланде — 10, в Индонезии — 7. Главный храм секты для региона Юго-Восточной Азии находился в Сингапуре и носил название “Общий Праведный зал Небесной божественности Учения Истинной Пустоты для Южных морей”. Последователи Чжэнькунцзяо на Тайване и в Гонконге тоже имели свои региональные организации. Общая численность членов секты или, как они называют друг друга, “друзей по праведности” (дао ю) - в то время, по сведениям руководства Чжэнькунцзяо, превышала 150 тыс. чел.¹²

В позднимператорском Китае существовали также синкретические религии, которые оставались лояльными существующей власти. Эти религии создавались представителями ученого сословия, и видное место в них занимала традиционная конфуцинская мораль. В основе их доктрины лежала идея единения и даже тождества “человеческого сердца и небесного принципа”. Примером секты подобного рода могут служить секта Саньцзяо (“Учение о единстве трех религий”).

Основатель секты Саньцзяо Линь Чжаоэнь родился в 1517 г. в уезде Путянь, провинции Фуцзянь. Выходец из богатой семьи, Линь Чжаоэнь получил классическое конфуцианское образование, но отказался от карьеры чиновника и посвятил свою жизнь духовному совершенствованию, имея наставников и среди конфуцианских ученых, и среди буддистов и даосов. По преданию, в возрасте тридцати лет он “начал говорить о единой истине трех учений”, а с тридцати пяти лет проповедовал собственное учение, в котором этические нормы конфуцианства подкреплялись оригинальным истолкованием буддийской доктрины “высшего прозрения” и даосской практикой “внутреннего совершенствования”. Линь Чжаоэнь прославился своим аскетическим образом жизни: он соблюдал обет безбрачия, одевался в грубое рубище, всегда ходил босиком, спал на голых камнях, купался зимой в ледяной воде. Он также был известен своей благотворительной и целительской деятельностью, не будучи официально монахом, служил молебны и исполнял заупокойные службы. Линь Чжаоэнь утверждал, что его учителя открыли ему “тайный смысл” всех трех учений Китая, и смысл этот заключался в “утокоении сознания”. Подобно основоположникам всех синкретических сект Китая, Линь Чжаоэнь сводил религию к ме-

дитативной практике, дававшей одновременно и “прямое постижение” духовной реальности, и моральное знание.

“Единая истина трех учений”, проповедуемая Линь Чжаоэнем, была в равной мере мистической и социальной.

Ядром учения Линь Чжаоэня является его оригинальная доктрина духовного совершенствования из девяти ступеней, объединенных в три этапа: первый этап — “закладывание основы”, и он означает усвоение принципов конфуцианской морали; второй этап — “вступление в школу”, означающий постижение принципов даосской медитации; третий этап — “достижение образца”, т.е. достижение “пределной просветленности” сознания.

После смерти Линь Чжаоэня в 1598 г. его последователи создали религиозную общину, в которой главным объектом поклонения стал сам Линь Чжаоэнь и самые чтимые мудрецы трех религий Китая. В середине XVII в. общины последователей Линь Чжаоэня существовали по всему юго-восточному Китаю от нижнего течения Янцзы до побережья Фуцзяни. Однако о дальнейшей истории религии Линь Чжаоэня почти ничего не известно. Однако и сегодня на родине Линь Чжаоэня — в уездах Путянь и Сянью провинции Фуцзянь — имеется многочисленная община (численностью в несколько сотен тысяч человек) адептов Саньцзяо.

Обследования, проведенные китайскими учеными, показывают, что современные последователи Саньцзяо в массе своей плохо осведомлены об учении Линь Чжаоэня. Их принадлежность к секте удостоверяется выполнением предписанных правил поведения и убеждением в “истинности” своей веры. Те же опросы показывают, что большинство адептов Саньцзяо, особенно пожилых, вступили в секту в надежде сберечь здоровье и бодрость. Эти люди с особенным усердием практикуют “совершенствование в девять ступеней”. Немало сектантов состоят в общине Саньцзяо благодаря семейной традиции. Именно из числа таких людей выходят руководители общин и наиболее ревностные проповедники Саньцзяо. Значительная часть сектантов примкнула к религии Линь Чжаоэня вследствие ее “добрых” нравственных установлений. Накоонец, в Саньцзяо нередко обращаются из желания получить защиту и покровительство богов.

Общины Саньцзяо открыты для всех желающих, если только они имеют “постоянное занятие” и не снискали в округе дурной репутации. Для вступления в общину необходима рекомендация по крайней мере одного из ее членов. Новобращенный должен подать руководителю общины специальное прошение, которое сжигается — т.е. “посылается богам” — во время церемонии приема в общину. Вот образец такого прошения:

“Прошу уважаемых членов Саньцзяо рассмотреть эту нижайшую просьбу: Согласно заветам Конфуция, передававшимся от сердца к сердцу, каждый свой день нужно жить по “трем основам” и “пяти постоянствам”¹¹, в каждом деле следовать сыновней почтительности и братской любви. Служба, земледелие, ремесло и торговля — постоянные занятия. Нужно совершенствоваться в них в своем доме и вершить их по всему Поднебесному миру. Такова наука “прозрения сути и извлечения практической пользы”. Различия же между справедливостью и выгодой нельзя не представлять себе ясно, от пучины злодейства нельзя не отворачиваться решительно, крепкую волю в себе нельзя не пестовать. Следовать “основам” и “постоянствам” — важнейшее дело в жизни, а в пороках и бесчестии нельзя не раскаиваться. Если я отрекусь от “опор” и “постоянств”, не буду преданным и почтительным к старшим, не буду ни служащим, ни земле-

дельцем, ни растеровым, ни торговцем и сам не буду знать раскаяния, то как сей преступник осмелится пребывать в нашей святой общине?

Ясные установления, преподанные всем между Небом и Землей должно чтить и хранить. Наставления, воспринятые сердцем, должно усердно претворять в жизнь. И даже самым близким людям в собственной семье нельзя смеять высказывать свое несогласие с ними.

Имею одно желание для себя: каждый день искать свои прегрешения и горько каяться в них.

Имею одно желание: каждый день вкушать "очищающую пищу".

Воскурив благовония и отбивая бесчисленные поклоны, почтительно подношу".

Процитированное прошение предназначено (как свидетельствует ссылка на Конфуция) для принятия новообращенного в члены общины низшей ступени — "закладывания основы". Оно называется "малым прошением".

В обрядности Саньцзяо наибольшее значение имеют три правила: во-первых, последователь Саньцзяо каждый день перед началом трапезы должен трижды откушать вареный рис и в это время оценить свои поступки, совершенные вчера; во-вторых, в храме дозволяется вкушать и подносить божествам только постную пищу; в-третьих, строго запрещается открывать непосвященным технику сидячей медитации. В повседневной жизни члены секты должны соблюдать "шесть запретов", которые в разных общинах толкуются по-разному. В одних случаях "шесть запретов" трактуются как запрещение "суесловия", "жадности", "разбоя", "распутства", "лицемерия" и "нечестивых мыслей", в других — как запреты "лишать жизни", "не быть почтительным", "быть алчным", "играть в азартные игры", "совершать безрассудные поступки", "враждовать с соседями". Впрочем, многие сектанты полагают, что помимо трех главных правил обрядовой жизни законы жизни секты совпадают со всякими добрыми обычаями и правилами.

Современные храмы Саньцзяо по виду не отличаются от прочих местных храмов. Над алтарем напротив входа в молельный зал висят изображения "Трех Почтенных": Линь Чжаоэня (в центре), а слева и справа от него помещаются портреты двух близких сподвижников Линь Чжаоэня. Иногда над алтарем висят образы пяти главных божеств Саньцзяо.

В храмах Саньцзяо нередко помещаются также изображения будды Майтреи и буддийских "стражей закона", что можно расценить как уступку народной религии. Есть в пантеоне Саньцзяо и весьма необычный персонаж — обожествленный конфуцианский ученый-нонконформист Хэ Синьинь, современник Линь Чжаоэня. В некоторых храмах портреты заменяются статуями; изредка встречается специфическое для Саньцзяо скульптурное изображение, совмещающее в одной статуе всю триаду высших божеств секты.

По традиции в секте имелся предводитель, надзиравший за деятельностью всех храмов. Однако в настоящее время должность главы секты пустует. Религиозная жизнь в Саньцзяо полностью сосредоточена в рамках храмовых общин. В каждом храме имеются общий глава общины и распорядитель церемоний, имеющие под своим началом несколько помощников. В уезде Сяню руководство храмами устроено сложнее: здесь имеются должности "главы учения" (главного администратора), попечителя по вопросам веры, церемониймейстера и целый штат исполнителей.

В храмах Саньцзяо ежедневно проводятся занятия медитацией, поклонения божествам, декламация канонической книги секты. Непременным атрибутом храма Саньцзяо является алтарь, предназначенный для

“общего поклонения почитаемым существам всех народов и времен”. Подношения божествам ограничиваются специально приготовленным зеленым чаем, которому по окончании поклонения приписывают свойство излечивать от болезней.

Вождям Саньцзяо удалось сделать то, чего пока не смогли добиться прочие синкретические секты Китая: местная администрация если и не предоставила Саньцзяо полную свободу деятельности то, по крайней мере, признала право этой религии на существование. Более того, уездные власти в Путяни и Сянью нередко стремятся опереться на организационную структуру Саньцзяо для достижения своих политических целей. В 1987 г. был создан административный комитет по руководству общественной деятельностью Саньцзяо.

Саньцзяо являет собой пример локальной синкретической религии, поддерживающей самосознание особой этно-земляческой группы китайцев — в данном случае жителей уездов Путянь и Сянью в Фуцзяни, говорящих на диалекте Синхуа¹³.

(Окончание следует)

1. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают конфуцианство идеологической системой функционально тождественной религии.
2. В китайской литературе понятие “тайные религии” было популяризировано проф. Ли Шиюем. См. Ли Шиюй. Сяньцзай хуабэй мими цзунцзяо. (Современные тайные религии в Северном Китае). Тайбэй, 1974. См. Также: Пу Вэньци. Чжунго миньцзянь цзунцзяо (Тайные народные религии в Китае). Ханчжоу, 1992. Понятием “тайные религии” широко пользовались и западные миссионеры, работавшие одновременно с Ли Шиюем, в 40-х годах XX в.
3. См. T.H. Barrett. Chinese Sectarian Religion. — “Modern Asian Studies”, vol.12. 1978. P. 5-7.
4. В.В.Малявин. Синкретические религии в Китае в XX в.: традиционное и посттрадиционное. — Религии мира. 1987. М., 1989. V.V. Малявин (Малявин). Чжунго миньцзянь цзунцзяо таои (К вопросу о народных религиях Китая). — “Шицзе цзунцзяо яньцзю”, 1994, 1. С.122-124.
5. Groot J.J.M. de. Sectarianism and Religious Persecution in China. vols.1. Amsterdam, 1903. P.301.
6. М.В.Крюков, В.В.Малявин, М.В.Софронов. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987., С.162-164.
7. Ма Сиша, Хань Бинфан. Чжунго миньцзянь цзунцзяо ши (История народной религии в Китае). Шанхай, 1992., С. 386 и сл.; Ван Чжаосян. Байляньцзяо тань ао (Исследования по Байляньцзяо). Сиань, 1993.
8. S.Naquin. The Transmission of White Lotus Sectarianism in Late Imperial China. — Popular Culture in Late Imperial China. Ed. D. Johnson. Berkeley-London, 1985. P. 425 и сл.
9. О жанре “баоцзюань” в отечественной литературе см.: Стулова Э.С. Проблема изучения жанра баоцзюань. — Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969; Поршнева Е.Б. Религиозные движения позднесредневекового Китая. М., 1991, С.123-152.
10. Ма Сиша, Хань Бинфан, ук.соч. С. 1165, passim.
11. Наиболее подробное описание доктрины и истории Чжэнькунцзяо содержится в монографии проф. Ло Сянлина. Ло Сянлин. Люсин юй гань минь ао цзи малайсия чжи Чжэнькунцзяо (Учение Чжэнькунцзяо, распространившиеся в Цзянси, Фуцзяни и Гуандуне, а также Малайзии). Гонконг, 1962.
12. Чжэнькунцзяо (Чжэнькунцзяо). Тайбэй, 1977. С. 63, 67.
13. Ма Сиша, Хань Бинфан, ук.соч. С. 719-801. Использованы также устные сообщения и неопубликованные материалы тех же авторов.

Философия

Международный коллоквиум в Торонто "Будущее китайской мысли"

© 1997

А. Ломанов

25-27 октября 1996 года в Виктория Колледже Университета Торонто (Канада) прошел международный коллоквиум "Будущее китайской мысли". В нем приняло участие более тридцати ученых из Канады, США, Тайваня, Гонконга и России.

При открытии коллоквиума выступили с приветствиями президент Университета Виктория Рунте и бывший президент Академии гуманитарных и общественных наук Королевского общества Канады профессор Р.Крэйг Браун. Р.Рунте заметила, что в конце XX века динамика развития естественных наук столь велика, что основной сферой непознанного остается человеческий дух, выражаемый в культурах различных этнических традиций.

Отметим, что специфика современного канадского общества, ориентирующегося на сохранение и развитие "мультикультурности", а не на слияние различных культур в пресловутом американском "плавильном котле", обусловила присутствие на конференции многочисленной китайской аудитории, сохраняющей свою лингвистическую и культурную традицию, при этом весьма озабоченной темой будущего китайской мысли. Китайцы составляют уже более 10% процентов населения канадской метрополии и их общее количество как в огромном чайна-тауне в центре города, так в новообразовавшихся поселениях в пригородах города уже перевалило за 300 тысяч человек. Проведение подобной конференции в Торонто было не только чисто академическим научным собранием, но и своеобразным отражением озабоченности местного китайского сообщества будущим своей культуры.

Коллоквиум начался с докладов видных исследователей китайской философии Ду Вэймина (Гарвардский ун-т, США), Шэнь Цинсуна (Vincent Shen, Университет Чжэнчжи, Тайвань) и Мэри Эвлин Такер (Ун-т Бакнелл, США). Выступление профессора Ду Вэймина было посвящено проблемам формирования нового конфуцианского гуманизма в ситуации постмодернистского вызова. Было подчеркнуто, что хотя в китайской традиционной мысли нет многих понятий, фундаментальных для иудео-христианской традиции (индивид, права человека, антиавтократические механизмы и т.д.), китайская

культура способна дать новые ответы на вопросы современного западного постмодернизма. Китайская мысль может помочь реализовать новое понятие о личности, характеризующееся открытым творческим характером и способностью преодоления эгоизма в практических поступках, осуществить идею национального единства в русле гуманизма без насилия. По мысли Ду Вэймина, китайская мысль, основывающаяся на трансцендентальной идее "единства Неба и человека", способна помочь людям двигаться к глобальному сообществу без пренебрежения к локальным культурам, выходя за пределы "экслюзивных дихотомий" в направлении воплощающего и всеохватывающего мышления. Шэнь Цинсун посвятил свой доклад философской теме оптимальной гармонии в конфуцианстве и даосизме. По его мнению главная проблема современной мировой философии состоит в изменении видения онтологии - если в начале нашего столетия онтология субстанции Аристотеля была заменена онтологией события (Уайтхед, Хайдеггер), то в наши дни обозначился переход к онтологии отношения. В качестве источников для формирования нового понимания онтологии были предложены конфуцианское видение отношений между людьми и даосское понимание отношений людей и природы. Было подчеркнуто, что китайская идея гармонии несет не всеобщий "абсолютный", а "оптимальный" характер. Тема осмысления связи людей с природным миром были развиты М.Такер, которая предложила участникам colloquium свое видение актуальной проблемы связи конфуцианства и экологического сознания. В качестве главных идей китайской культуры она выделила космологию и культивацию, эти термины охватывают все полярности, находимые в китайской мысли (человек - Небо, Небо - Земля человек - общество, общество - Небо-космос и т.д.). М.Такер особо отметила, что понятие сыновней почтительности в китайской культуре распространяется в том числе и на природу, которой также следует служить "как родителям", тем самым "возвращая долг" подаренной жизни. При этом следование природным ритмам в понятиях китайской культуры предстает как оболочка жизни человека и ее контекст, а не ее отвлеченный фон.

Теоретические аспекты перспектив развития конфуцианства как философской системы обсуждались в докладе В.Ф.Феокистова (ИДВ РАН, Москва), подчеркнувшего дискуссионность предпринимавшихся ранее попыток соединения философских традиций Китая и Запада наряду с необходимостью развивать и сохранять национальную традицию как важнейшую и неотъемлемую часть будущей китайской философии. Доклад Чэнь Жунцюэ (Wing-chuek Chan, Ун-т Брок) был посвящен связи китайской философии природы и современной физики. Выступавший подчеркнул значение принципов ицзинговской традиции для современной науки, в первую очередь идей гармонии, симметрии и простоты, что отражено в значении иероглифа "и" - переменны, легкость-простота. На конкретных примерах была продемонстрирована связь этих идей с поисками современных физиков в области теории относительности и единой теории поля. Профессор Ли Хуэйлунь (Whalen Lai, Калифорнийский университет, Дэвис) посвятил свое выступление будущему китайской буддистской мысли. Он отметил интересные процессы в "метафизическом" диалоге Востока и Запада, а именно теоретическое взаимообогащение американской христианской теологии процесса и китайского буддизма школы Хуаянь.

Отдельное обсуждение было посвящено теоретическому наследию современных китайских мыслителей. Представленные доклады затронули не только три разных поколения мыслителей, но и три различных арены развития китайской мысли - США, Тайвань и Гонконг, материковый Китай.

Р.Невилл (Бостонский ун-т, США) посвятил свой доклад теме гуманности и ритуала в конфуцианстве современного ученого Ду Вэймина, присутствовавшего на коллоквиуме. Исходя из предпосылки о мировом характере китайской мысли, Р.Невилл дал свой анализ творчества Ду Вэймина, охарактеризовав его как “экзистенциального конфуцианца”, отдающего приоритет гуманности над ритуалом. Главный вопрос “экзистенциального конфуцианства”, наследующего идеям неоконфуцианца Ван Янмина, состоит в том, что же именно может побудить человека отказаться от своих эгоистических желаний и повернуть свое сердце к “небесному принципу”. По сути такой поворот является сознательным экзистенциальным актом, означающим начальный момент процесса самосовершенствования личности и ее движения в идеалу мудреца. Подчеркивая серьезность проблемы отчужденности человека от небесного принципа, Р.Невилл поставил вопрос о роли самого этого принципа и божественного в процессе преодоления отчуждения, вспоминая при этом об Августине, обращение которого от греха к жизни во Христе “не было ни единичным делом Бога, ни его собственным единичным действием”, но сложным взаимодействием высшей благодати и человеческого ответа. Профессор У Юнэн Педагогический ун-т Цзянхуа, Тайвань) рассматривал перспективы развития буддизма и современной китайской мысли на примере творчества известного современного мыслителя Тан Цюньи. А.В.Ломанов (ИДВ РАН, Москва) посвятил свое выступление позднему периоду деятельности знаменитого философа и историка китайской философии Фэн Юланя. После декларации об отказе от своих прошлых философских идей и переходе на позиции марксизма в 1950-70-е годы, незадолго до своей смерти он дезавуировал свои предыдущие заявления, охарактеризовав марксизм как “философию вражды” и утопизм, а взгляды Мао Цзэдуна - как “абсурдные”. В докладе было высказано предположение, что отказ от платоновского разделения мира идей и материального бытия и принятие гегелевской идеи “конкретного всеобщего” в начале 1950-х годов было для Фэн Юланя не только уступкой марксистской диалектике, но и осознанным возвратом к традиционной китайской идее холистического единства мироздания.

Выступление Лян Янчэна (Общество исследований культурного возрождения, Ванкувер) было посвящено анализу понятия гуманности - “жэнь” в конфуцианской философии с точки зрения герменевтики и постмодернизма. Докладчик пришел к выводу, что в китайской философии бытие и метод неотъемлемы друг от друга, что создает предпосылку для создания китайского ответа на постмодернистский вызов.

Во время коллоквиума поднимался ряд вопросов, выходящих за пределы абстрактной философской теории и непосредственно смыкающихся с практикой бытия конфуцианской цивилизации. Такого рода темой стала дискуссия о взаимоотношении традиционной культуры и феминизма. В докладе Ян Цзиньфэн (Ун-т МакГилл, Монреаль) “Образы женского в конфуцианстве и стратегии для инклюзивной философии” был выдвинут тезис о том, что споры о развитии конфуцианства в качестве основы будущей китайской культуры должны включать проблему пересмотра места женщины в старой конфуцианской модели общества и мироздания. Конфуцианство более не может быть “путем великих мужей”, женщины также должны стать “сердцем-сознанием Неба и Земли”. Необходимо работать над концепцией нового конфуцианского феминизма, на пути которого было преодолено социокультурное отчуждение женщины и тем самым была реализована истинная идея гуманности для всех людей. Подчеркивая антропоморфный характер конфуцианской морали, докладчик предложила включить феминизм в проблематику со-

временного конфуцианства, активно заимствующего западные идеи, исследуя его в тесной связи с традиционной методологической, гносеологической и метафизической проблематикой. Эта тема была развита в докладе Ун-сунн Ли (Un-sunп Lee, Корея), подчеркнувшей, что "конфуцианско-феминистский диалог" обещает быть весьма непростым по той причине, что традиционное отношение к женщине сформировало сильные антиконфуцианские настроения у современных представительниц феминистского движения в Восточной Азии.

Во время второго дня работы коллоквиума обсуждались три крупных проблемных блока: будущее китайской медицины, права человека в Китае в связи с китайской интеллектуальной традицией, китайская мысль и индустриальное развитие.

Известный исследователь китайской науки Натан Сивин (Ун-т Пенсильвания, США) поставил вопрос о будущем китайской медицины, остановившись в первую очередь на проблемах концептуальных оснований. Воспринимающая человеческое тело как единый нераздельный комплекс и потому не выделяющая "симптомы" для наименования болезни, ориентированная на понимание болезни как процесса китайская медицина обладает набором техник, отличающих ее от западной биомедицины. При этом в современном Китае врачи все более опираются на западные методы диагностики (лабораторные тесты, компьютерная диагностика), после чего пробуют применять традиционные методы лечения. Поскольку образование молодых медиков более не базируется на традиционном видении тела и традиционной диагностике, они ищут каузативного агента болезни, не пытаясь более осмыслить происходящее в организме больного в понятиях баланса энергий. Развивая дискуссию, профессор Сигенори Нагато (Ун-т Темпл, США) вел речь о путях движения навстречу философским основаниям превентивной медицины, основанной на данных современной нейрофизиологии, и традиционных учений о пневмах-энергиях "ци" в человеческом организме. Обосновывая свои выводы современными данными о строении нервной системы человека, ученый сделал акцент на важности медитативной практики в создании "прогностической медицины". П. Беламиде (Ун-т Торонто) посвятил свое выступление проблемам даосизма и целительства в Северной Америке. Упомянув, что канадская перепись населения 1991 г. сообщает о наличии в стране 1720 человек, причисляющих себя к даосам, докладчик подчеркнул гораздо большее влияние и значение систем альтернативной медицины, непосредственно связанных с альтернативными представлениями и о мироздании (в качестве примера была взята связанная с даосизмом распространенная практика системы "Лечащего Дао" Healing Tao System).

Профессор Цин Цзя (Julia Ching, Ун-т Торонто) посвятила свой доклад теме взаимосвязи философии, закона и прав человека в Китае. Она выступила с критикой тезиса Дж.Нидема об отсутствии понятия о естественном законе в Китае, ссылаясь на наличие в Древнем Китае коррелятивного мышления в отношениях между человеком и Небом. Чэнь Цзувэй (Joseph Chan, Гонконг) в докладе о конфуцианской перспективе прав человека, доказывал тезис о совместимости идей Конфуция и Мэн-цзы с концепцией прав человека. По его мнению, конфуцианство может быть основой прав человека, но по-иному, чем на Западе в выступлении Сюн Бинчэна (P.C.Hsiung, Ун-т Торонто) "Национальная идентичность и пол в китайском контексте" было представлено комплексное видение проблем прав женщин в китайском обществе с точки

зрения их самосознания как части китайской нации, своей половой группы и семьи.

Обсуждение проблем связи современной китайской мысли и предпринимательства по большей части повторяло уже известные и давно обсуждаемые учеными вопросы. Ся Гуан (Ун-т Торонто) в докладе "Вебер и синология: непонятое и вновь открытое конфуцианство" развивал аргументацию о неправоте М.Вебера в оценке перспектив конфуцианской традиции в развитии индустриального общества в Восточной Азии. Се Цзялинь (Ун-т Торонто) сделала доклад на тему интерактивного эффекта культуры и индустриализации на организационное поведение на примере материкового Китая периода реформ, показав переход к новым ценностям и мотивациям в поведении. К сожалению, в докладе не было достаточно ясного разделения между моделью, создаваемой идеологией административной плановой системы и понятиями о традиционных аспектах китайской культуры. Тори Йошикава (Ун-т Йорк, Торонто) в докладе "Конфуцианская этика и японская корпоративная практика: взгляд с точки зрения перспектив корпоративного управления" обсуждал вопросы различий ценностных мотиваций в поведении персонала и фирм в целом в Японии и Северной Америке

В конце коллоквиума прошел круглый стол на тему "Нужна ли нам еще китайская культура в XXI веке?", в котором приняли участие известный китайский исследователь христианской мысли Лю Сяофэн (Гонконг), Цинь Цзяи, Ду Вэймин, Шэнь Цинсун. Было подчеркнуто, что значимость конфуцианской культуры была различной в разные исторические периоды. При этом если значимость китайской культуры для самих китайцев не вызывает сомнения, то ее возможный вклад в другие культуры пока остается неясным.

Мемуары

Мои встречи и переписка с В.С.Колоколовым

© 1997

Р. Вяткин

В 1995 г. мой отец - Р.В.Вяткин - задумал небольшую публикацию к 100-летию со дня рождения известного российского китаевода В.С.Колоколова. Тяжелая болезнь помешала отцу подготовить к изданию собранный материал. Хотя еще в 1991 г. петербургский исследователь К.В.Дубков напечатал описание архива В.С.Колоколова, в котором приведены биографические и библиографические сведения его жизни и творчества¹, мне представляется, что воспоминания отца и сохранившиеся в его архиве письма дополняют портрет этого талантливого и самобытного востоковеда.

Р.Р.Вяткина

* * *

Профессор Всеволод Сергеевич Колоколов (1896-1979) - весьма колоритная личность среди русских китаеведов. Он был единственным из дореволюционных и советских синологов, кто получил начальное образование еще в дореформенной нормативной китайской школе старого типа в Маньчжурии с ее палочными порядками, заучиванием наизусть конфуцианских канонов двухтысячелетней давности, с обучением китайской каллиграфии. Всеволод Сергеевич сумел не только закончить такую школу, но и намеревался дальше продвигаться по пути старинной китайской образованности. Он даже начал готовиться к сдаче экзаменов на звание сюэца - первую ученую степень эрудита, официально утвердившуюся в периоды династий Мин и Цин. Эта своеобразная выучка ощущалась мной при каждой встрече с Всеволодом Сергеевичем. Временами я, с отличием закончивший Восточный факультет Дальневосточного университета и много лет преподававший китайский язык в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ), чувствовал себя перед ним приговишкой, ибо его знания китайского языка и китайской классической литературы представлялись мне недостижимыми. Он был китаеведом до мозга костей, увлеченным Китаем, знавшим его с детства. Живо и ярко обучая китайскому языку, напряженно работая над составлением китайско-русских словарей и учебников, готовя вместе с Е.И.Кычановым тангутские переводы китайской классики, он вместе с тем много размышлял над разнообразными проблемами востоковедения.

В.С.Колоколов был человеком непростым, противоречивым. Блестящий знаток китайского языка и жизни Китая, одаренный педагог, он, однако, не полу-

чил к сожалению достаточной профессиональной научной подготовки. Излишне эмоциональный и увлекающийся, он по разным причинам так и не смог закончить свои исследования и переводы из китайской классики. Возможно, он не сумел реализовать свои задумки отчасти из-за того, что его плохо поддерживали мы, его коллеги. Судя по всему, в Ленинградском отделении Института востоковедения несколько своеобразно оценивали уникальные знания В.С.Колоколова и в 1970 г. он вынужден был уволиться из Института в связи с "невыполнением плана". Уход из Академии вынудил его заняться техническими переводами с японского языка. Факт сам по себе прискорбный.

Мне довелось общаться с профессором Колоколовым на протяжении ряда лет. Первые рабочие встречи состоялись в подмосковном доме отдыха в Ильинском летом 1952 г. Там нас, группу советских китаеведов, собрали "по высочайшему указанию", чтобы осуществить перевод на русский язык избранных произведений Мао Цзэдуна. В подготовке первых трех томов участвовал и Всеволод Сергеевич. Работа шла коллегиально и творчески, но очень напряженно - по 12-14 часов в день, так как были определены жесткие сроки. Рядом с нами трудились жившие в СССР китайские преподаватели, переводчики: Г.Д.Гришин, Советов (Чэнь), Чжоу Сунюань и др. И в этом большом коллективе голос Всеволода Сергеевича всегда звучал веско и уверенно, с присущим ему блестящим знанием китайских текстов, что помогало нам преодолевать многочисленные трудности ответственного перевода. В своих трудах Мао Цзэдун нередко цитировал или передавал по смыслу, намеками, отдельные положения и мысли из китайской классической литературы, особенно сентенции конфуцианской школы. Безукоризненные знания В.С.Колоколова всего классического наследия часто спасали нас, помогая понять и правильно перевести наиболее сложные места. Вспоминаю такой случай. Одно место в тексте никак ни поддавалось нашей расшифровке. Всеволод Сергеевич, после некоторого напряженного раздумья, радостно воскликнул: "Это же из "Цзо чжуань"² - и мы действительно нашли там эту фразу.

Позже мы с профессором Колоколовым изредка встречались в Москве и Ленинграде на конференциях или по разным вопросам китаеведной работы. Мне тогда довелось работать в Институте китаеведения, а затем в Отделе Китая Института востоковедения АН СССР. Именно к этому времени относятся сохранившиеся у меня послания Всеволода Сергеевича. Из их содержания можно ясно увидеть натуру этого человека - широкую и импульсивную, узнать над чем он размышлял. Письма помогают понять, какое значение он придавал изданию подготовленных им переводов древнекитайского философа Мэн-цзы и какие мысли по поводу категорий китайской иероглифики родились в его голове. Одно из приводимых посланий было адресовано не мне, а в издательство "Мысль". Оно попало ко мне от автора и интересно тем, что представляет собою по сути краткую и конечно неполную автобиографию Колоколова.

Хотелось бы, чтобы с этими письмами познакомились и наши молодые синологи, чтобы они могли составить более четкое представление о Всеволоде Сергеевиче Колоколове. Разумеется, я далек от мысли, что все высказывания Всеволода Сергеевича (скажем о конфуцианстве и иероглифике) являются непреложной истиной, но они интересны своей авторской логикой и своеобразием подхода.

В заключение хотелось бы добавить, что мои встречи с Всеволодом Сергеевичем в кругу его семьи в доме на Набережной Мойки, были всегда по-русски хлебосольными. Они запомнились мне долгими беседами с экскурсами в китайское прошлое, с произносимыми по ходу фразами на китайском языке, что создавало атмосферу настоящего "китайского домика" на берегах Невы.

Надеюсь, что строчки этих воспоминаний и главное - личные письма В.С.Колоколова окажутся нелишними в дни, когда будет отмечаться столетие со дня рождения одного из видных российских китаеведов старшего поколения.

* * *

7 марта 1968 г.

Дорогой Рудольф Всеволодович!

Посылаю Вам мой несостоявшийся краткий доклад, посвященный памяти В.П.Васильева³. Меня пригласили на Восточный факультет за три дня до заседания, я подготовил это небольшое выступление, но... Слово мне не было предоставлено, по причинам, в которых я ничего не смыслю. Словом, все мои попытки вырваться из той атмосферы, которая действует удушающе, почти ничего не дают, кроме еще более тягостных переживаний. Недавно получил письмо от одного знакомого, который поехал работать во Владивосток. Он пишет, что там произошла полная перемена в руководстве факультетом, на который Вы мне, помните, посоветовали и порекомендовали ориентироваться и, если не ошибаюсь, обещали оказать кое-какое содействие. Значит и там тоже "сорвалось". Таким образом, как видите, я продолжаю сидеть на мели и не знаю, чем все это кончится. /.../

Я совершенно потерял надежду на издание моих переводов китайских классиков, хотя нутром чувствую, что их опубликование именно теперь, необходимо для нашей страны, как говорится, до зарезу. Тревожить Николая Иосифовича⁴ наверное нельзя и бесполезно. Может быть Вы не откажите мне в просьбе взять на себя редактуру моих переводов. По моим предположениям у Вас есть в Институте перевод "Лунь юй" и перевод "Мьн цзи". Предисловие к ним я пришлю, а вступительную статью Вы напишите сами. Если это предположение Вас в какой-то мере может устроить, то на очереди книги "Ли-Ши," "Да Сюэ" и "Чжун Юн". На этот год я приступил по плану к "Чунь цю". Я знаю, что Вы заняты большой исторической работой, но уверяю Вас, что редактирование классиков нисколько не будет Вам помехой. Наоборот, Ваша основная работа от этого только выиграет.

Жду от Вас ответа с нетерпением, тем более, что вот уже несколько месяцев не получал от Вас ни одной весточки.

По случаю международного женского дня шлю Вашей супруге от себя и от жены наилучшие пожелания.

Крепко жму руку.

Ваш В.Колоколов.

2 февраля 1970 г.

Ленинград

Дорогие Людмила Андреевна и Рудольф Всеволодович!

Примите наши сердечные поздравления с наступающим астрономическим Новым годом - 6/7 февраля! В качестве презента посылаю Вам набросок доклада: "К вопросу об изучении конфуцианской классики", в котором приводятся некоторые обоснования в пользу создания группы китаистов для досконального научного изучения этой важной проблемы, оставленной втуне не только русским, но и советским китаеведением.

Недавно набрел на "открытие", работая над переводом текстов из "Чунь цю" и "Цзо чжуань". Вопрос заключался в том, чтобы определить: на

какие средства жили древние правители Китая в эпоху Чжоу. Нигде, ни в каких источниках и исследованиях об этом не сказано ничего определенного. Между тем, решение этого вопроса позволяет подвести экономическую базу под конфуцианство и объясняет его живучесть. Оказывается, что правитель в глазах народа должен был выставлять себя не только нелицеприятным /仁/⁵, но и справедливым /義/⁶, причем ничуть не заинтересованным в своем материальном благополучии. Откуда же несметные богатства, в которых правители буквально утопали? Ведь ни в одной из книг конфуцианского канона не говорится о том, сколько положено "платить" правителю за управление народом. Такой вопрос даже кажется оскорбительным. Но вот в книге "Чжун юн" находим маленький ключик:

舜其大孝也歟? 德一為聖人; 尊一為天子; 富一有
四海之內; 宗廟饗之, 子孫保之。
△ △ △ △ (中庸, 十七章) 7

Итак, *宗廟饗之*⁸ - вот где источник постоянного обогащения правителя, основанный на весьма "симпатичном" культе предков, импонировавшем всем слоям населения Поднебесной империи. Об этом стоит подумать. При жертвоприношениях "цзяо" проверялась лояльность по количеству принесенных даров для жертвоприношений. Предположим, что у правителя было всего три прародителя, которым полагалось воздавать жертвы по отдельности. Значит, в переводе на куриные яйца, каждый лояльный подданный должен был представить минимум девять яиц каждый раз. Помножим на число подданных - чем не яичный трест? Ведь не все же яйца шли сразу в дело!

Есть еще много любопытных мелких вопросов, вытекающих из культа предков, которые перекрещиваются, когда сопоставляешь сразу тексты из "Ли Цзи" с текстами "Чунь цю", "Шу цзина" и "Ши цзина". Только и только в комплексе, создав надежный рабочий аппарат в виде перекрестных индексов и глоссариев, можно разобраться во всей подоплеке конфуцианского учения, лицевая сторона которого атеистична и в то же время этична, но никак не религиозна! Вспомните бои конфуцианцев с католическими миссионерами, беседы Маттео Риччи с учеными "жу" и т.д.

Еще раз приносим Вам наши сердечные поздравления и пожелания доброго здоровья и долгих лет плодотворной деятельности на благо нашему обществу,

Уважающие Вас

И.А. и В.С. Колоколовы.

20.IV.1972 г.

Дорогие Людмила Андреевна и Рудольф Всеволодович!

Как быстро летит время! Пока я собирал материал, чтобы продолжить с Вами затеянный мною академический спор по поводу пресловутых шести "категорий" китайских иероглифов, прошло почти два месяца и приближается Первомай. Собранный материал я показал Борису Ивановичу⁹ и, как мне кажется, лед скепсиса тронулся! Борис Иванович предложил мне написать об этом, как об одном из открытий, заслуживающих внимания ученых всего мира! Но, конечно, пока только в порядке дискуссии, результаты которой могут решить мою участь: *Aut Caesar, aut nihil!*¹⁰. Если позволите, только с условием

sans fason¹¹, а также без tour de force¹² прислать Вам на Ваш суд краткое экспозе ex cathedra¹³.

Откровенно говоря, очень жалею, что не делал этого сорок лет назад! Мы все надеемся, что у Вас все благополучно и ждем обоих на "белые ночи";

Ваш В.Колоколов

Ленинград 6 июня 1973 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Павлович;

Прежде всего разрешите представиться. Я - Всеволод Сергеевич Колоколов, сын российского дипломата, родился в Китае в 1896 году, до 16-ти лет, по воле родителя, жил и учился в названной стране, первой школой была у меня китайская, дореформенная, в которой царствовала зубрежка и ферула учителя-китайца, причем мне, как чужеземцу, всегда доставалось больше сверстников китайчат и зубрежки и ферулы, да еще бывало и от батюшки добавлялось, чтобы авторитет учителя поддержать. С 1913 года, по воле бабки, матери отца, был я определен в Александровский лицей в гор. Санкт-Петербурге, в котором проучился до его закрытия в 1917 году, вскоре после февральской революции, поскольку уж очень монархическим было это учебное заведение. По положению и возрасту пришлось поступить в школу прапорщиков, по окончании каковой был назначен в запасной полк в Твери младшим офицером в 3-ью роту. Понюхал пороху под Двинском, а в ноябре 1917 года, за отказ полка придти на помощь правительству Керенского, весь состав расформировали. И я был уволен, как значилось в документе, "в первобытное состояние", скитался на бирже труда в гор. Твери, а затем, не находя места, уехал к жене в деревню (а женился в бытность в школе прапорщиков уже в Петрограде). Там в деревне меня выдвинули в секретари волостного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а осенью 1918 года, по первой мобилизации в Красную Армию, давая пример, записался первым в мобсписк, был по воле судьбы направлен в Тверь, в 4-й стрелковый полк МВО, где избирался членом культпросвет комиссии полка и членом-депутатом горсовета. Был рекомендован в ВКП(б), но несмотря на положительную характеристику, какой-то товарищ в Губкоме, где меня проверяли, почему-то счел, что по происхождению и по обхождению не подхожу к рабочему классу, но что задело меня - это обвинение в том, что я будто бы "примазываюсь". Короче говоря, я остался "беспартийным большевиком". Закончу тем, что из полка меня вызвали в Военную Академию РККА, узнав из анкет, что я знаю китайский язык. Ныне я на пенсии, после многих лет преподавания китайского языка, написал лексикон, а затем и китайско-русский словарь, выдержавший два издания. В последние годы переключился на изучение японского языка и сейчас занимаюсь техническими переводами с японского языка на русский во Всесоюзном научно-исследовательском институте абразивов и шлифования в гор. Ленинграде.

Поводом к написанию Вам этого письма явилось неожиданное для меня обстоятельство. 3-го июня с/г я получил заказное письмо из Москвы от товарища Рудольфа Всеволодовича Вяткина, в котором он предложил мне отправить Вам заявку на издание моего перевода китайского учебника дореформенной школы, под названием "Мэн-Цзы" (я пишу Мын-Дзы, так ближе звучит по китайски!). Мне, конечно, очень лестно, если мой труд, кстати отвергнутый к изданию Институтом Востоковедения Академии наук СССР, где я рабо-

тал по этой теме, в качестве плановой, будет удостоен чести быть опубликованным, но смущает то, что он выйдет в серии "Философское наследие"¹⁴. /.../

Это бесценный памятник: подлинные эстампажи с каменных стел (плит), на которых были высечены в начале XVIII века все тексты из учебников, в том числе и "Мын-Дзы". Я переснял фотопутем весь его текст. Он займет не более 10 страниц обычного формата. У меня есть пленка, которую можно еще уменьшить при печатании. Словом, я хотел выпустить этот учебник с текстом, зафиксированном на камне и издать, что было бы сенсацией для всего мира, ибо теперь эти памятники разрушены! К этим текстам, в качестве привески, я мыслил дать перевод, с краткими примечаниями и пояснениями, дать список имен и географических мест, перечень иероглифов, которые написал бы сам, поскольку в свое время усердно занимался каллиграфией; но этот проект не прошел. Я покинул Академию наук и переключился на японский язык. Думаю написать небольшой японо-русский технический словарь.

Если Вас заинтересует выпуск сенсационного учебника с текстами, высеченными на камне, подлинность которых не может быть оспорена никем, то я с большим удовольствием напишу Вам необходимую заявку и постараюсь обосновать ее для Вашего Ученого Совета.

Буду признателен, если Вы сообщите мне Ваше решение.

Уважающий Вас

В. Колоколов

1. К.В.Дубков. Личный архив Всеволода Сергеевича Колоколова. - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. 2. С., 1991. - С. 175-184.
2. Цзо чжуань - историческая хроника VIII-V вв. до н.э., в которой описаны события, происходившие в ряде княжеств и царств Китая по годам, сезонам и месяцам.
3. В.П.Васильев (1818-1900), русский востоковед, академик Петерб. АН. Автор книг по истории, языкам, литературе Китая и религиям Востока.
4. Н.И.Конрад (1891-1970), академик АН СССР. Выдающийся советский востоковед. Занимался проблемами истории, литературы, языкознания Китая, Японии и Кореи.
5. Иероглиф переводится как "способность принять правильное решение на основе внутренних факторов".
6. Способность принять правильное решение на основе внешних обстоятельств.
7. "Разве он не был образцом великой почтительности? По добродетели он был совершенным мудрецом, по уважению считался Сыном Неба, по богатству - он был обладателем (всего), что находилось среди четырех морей, в храме предков ему приносились (обильные) жертвы. Дети и внуки сохранили эту /традицию/. Чжун юн. глава 17.
8. "В храме предков ему приносились (обильные) жертвы".
Перевод с китайского текста уточнен д.ф.н., проф. А.М.Карапетьянцем.
9. Б.И.Панкратов (1892-1979), в те годы научный сотрудник ЛО Института востоковедения АН СССР. Занимался переводом китайских и монгольских летописей.
10. Или Цезарь, или ничто (лат.).
11. Без церемоний (фр.).
12. Усилие, напряжение фр.)
13. С высоты кафедры, авторитетно (лат.)
14. Серия "Философское наследие" выходила в издательстве "Мысль".

Научная жизнь

Четвертая научная сессия по историографии и источниковедению истории Китая

Данная сессия, ставшая уже традиционной (наряду с проводимыми через год конференциями по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки), проходила на восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета 2-4 апреля 1996 г. В ней приняли участие китаеведы Санкт-Петербурга, представлявшие все научные учреждения города, занимающиеся изучением Китая, а также гости из Москвы, Пскова, Петрозаводска, Риги.

Работу научной сессии открыл председатель Оргкомитета, зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока восточного факультета СПбГУ проф. Г.Я.Смолин, отметивший значимость подобных встреч китаеведов нашей страны. Изложение различных точек зрения, их тщательное обсуждение, плодотворные дискуссии, характерные для этих сессий, способствовали и способствуют развитию отечественного китаеведения, а также внедрению достижений синологической науки в вузовское преподавание.

А.А.Бокщанин (ИВ РАН) выступил с докладом "Постановка китайскими историками вопроса об уникальности феодализма в Китае", в котором рассмотрел существенные моменты дискуссии о феодальном строе в Китае, проходившей на страницах китайской печати в конце 70-х - начале 80-х годов. Один из участников дискуссии Ду Юйтин попытался на основании сравнения феодальных параметров западноевропейских стран и Китая выявить их принципиальные различия во многих областях: классовой структуре, системе земельной собственности, способе эксплуатации трудящихся, политическом устройстве, роли города, масштабах и результатах крестьянских восстаний, месте идеологии в жизни общества. Ду Юйтин охарактеризовал китайское феодальное общество как "земледельческо-арендаторскую систему". Это, по его мнению, высшая стадия феодализма, причем своего полного развития она достигла именно в Китае, что и делает опыт развития этой страны уникальным в мировой истории. В западноевропейских странах феодализм, не достигнув упомянутой стадии, перерос в капиталистическую формацию. А.А.Бокщанин отметил, что концепция Ду Юйтима в теоретическом и фактологическом плане отнюдь не безупречна, но постановка вопроса об уникальности китайского общественного и государственного строя до XIX в. заслуживает внимания.

Т.К.Шафрановская (Кунсткамера) в докладе "Монголист XVIII в. Иоган Иериг" представила слушателям малоизвестные сведения о жизни и деятель-

ности этого интересного ученого, подробно осветив научные результаты его путешествия в Монголию.

В.М.Рыбаков (СПбФИВ РАН) выступил с докладом "Рынок и право в Китае периода Тан (по материалам "Тан люй шу и")", в котором на основе перевода одной из статей кодекса династии Тан реконструировал систему правового регулирования деятельности рынков и рыночной администрации и унификации мер и весов. Докладчик сделал вывод, что в сфере регулирования торговли, как и в остальных областях, танское право закрепляло подчинение повседневной жизни людей унифицированной морали.

А.Т.Качан (СПбМАПО) в докладе "Некоторые вопросы историографии традиционной китайской медицины" на большом фактическом материале рассмотрел вопрос о теоретических подходах к применению методов традиционной китайской медицины в современной науке и медицинской практике. В этой связи он выдвинул задачу уточнения датировки основных китайских медицинских трактатов и выделения ключевых этапов истории китайской медицины.

Е.И.Кыгчанов (СПбФИВ РАН) выступил с докладом "Сведения "Юань ши" о завоевании русской земли и русских". На основе материалов, содержащихся в названном историческом источнике, докладчик обобщил данные о китайцах, участвовавших в походе Батыя на Русь, сопоставил факты и даты, известные китайским историографам, со сведениями, содержащимися в русских летописях и других источниках; отождествил упомянутое в "Юань ши" сражение у города Ту-ли-сы-гэ с битвой при Турске в 1241 г. между монголами и поляками.

А.В.Меликсетов (ИСАА при МГУ) представил доклад на тему "Новая демократия" в контексте международных отношений Китая". Подчеркнув, что "новая демократия" - это ни что иное, как "три народных принципа" адаптированные к условиям Китая 40-х годов, докладчик подробно проанализировал приемы и методы ведения внешней политики Мао Цзэдуном и другими китайскими лидерами в первый период существования КНР. Исходя из их представлений и конкретной практики, политика "новой демократии" в сфере международных отношений выглядела вариантом принципа "золотой середины", "срединным" курсом между СССР и США, между социализмом и капитализмом.

М.Ф.Чигринский (РГО) в докладе "Об этнической политике Цин на Тайване" отметил, что начиная с эпохи Сун, китайцы подразделяли народы, жившие к югу от Янцзы, на "шуфаней" ("цивилизованных варваров") и "шэнфаней" ("нецивилизованных варваров"). Основным критерий указанного деления - отношение к китайской цивилизации и государственности. В соответствии с этим, предшественники Цинов - Чжэны (1662-1682), а в дальнейшем и сами цины стремились синизировать "шуфаней", а "шэнфаней" превратить сначала в "шуфаней", а затем - в ханьцев. Цины осуществляли подобную политику более систематично, чем Чжэны.

Е.И.Лубо-Лесниченко (ГЭ) в докладе "Ткани Дуньхуана и Шелковый путь" рассказал, в каких музеях мира ныне хранят ткани, найденные в Дуньхуане, и обосновал функции тканых votivных предметов в буддийском ритуальном комплексе. Эрмитажное собрание дуньхуанских тканей, как сказал Е.И.Лубо-Лесниченко, отражает основные процессы, определившие культурно-историческое своеобразие орнаментального искусства Китая в раннем средневековье.

Доклад Д.В.Руденко (БАН) "Учение за границей: духовные поиски на кануне Синьхайской революции (по новым публикациям КНР)" был посвящен очень важному периоду в общественной жизни Китая. На основе публикаций

в китайских исторических журналах 1993-94 гг. данная тема была рассмотрена в контексте процесса модернизации Китая.

Специальное заседание сессии, проходившее 3 апреля, было посвящено 90-летию проф. Г.В.Ефимова (1906-1980), отмечавшемуся именно в этот день.

Г.Я.Смолин (СПбГУ), выступивший с докладом "Г.В.Ефимов - исследователь и преподаватель историографии и источниковедения китайской истории", осветил основные этапы научной биографии известного историка-китаеведа, дал оценку его вкладу в отечественную синологию. Докладчик отметил, что проф. Г.В.Ефимов положил начало чтению многих учебных курсов на восточном факультете ЛГУ (СПбГУ), явился основоположником новых научных направлений. Большое внимание он уделял подготовке квалифицированных научных кадров. По инициативе Г.В.Ефимова, в Петербурге уже многие годы проводятся историографические конференции, привлекающие востоковедов всей страны. Выступившие после доклада ученики и коллеги Г.В.Ефимова рассказали о различных сторонах его многогранной научной и преподавательской деятельности.

Б.Г.Доронин (СПбГУ) в докладе "Новая жизнь старых понятий (использование понятийного аппарата официальной историографии современной наукой)" обратил внимание на широкое использование современной историографией (прежде всего китайской) понятийного аппарата, сложившегося в государственном историописании императорского Китая. Эти термины высоко специфичны, они несут в себе свойственное тому времени понимание исторического процесса, и, независимо от желания автора, переносят заключенный в них смысл в современное исследование, существенно искажая содержание описываемых событий и явлений. Данное утверждение было проиллюстрировано на примере очень популярных в современной историографии терминов "тун и" ("консолидация", "единение") и "шэн ши" ("эра процветания").

Б.М.Новиков (СПбГУ) в докладе "О проблеме люмпенов в истории Китая (по материалу новейших публикаций в КНР)" кратко охарактеризовал содержание первого в КНР монографического исследования по данной теме (Чэнь Баолян. История люмпенов Китая. - Пекин, 1993) и дал оценку общего подхода современных китайских ученых к вопросу о происхождении и роли люмпенской прослойки в истории китайского общества.

Н.А.Самойлов (СПбГУ) в докладе "Этнические и государственные стереотипы взаимовосприятия в освещении американских китаеведов (основные подходы)" охарактеризовал этапы изучения американскими историками и социологами этой проблематики и указал на наличие уже вполне сложившихся научных направлений и школ. В докладе были проанализированы важнейшие монографии и статьи американских ученых по указанной теме и отмечено, что аналогичные сюжеты в силу их чрезвычайной актуальности должны разрабатываться отечественными китаеведами.

Л.Н.Меньшиков (СПбФИВ РАН) выступил с докладом "Колофоны изданий 1189 г. как источник по истории тангутского книгопечатания", в котором на конкретных примерах была продемонстрирована содержательная структура и региональная специфика колофонов изданий 1189 г.

С сообщении "О втором томе сборника документов ВКП(б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926-1927" выступил один из составителей тома К.В.Шевелев (ИДВ РАН). Он ознакомил присутствующих с содержанием сборника и подробно остановился на некоторых важнейших документах, проливающих свет на формирование, попытки осуществления и причины крупного поражения советской политики в Китае в 1927 г.

Н.А.Спешнев (СПбГУ) в своем докладе "Ли Цзунъю и его "Наука о бесстыдстве и коварстве" привлек внимание слушателей к этому своеобразному китайскому мыслителю и его сочинению, посвященному анализу национальной психологии китайцев.

Ю.Л.Кроль (СПбФВИВ) выступил с докладом на тему "Два истолкования "человеколюбия" в "Споре о соли и железе" ("Янь те лунь")", в котором предпринял попытку интерпретации важнейшей конфуцианской категории "жэнь" (согласно "Янь те лунь") в двух базовых аспектах: терпимость и любовь. Докладчик отметил, что носителями нравственной нормы "жэнь" должны были быть чиновники, привитие этих качеств простому народу не рассматривалось как социально значимая задача.

Н.В.Ивочкина (ГЭ) в докладе "Традиция научной фальсификации китайских денежных знаков" рассказала, что в 1833 г. Мэн Линь привел в "Бу цюань тун чжи" бумажные денежные знаки с 650 по 1425 г. (на самом деле первые были выпущены только в 1024 г.). Все они были смоделированы по минскому образцу, известному в нач. XIX в. и, естественно, не соответствовали разнообразию первых, еще не унифицированных денежных знаков. Вероятно, Мэн Линь сам оказался жертвой фальсификаторов, изготовлявших антикварные подделки, но освятив их своим высоким научным авторитетом, он инспирировал дальнейшую фабрикацию подделок. Эта линия сфантазированных бумажных денежных знаков продолжилась и в публикации 1984 г.

А.Н.Хохлов (ИВ РАН) выступил с докладом "Российские китаисты Харбина 20-30-х гг.", в котором сообщил слушателям ряд новых фактов, собранных им в архивах и прессе того периода, о своеобразной харбинской школе китаистики, созданной усилиями русских эмигрантов.

Эту интересную тему продолжил А.М.Решетов (Кунсткамера). В докладе "Русские этнографы-эмигранты в Китае". он привел существенные факты из биографий русских этнографов и китаеведов, волею судьбы оказавшихся в Китае, и высоко оценил их вклад в науку. Особое внимание в докладе было привлечено к таким фигурам, как С.М.Широкогоров и барон Сталь-Гольштейн.

И.Ф.Попова (СПбФВИВ РАН) представила доклад "Дискуссия об удельных пожалованиях в начале Тан", основанный на авторской интерпретации раннетанских источников (законов, указов, докладных записок).

Н.А.Королева (Псковский пед. ин-т) в докладе "К вопросу о капиталистической трансформации китайского общества в сер. XIX в. (по тайпинским источникам)", проанализировав новейшие отечественные публикации, в частности работы В.И.Овсянникова, затрагивающие проблемы зарождения и развития элементов капиталистического уклада в китайском обществе середины XIX в., пришла к выводу, что нарративные и актовые документы периода крестьянской войны тайпинов, относящиеся к провинциям Цзянсу и Чжэцзян, подтверждают выводы, сложившиеся в нашей историографии о том, что торговые связи и ремесленное производство в Китае середины XIX в. имели характерные черты, присущие феодальной эпохе.

Е.Ю.Стабунова (Латвийский гос. ун-т, Рига) выступила с информационным сообщением о научной конференции, посвященной 50-летию разгрома Японии во второй мировой войне, проходившей в 1995 г. в Тайбэе.

Е.А.Торчинов (СПбГУ) представил доклад "О медицинских аспектах трактата "Баопу-цзы", в котором показал, что в известном сочинении Гэ Хуна (III-IV вв. н.э.) содержится материал, опровергающий взгляд на традиционную китайскую фармакологию как исключительно растительную.

Т.В.Ермакова (СПбФВИВ РАН) в докладе "Российские исследования Тибета в начале XX в. и их научно-историческое значение" охарактеризовала

социально-политический контекст и задачи российских исследований Тибета, рассказала о научном значении экспедиций П.К.Козлова, Г.Ц.Цыбикова, Б.Б.Барадийна. Также были реконструированы главные научные методы, которыми пользовались исследователи.

Е.А.Островская (СПбГУ) в докладе "Проблема введения в научный оборот позднего источника по истории традиционных идеологий Тибета" (на примере тибетского текста XVIII в.) проанализировала в этом аспекте сочинение настоятеля монастыря Лавран - буддийского ученого гунтана Данби Донмэ "Напутствие тому, кто отправляется к драгоценному материку".

А.Ж.Тойберт (БАН) выступила с докладом "Полемика современных китайских ученых об исторической роли Ли Хунчжана", в котором дала оценку различных взглядов современных историков КНР на деятельность и идеи Ли Хунчжана. Докладчица отметила, что объективно и непредвзято оценить роль Ли Хунчжана возможно только исходя из анализа всего комплекса социальных и политических условий, в которых приходилось действовать этой исторической фигуре.

Очередная научная сессия по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки будет проходить на восточном факультете СПбГУ в начале апреля 1997 г. Пятая научная сессия по историографии и источниковедению истории Китая состоится в апреле 1998 г.

© 1997

*Н.А.Самойлов,
канд. ист. наук СПбГУ*

Список сокращений:

БАН - Библиотека Академии Наук
ГЭ - Государственный Эрмитаж
ИВ РАН - Институт Востоковедения РАН
ИДВ РВН - Институт Дальнего Востока РАН
ИСАА при МГУ - Институт стран Азии и Африки при МГУ
РГО - Российское географическое общество
СПбГУ - Санкт-Петербургский Государственный университет
СПбМАПО - Санкт-Петербургский музей антропологии и палеонтологии
СПбФИВ РАН - Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

XI международная конференция Европейской ассоциации китаеведения

XI регулярно созываемая раз в два года, международная конференция Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК) проходила с 4-го по 7-е сентября 1996 г. в столице испанской провинции Каталонии - Барселоне. В ее работе приняло участие около 300 синологов из различных стран Европы, из них двадцать из России, представлявших различные московские центры китаеведения: ИДВ, ИВ, ИМЭПИ, ИСАА.

В качестве организатора конференции выступил Гуманитарный факультет университета имени Помпеу Фабра, во главе с деканом Д.Фолш, при участии муниципалитета Барселоны, правительства Каталонии, министерства образования и науки. Финансовую поддержку осуществлял фонд Цзян Цзинго (Тайвань).

Тезисы докладов, отобранные оргкомитетом в процессе рецензирования, были опубликованы в сборнике XI конференции ЕАК, вышедшем до ее начала. Седьмую часть опубликованных тезисов составили тезисы российских ученых.

На конференции, проходившей под девизом "Китай и мир", работало 12 секций: 1. Будущее Китая (руководители Б.Хук и Х.Белтран); 2. Прибрежный и Южный Китай ко времени Цин (руководитель Р.Птак); 3. Китай и мир накануне нового времени (руководитель Э.Цюрхер); 4. Влияние на Китай экономических перемен (руководитель В.Вермеер); 5. Мысль и религии (руководитель К.Шиппер); 6. Литература новейшего периода и современная литература (руководитель Б.Мак-Дугал); 7. Китаеведение и новые информационные технологии (руководитель Р.Вагнер); 8. Китайский язык (руководитель М.Клод); 9. Китайское общество (руководители М.Картье и Б.Стайгер); 10. Китайское искусство (руководители Р.Витфилд и Ю.Пак); 11. китайская классическая литература (руководитель В.Идема); 12. Политическая история в новейшее время (руководитель М.Бастид-Брюгьер).

В каждой секции, были выделены подсекции, подчиненные как общей теме конференции, так и смежным темам, что позволило охватить самые разнообразные сферы европейского китаеведения - от древней китайской метафизики до новейших информационных технологий в синологии. В данном обзоре не представляется возможным осветить выступления всех участников конференции. Остановимся на некоторых из них, попытаюсь показать широкий круг проблем, обсуждавшихся в Барселоне.

На секции "Прибрежный и Южный Китай ко времени Цин" тон задавали организаторы конференции. Был заслушан блок докладов испанских ученых, работающих в сфере изучения взаимоотношений Испании и Португалии с Китаем в XVI в. В сообщении Д.Фолш (Испания) речь шла о неопубликованных источниках на испанском языке, на которые опирался Гонсалес Мендоса, автор наиболее известной в Испании в XVI в. книги о Китае.

Специалисты из ИДВ и ИМЭПИ особенно активно участвовали в работе секции "Влияние на Китай экономических перемен", которая почти полностью была сформирована из докладов российских ученых, посвященных актуальным проблемам экономической ситуации в КНР. Например, в докладе Л.В.Новоселовой (ИДВ РАН) "Экономический рост в КНР и баланс сил в Северо-Восточной Азии", главный акцент был сделан на то, что результатом процессов рыночной трансформации в Китае и России является создание условий для возникновения нового центра экономического роста в приграничных районах двух стран. По мнению докладчика, задействование значительных экономических потенциалов обеих стран, а также привлечение к реализации совместных проектов инвестиционных ресурсов третьих стран, в свою очередь может послужить гармонизации экономических интересов ряда стран Северо-Восточной Азии, и как следствие, формированию более сбалансированного и устойчивого соотношения экономических и политических сил в этом стратегически важном районе мира. Дискуссию вызвали отдельные положения сообщения С.Н.Алексахиной (ИДВ) "Пути модернизации сельского хозяйства в Китае". Было выделено два пути решения аграрно-крестьянской проблемы после 1949 г.: путь КНР и путь Тайваня, анализируя которые автор пришел к заключению, что опыт модернизации аграрного сектора как Тайваня, так и КНР свидетельствует, что важнейшим стратегическим направлением преобразований аграрных отношений является осуществление земельной реформы. В докладе П.Бустело (Испания) также шла речь о реформе, но только на государственных предприятиях КНР в 90-е гг. Испанский ученый, подчеркнув, что преобразования в сфере государственных предприятий в Китае еще серьезно не начинались и все еще откладываются, сделал вывод, что простые технические изменения не смогут поднять их эффективность, а реформа государственных предприятий должна включать комплексное решение многих социальных проблем.

Секция "Мысль и религии" подразделялась на классическую философию, буддийское влияние, возрождение религий в современном Китае, комментаторскую литературу, мысль в современном Китае. В сообщении П.Коррадини (Италия) "Древнекитайский Минтан между реальностью и легендой" приводились аргументы в пользу выдвинутой им гипотезы, отрицающей историческую реальность существования Минтан (Зала просветления), в котором по легенде, сложившейся в эпоху Хань, китайские императоры совершали ритуальные службы. Коррадини подверг сомнению те научные теории европейских синологов, в основу которых было положено утверждение об особой мироустроительной и сакральной функции Зала просветления. Большой интерес на этой секции вызвал доклад М.В.Карпова (ИСАА) "Сравнительные аспекты демократических изменений: Восточная Европа, Россия, Китай", в котором в частности была отмечена слабость китайской интеллектуальной элиты в проведении в жизнь идей демократии. В выступлении С.А.Горбуновой (ИДВ) "Возрождение буддизма в современном Шанхае" основные проблемы этого процесса были проанализированы в исторической перспективе, методом сравнительного анализа масштабов, целей и задач первого буддийского возрождения начала нашего столетия со вторым современным буддийским возрождением 80-90-х гг. На этой секции преобладали доклады ученых из Университета Гейдельберга (ФРГ), посвященные структурному анализу различных китайских источников с учетом исторической перспективы. Например, сообщение А.Майера затронуло проблему выявления схем при классификации комментариев к буддийской канонической литературе. Доклад И.Генца "Читая глазами Конфуция" касался новых методик в

изучении "Чунь цю Гунъян Чжуань" (Летописи весен и осеней с комментариями Гунъяна). У Лау в сообщении "Сакральные истоки китайских юридических терминов" путем анализа законов Цзы Чаня (VI в. до н.э.) и кодексов Ли Куя (V-VI до н.э.) сделал вывод о том, что специфический смысл ранней китайской правовой терминологии не может быть понят без архаических верований и ритуалов.

Новые подходы к изучению источников сближают перечисленные выше доклады с сообщениями также подготовленными группой ученых из Гейдельберга для секции "Китаеведение и новые информационные технологии". Например, в сообщении возглавившего эту секцию Р.Вагнера источники, характеризующие общественную сферу Китая позднего периода династии Цин были проанализированы с использованием математических методов и базы данных. Это дало возможность выявить крайнюю ограниченность общественной жизни конца XIX - начала XX в.

В секции "Литература новейшего периода и современная литература" Н.Ю.Демидо (ИДВ) в выступлении на тему "Характерные типы персонажей в прозе 90-х гг." было выделено три основных типа главного героя в жанре повести и рассказа, отличающихся по своему мировоззрению и духовным устремлениям. В связи с этим было подчеркнуто, что анализ специфики типов героев помогает воссоздать более полную картину литературного процесса. М.Кайкконен (Швеция) в докладе "Стереотипы варвара в современной популярной литературе" остановилась на проблеме выявления наиболее типичных изображений иностранцев в массовых журналах, издававшихся в КНР с 70-х гг., сделав попытку хронологически проследить появление новых стереотипов при сохранении и возрождении прежних. Весьма распространенное в настоящее время на Западе гендерное направление в литературоведении было представлено оригинальным докладом Вэй Чэнхо (Великобритания) "Тело в современной беллетристике". Вэй Чэнхо, проанализировав сочинения четырех наиболее почитаемых в КНР и на Тайване авторов, таких как Цзя Пиня и его последний роман "Бывшая столица", сделала вывод, что в них в отличие от низкопробной литературы, наводнившей книжные рынки КНР, удалось изобразить тело в соответствии с китайскими традиционными эстетическими категориями и в контексте социальной интерпретации полов.

На секции "Будущее китайского общества", на которой половину представленных докладов составили доклады российских ученых, живой интерес вызвало сообщение В.Я.Портякова "Русско-китайская торговля и миграция китайцев в Россию", в котором была показана динамика нелегального переселения китайцев в Россию. Дискуссию вызвали некоторые подходы, содержащиеся в выступлении Д.Г.Жоголева (ИДВ) на тему "Отношение к инородцам в Китае". В нем был затронут вопрос отношения в КНР, на Тайване и в Гонконге к неханьским народностям.

Завершая обзор выступлений участников XI конференции ЕАК хотелось бы отметить, что они продемонстрировали высокий уровень европейских исследователей. Преобладали доклады на узкие, но всесторонне и глубоко проанализированные темы с привлечением солидной источниковедческой базы на китайском языке. В этом смысле выделялись ученые из Гейдельберга. Заметно выросла активность российских китаеведов, получивших возможность для многостороннего научного обмена и знакомства с последними достижениями европейской синологии. В то же время их участие в барселонской конференции содействовало росту авторитета отечественной синологии. Российские китаеведы в полном составе участвовали в выборах нового состава Совета ЕАК в соответствии с порядком ротации вместо проф. Марианн Бас-

тид-Брюгьер (Франция) новым Президентом ЕАК был избран Рудольф Вагнер (ФРГ), являвшийся ранее секретарем ЕАК. Одним из вице-президентов был избран В.Я.Портяков.

Следующая XII конференция ЕАК состоится в 1998 г. в университете столицы Шотландии Эдинбурге. Возглавлять организационный комитет будет литературовед Б.Мак Дугал.

Итоги XI конференции ЕАК обсуждались на заседании Исполнительного Совета Российской ассоциации китаеведения 2 декабря 1996 г., в котором принял участие ее Почетный президент академик С.Л.Тихвинский. Президент РАКИТ директор ИДВ РАН М.Л.Титаренко, подытоживая выступления Р.М.Асланова, С.А.Горбуновой, А.А.Бокшанина, Э.П.Пивоваровой и В.Я.Портякова, обратил внимание собравшихся на важность для российских, особенно молодых ученых, ознакомления со спектром сложных проблем и новых подходов к их решению в современной европейской синологии. Он особо подчеркнул, что такая возможность представилась в определенной мере благодаря поддержке, оказанной теперь уже бывшим Президентом ЕАК, Почетным доктором ИДВ РАН М.Бастид-Брюгьер. На заседании было выражено общее мнение о необходимости дальнейшего углубления сотрудничества РАКИТ с ЕАК.

© 1997

*С.А.Горбунова,
Ответственный секретарь РАКИТ*

К 130-летию со дня рождения Сунь Ятсена

22 ноября 1996 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялось заседание Правления Общества российско-китайской дружбы, посвященное 130-летию со дня рождения великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. В нем приняли участие научные сотрудники ИДВ и других китаеведческих центров, представители Посольства КНР в Российской Федерации, активисты общества.

Заседание открыл почетный председатель Общества российско-китайской дружбы академик С.Л.Тихвинский, который обрисовал яркую картину жизненного пути великого китайского политика и мыслителя, раскрыл ведущую роль Сунь Ятсена в основных политических событиях Китая начала XX века и в формировании внешнеполитической ориентации Гоминьдана на сотрудничество с Советским Союзом, подчеркнул историческое значение для судеб страны идеи Сунь Ятсена о создании единого и сильного Китая.

Проблема взаимодействия различных классовых сил в рамках единого национального антиимпериалистического фронта, представляемых Сунь Ятсеном и Гоминьданом, с одной стороны, а также Компартией Китая, с другой, посвятила свое выступление д.и.н. Мамаева Н.Л. В этой связи она обратила внимание на инициативы Сунь Ятсена и Гоминьдана к сближению с Коминтерном и КПК на общей платформе антиимпериалистической борьбы (новые данные об этом содержатся в документах сборника "ВКПб, Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920-1925". Т. 1. М., 1994). В заключение докладчик отметила, что талант предвидения исторических перемен, глубокое понимание национальных особенностей развития Китая, творческий подход к заимствованию зарубежного опыта обеспечили доктору Сунь Ятсену почетное место среди выдающихся общественных деятелей и умов XX столетия. К.и.н. Каткова З.Д. (ИВ РАН) сделала сообщение о китайской историографии конца 80-х - начала 90-х гг. по малоосвещенной теме - истории взаимоотношений Сунь Ятсена и Чан Кайши в первой четверти века. Как следовало из ее выступления, китайские авторы в основном придерживаются точки зрения о том, что Чан Кайши был тогда сторонником Сунь Ятсена и разделял его политическую программу и что наличие отдельных разногласий между ними не играло в тот период существенной роли.

Д.и.н. Картунова А.И. предложила участникам заседания ряд фрагментов из неопубликованных писем наркома иностранных дел СССР Г.В.Чичерина и советского полпреда в Пекине А.М.Карахана (сентябрь-ноябрь 1924 г.), в которых затрагивались основные программные установки Сунь Ятсена во время поездки на Север. Особое внимание в переписке уделялось развитию антиимпериалистических позиций Сунь Ятсена, зафиксированных в его Манифесте накануне отъезда из Гуанчжоу.

К.и.н. К.В.Шевелев, принимавший участие в третьей международной конференции "Сунь Ятсен и модернизация Китая", проходившей в г. Гуанчжоу 3-8 ноября 1996 г., рассказал о неослабевающем интересе к личности и наследию Сунь Ятсена, о расширении фронта исследований его творчества и политики.

К.и.н. Степанова Г.А., присутствовавшая 12 ноября 1996 г. на торжественном заседании в Пекине в связи со 130-летием со дня рождения Сунь Ятсена, отметила, что в докладах главы КНР Цзян Цзэминя, руководителей демократических партий неизменно повторялся завет Сунь Ятсена о превращении Китая в единое, могучее современное государство. Сегодня этот наказ великого революционера-демократа созвучен с волей и усилиями всего китайского народа, направленными на осуществление обширной программы модернизации страны.

Научная конференция Центра исторических и политических исследований Китая ИДВ РАН

Конференция открылась 26 декабря 1996 г. выступлением зам. директора Института, к.и.н. Асланова Р.М., о Компартии Китая как факторе общественно-политической стабильности страны. Докладчик считает, что КПК смогла укрепить свое положение правящей партии благодаря отказу от ряда догматических положений (о классовой борьбе как решающем звене, о несовместимости социализма и рынка и т.д.), сопровождавшемуся развитием прагматического поиска решения важнейших современных проблем Китая - создания системы социалистической рыночной экономики и модернизации страны. Вместе с тем, он отмечает, что КПК по-прежнему "использует организационные принципы ленинской партии и прежде всего принцип "демократического централизма", считая централизм его главным элементом. Одним из важных факторов политической стабильности, докладчик признает, безраздельное руководство компартии вооруженными силами страны. В заключение он делает вывод о том, что основные организационные принципы КПК, ее авторитет руководителя реформы, способность эволюционизировать в интересах общественного прогресса обеспечивают ей роль гаранта социально-политической стабильности КНР.

Сообщение к.и.н. Смирнова Д.А. затронуло некоторые основные тенденции развития идеологической ситуации в КНР, среди которых докладчик отмечает ужесточение политического контроля КПК над всеми сторонами общественной жизни (в особенности над средствами массовой информации), и трансформацию идейно-теоретической платформы КПК на основе использования традиционных конфуцианских ценностей и идеи национального патриотизма.

Вопросы кадрового обеспечения социально-экономического курса КПК рассматривались в сообщении н.с. Антонова В.И., в котором отмечалось, что компартия последовательно проводит линию на совершенствование руководящего корпуса, на воспитание и выдвижение руководителей следующих более молодых поколений. Эта кадровая политика подкрепляется важными законодательными актами КНР и решениями ЦК КПК.

В выступлении с.н.с. Лазаревой Т.В. рассказывалось о подготовке и использовании национальных кадров автономных районов.

Аспирант Дипакадемии МИД России Цяо Шияо (КНР) в своем сообщении "Китай после Дэна" полагает, что окончательный уход Дэн Сяопина не приведет к хаосу ни в высших эшелонах власти, ни в стране в целом. Этот вывод он связал с влиянием конфуцианских идей об обязанности правителя накормить народ, создать ему безопасное существование, ставить выше всего интересы нации и государства. Стремление к политической стабильности в Китае связано также с фактором распада СССР. Дэн Сяопину удалось сформировать новое руководство из своих преемников в партии и стране. Докладчик не видит реальных угроз власти компартии, которая представляет широкий спектр общественных сил. Важно и то, что армия безраздельно поддерживает партию.

В сообщении д.и.н. Москалева А.А. рассматривалось состояние работы по преодолению бедности неханьского населения КНР, приводились данные относительно качества жизни неханьцев в ряде районов национальной автономии. Обращалось внимание, в частности, на нерешенность проблемы "одежды и сытости" в таких провинциях, как Гуйчжоу, Юньнань, в Нинся-Хузйском автономном районе и др. регионах Западного Китая. Констатировалось, что в КНР сохраняется высокий уровень прироста неханьского населения, что ведет к уменьшению количества зерна на душу населения, снижению качества медико-санитарного обслуживания и т.д.

С научным сообщением "Общественные организации КНР в 1995-96 гг." выступила н.с. Емельянова Т.М. Она, в частности, отметила, что массовые общественные организации КНР (профсоюзы, комсомол, молодежные и женские организации) играют заметную роль в общественно-политической и экономической жизни страны. Деятельность общественных организаций по-прежнему осуществлялась под руководством и контролем КПК.

В докладе д.ю.н., проф. Л.М.Гудошникова "Судебная система и конституционное правосудие на Тайване", наряду с анализом соответствующих институтов де-факто, был рассмотрен более общий вопрос о современном значении суньятсеновской идеи разделения пяти властей. По мнению докладчика, независимая контрольная власть стала реальностью в некоторых странах, а в ряде стран существуют и достаточно независимые подразделения, ведающие формированием корпуса госслужащих по экзаменационному принципу и управлением государственной службой (например, палата кадров в Японии, Государственный Совет во Франции).

В докладе к.э.н. Бирюлина Е.В. "Таможенная политика и таможенное законодательство КНР" было обращено внимание на те правовые методы, которыми обеспечивается режим границы в переходные этапы, когда проявляется тенденция к ослаблению контроля за движением товаров, ценностей и информационных материалов через границу. В частности, принятие 22 января 1987 г. Закона о таможене предоставило возможности комплексного усиления контроля в сложных условиях политики открытости внешнему миру.

Д.ф.н. В.Ф.Сорокин (Центр изучения духовных цивилизаций Дальнего Востока) в своем докладе о некоторых тенденциях в литературной жизни КНР упомянул о ряде заметных событий прошедшего года. В том числе: вызвавшая полемику статья в журнале "Душу", в которой критически оценивается представленное Мао Дунем социально-критическое направление в китайской дореволюционной литературе; статья в газете "Цзефан жибао", где дана резко негативная оценка состояния современной литературы в КНР; выступление против "засилья" исторической тематики в романах китайских авторов. Докладчик остановился также на относящемся к литературе и искусству разделе Решения 6-го пленума ЦК КПК 14-го созыва и первых откликах на него в литературно-художественной среде.

Историческую тематику конференции открыло выступление д.и.н. Григорьева А.М. "Первые отклики на выход сборника документов "ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. 1920-1925" (М., 1994), в котором отмечалось, что издание этой книги, подготовленной в рамках совместного проекта историков ИДВ РАН и Центра изучения Восточной Азии Свободного университета Берлина (на немецком языке книга вышла в ФРГ в начале 1996 г.), вызвало большой интерес в нашей стране и за рубежом, в том числе в КНР. В рецензиях на книгу, появившихся в научной периодике России, ФРГ и Китая указывается на уникальность впервые публикуемых в ней документов, на их значение для разработки ряда новых и уг-

лубленного изучения ранее уже рассматривавшихся многих аспектов истории российско-китайских отношений, китайской политики ВКП(б) и Коминтерна, истории КНР и Гоминьдана. В откликах на книгу в Китае отмечается, что опубликованные документы позволяют лучше осветить процесс создания КПК, установление сотрудничества ВКП(б) и Коминтерна с Сунь Ятсеном и Гоминьданом, их влияния на позиции Суня и других лидеров партии. Материалы первого тома издания стали широко использоваться китайскими специалистами, в частности, при подготовке ряда статей для сборника "Новые исследования отношений между СССР, Коминтерном и китайской революцией" (Пекин, 1995), в докладах на научных конференциях, например, на конференции по случаю 130-летия со дня рождения Сунь Ятсена (Гуандун, октябрь 1996 г.). Показателем научного значения работы является также издание ее полного перевода в КНР и на Тайване.

Д.и.н. Мамаева Н.Л. в своем сообщении отметила, что новая публикация документов (Сборники "ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае". Тт. 1-2. М., 1994, 1996) дает возможность более полно осветить деятельность М.М.Бородина - представителя Коминтерна и Советского государства в Китае, главного политического советника Гоминьдана. Сообщения и донесения М.М.Бородина, его переписка с руководящими работниками Советского правительства проливают свет на процесс подготовки I съезда Гоминьдана и его решений. Деятельность М.М.Бородина отразила влияние рекомендаций Коминтерна на становление Гоминьдана как политической "партии действия". Вместе с тем, она показала весьма избирательный подход Сунь Ятсена и Гоминьдана к опыту Коминтерна и ВКП(б).

Д.и.н., Галенович Ю.М. привлек внимание участников конференции к современному видению некоторых сторон "культурной революции" в КНР, тридцатилетие которой отмечалось в 1996 г. Повод к этому дало, в частности, освобождение из тюрьмы отбывшего двадцатилетний срок заключения Яо Вэньюаня, одного из молодых активных организаторов и идеологов "культурной революции", на которых Мао Цзэдун тогда делал ставку. Яо Вэньюань сыграл зловещую роль и несет ответственность за гибель цвета китайской нации. После смерти Мао Цзэдуна Яо Вэньюань сфабриковал его политическое завещание. Знаменитый китайский писатель Ба Цзинь отнес Яо Вэньюаня к породе рабов, всегда готовых угодничать перед властью имущими. При этом он особо подчеркнул: "страшно то, что особи, подобные Яо Вэньюаню, еще существуют и могут снова всплыть на поверхность".

К.и.н. Усров В.Н. выступил с общением о книге Чжу Мин (дочери маршала Чжу Дэ) "Китайские девочки в нацистском концлагере", выпущенной в КНР в 1995 г. В книге содержатся интересные подробности биографии Чжу Мин. Она родилась в 1926 г. в Москве, во второй половине 30-х годов воспитывалась в Яньани, затем в начале 1941 г. приехала в Ивановский интернациональный детский дом, в котором пробыла четыре месяца. Летом 1941 г. она была направлена на лечение под Минск и вскоре оказалась в плену у немцев. В своих воспоминаниях Чжу Мин поведала о своей нелегкой судьбе, о жизни в немецком концлагере, о возвращении из Германии в Советский Союз.

Прошедшая конференция стала творческим отчетом научного коллектива ЦИПИК о проделанной работе.

Рецензии

"Япония - наш деловой партнер". Еженедельник зарубежной внешнеторговой информации "Коринф". Спецвыпуск, № 41, октябрь 1996 года.

Спецвыпуск еженедельника "Коринф" посвящен 40-летию восстановления дипломатических отношений между Российской Федерацией (СССР) и Японией. Открывается он интервью с Чрезвычайным и Полномочным послом Японии в РФ К. Ватанабэ (в настоящее время он завершил работу в Москве и отбыл в Японию) и Чрезвычайным и Полномочным послом РФ в Японии А. Пановым. Кодзи Ватанабэ выразил уверенность, что "благодаря полной нормализации японо-российских отношений и внутриэкономической стабилизации в России, связи Японии и РФ в политической, экономической, культурной и других областях получают дальнейшее мощное развитие, устремленное в XXI век". А. Панов, в свою очередь, оценивая развитие делового сотрудничества между нашими странами, отметил, что "в последнее время отчетливо наметилась тенденция к росту российско-японского торгового оборота" и возможности роста "далеко не исчерпаны".

Пути и возможности расширения экономического обмена между двумя странами ищутся как на государственном, так и на частном уровне. Интерес японских деловых кругов к развитию экономических отношений с Россией достаточно большой. Он проявляется, например, в деятельности Японской ассоциации по торговле с Россией и странами Восточной Европы (РОТОБО), о чем рассказывает на страницах журнала ее президент Яхиро Тосикуни. Ассоциация была основана в январе 1967 года по инициативе лидеров деловых кругов руководителей Федерации экономических организаций и Торгово-промышленной палаты Японии. В августе 1970 года РОТОБО получила официальное одобрение Министерства внешней торговли и правительства Японии. В настоящее время в ассоциацию

входят около 180 самых различных структур - банки и промышленные компании, торговые и посреднические фирмы, региональные администрации и общественные организации. Целью деятельности РОТОБО является развитие деловых связей с Россией, странами СНГ, Восточной Европы и Монголией.

Многие материалы спецвыпуска "Коринф" подробно знакомят российского читателя с нашим дальневосточным соседом. Здесь и общие страноведческие материалы, и конкретные экономические показатели. На ряд последних хотелось бы обратить внимание читателей. Судя по ним, Япония обошла другие государства, в том числе и США, по большинству макроэкономических показателей. Она лидирует в производстве многих видов промышленной продукции (черные металлы, автомобили, суда, станки, роботы и многое другое). У Японии самое большое положительное сальдо баланса текущих платежей (103,9 млрд. долл. в 1995 году), крупнейшие золотовалютные резервы (210,2 млрд. долл. на конец июня 1996 года), лидирует Япония в объемах официальной помощи развитию (13,2 млрд. долл. в 1994 году, для сравнения, у США - 9,8 млрд. долл.).

Япония уступает США по масштабам финансирования НИОКР - 13,7 трлн. иен (у США 17,8 трлн. иен), по сумме зарубежных прямых инвестиций - 260 млрд. долл. на конец 1993 года (у США 549 млрд. долл.). Однако следует учитывать, что население Японии в два раза меньше, чем США.

Российскому читателю, видимо, будет интересно познакомиться с основными положениями очередной среднесрочной экономической программы страны на период с 1996 до 2000 года. Это уже 13-я за послевоенные годы подобная

программа-план. Характерно, что если в 50-60-х годах основное внимание в них уделялось обеспечению экономического роста, то в последние годы на первое место ставится решение социальных проблем. Название 13-ой программы: "Социально-экономический план структурных реформ - сильная экономика и свободная от проблем жизнь народа", говорит само за себя. Она предусматривает развитие новых отраслей бизнеса, улучшение социальной инфраструктуры. Среди перспективных отраслей выделены информатика и телекоммуникации, жилищное строительство, здравоохранение (включая индустрию отдыха), защита окружающей среды. По оценкам, объем производства и услуг к 2000 году в Японии должен возрасти до 213 трлн. иен, против 129 трлн. иен в 1993 году.

В материалах, подготовленных ведущими российскими специалистами по экономике Японии С.В.Ноздревым, В.Г.Пясецким, Ю.П.Шиповым, рассматривается состояние внешней торговли Японии и оценка перспектив ее развития, экономическая стратегия Японии на современном этапе. В обстоятельной статье Торгового представителя России в Японии Р.Н.Рузанова анализируются российско-японские торгово-экономические связи.

Спецвыпуск содержит много полезной информации для деловых людей России. Подробно разобран так называемый "план Хасимото" по оказанию Японией содействия развитию внешней торговли и промышленности России. Он был предложен в 1994 году Р.Хасимото, в то время министром внешней торговли и промышленности Японии, а ныне премьер-министром страны. План рассчитан на три года и предусматривает целый ряд меро-

приятий, многие из которых уже проводятся в жизнь. Среди них изучение японскими экспертами на местах организации производства и выработку практических рекомендаций по реструктуризации предприятий с целью повышения эффективности производства. Руководители предприятий, где подобная работа была проведена, дают высокую оценку ее результатам. Одним из важных разделов "плана Хасимото" является организация поиска российских предприятий, готовых выйти на японский рынок со своей продукцией.

В ряде материалов представители торгпредства РФ в Японии дают практические рекомендации нашим бизнесменам по ведению дел с японскими партнерами. Много полезного могут найти наши деловые люди в подробной информации и деятельности в России японской организации по развитию внешней торговли (ДЖЕТРО), о работе ее открывшегося в сентябре 1993 года представительства в Москве.

Деловые люди, собирающиеся в поездку в Японию, найдут в спецвыпуске "Коринф" много практических советов. Здесь и сведения о визовом режиме, и советы по особенностям деловой этики, по поведению в быту, при общении. Разъясняется, например, процедура открытия банковского счета и представительства фирмы в Японии.

Спецвыпуск еженедельника "Коринф" содержит много другой полезной информации о Японии, как деловом партнере России и уже замечен специалистами-японоведами. Но он интересен и для широких кругов научных работников, сотрудников практических учреждений, занимающихся комплексным изучением экономики АТР.

Новоселова Л.В. "Инвестиционная политика и экономическая реформа в Китае". - М., издательская фирма "Восточная литература", 1996. - 310 с.

Происходящие в последние годы сложнейшие процессы рыночных преобразований в целом ряде стран являются предметом пристального внимания ученых, специалистов-практиков и государственных деятелей во всем мире. При этом попытки радикального реформирования экономики, связанные с освобождением экономических процессов от жесткого административного давления, как правило, сопровождаются такими кризисными явлениями, как обострение структурных диспропорций, спад производства и инвестиционной активности, инфляция и понижение жизненного уровня. Китай среди этих стран является в определенном смысле исключением. Приступив к экономической реформе еще в конце 70-х годов, КНР добилась впечатляющих результатов в области создания экономики рыночного типа, вместе с тем на протяжении последних пятнадцати лет в этой стране наблюдается неуклонное улучшение качества жизни и высокая динамика экономического роста.

Однако нельзя не заметить и те огромные трудности, с которыми пришлось столкнуться Китаю в ходе реформирования экономической системы, а также наличие существенных ограничителей действия рыночных регуляторов в переходной экономике. Всестороннее и детальное изучение инвестиционного процесса, являющегося важнейшей составной частью общего процесса воспроизводства, позволяет дать достаточно цельную картину нынешнего состояния китайской экономики, определить возможности и эффективность осуществляемых в КНР рыночных преобразований, а также в определенной мере оценить перспективы дальнейшего развития страны, занимающей особое место среди приоритетов российской внешней политики.

В самых общих чертах китайская модель рыночного реформирования представляет собой попытку гибкого сочетания системных преобразований с активным государственным регулированием экономики, формированием и реализаци-

ей национальной инвестиционной политики. В целом, опыт Китая свидетельствует о плодотворности политики адекватного учета национальной специфики в рамках общего процесса рыночной трансформации в странах с переходной экономикой. В этом состоит безусловная актуальность, высокое теоретическое и практическое значение работы Л.В.Новоселовой. Тема рецензируемой монографии интересна и в силу того, что, несмотря на болезненные уроки российской экономической реформы, в нашей стране по-прежнему весьма распространены суждения о том, что китайский опыт продвижения к рынку абсолютно уникален и не может быть с пользой применен в практике других стран.

Привлекательность рассматриваемой работы дополнительно усиливается тем, что в российской экономической литературе отсутствуют крупные работы, освещающие проблему инвестиционного фактора рыночных преобразований в странах с переходной экономикой. Перед нами, по сути дела, первая попытка создания целостной картины развития инвестиционного процесса, раскрытия его ключевой роли в реформировании и развитии экономики КНР.

На основе анализа китайского опыта автором, выявлен механизм и характер воздействия инвестиционной политики на процесс модернизации экономики, показаны объективные возможности использования государственных регуляторов в интересах осуществления реформы и развития накопленного экономического потенциала. Тем самым сделан конкретный шаг в столь необходимом сегодня радикальном обновлении экономической теории, объективном и профессиональном изучении закономерностей и особенностей функционирования смешанной переходной экономики. Убедительно показана необходимость координации системных преобразований с соответствующими сдвигами в национальной инвестиционной политике и структурными изменениями в народном хозяйстве.

Следует отметить хорошую струк-

турную проработанность монографии. В рамках трех основных разделов работы удачно сочетаются исторические и проблемно-экономические подходы к изучению инвестиционного процесса, теоретические и весьма конкретные, прикладные аспекты государственной политики в этой сфере, разбор чисто китайской специфики и проведение международных сравнений. Это характеризует работу как серьезное многоплановое исследование. Заслуживает внимания обоснование жизнеспособности и международной значимости китайской модели рыночного реформирования, обеспечивающей повышение жизненного уровня населения и укрепление позиций страны на международном рынке. В этой связи следует считать удачным выделение в диссертации трех групп вопросов, включая исследование эволюции инвестиционной политики и инвестиционного механизма на основных этапах социально-экономического развития Китая, анализ характера и эффективности преобразования инвестиционного механизма в современном Китае, а также вопросы взаимосвязи инвестиционной политики и важнейших результатов экономического развития КНР.

Следует отметить тщательность и профессионализм в подходе автора к анализу используемых в Китае разнообразных инструментов государственного воздействия на масштабы и динамику инвестиций, а также их распределение по отраслям национальной экономики и видам капитальных затрат. Заслугой автора является глубокий анализ эволюции формы и содержания государственного регулирования инвестиционной сферы в зависимости от текущих хозяйственных результатов и степени его распространения не только на государственные предприятия, но и на негосударственные сектора китайской экономики, включая коллективный сектор, частный сектор, а также сектор иностранного и совместного предпринимательства. В работе убедительно показывается, что по мере последовательного прохождения китайской экономикой различных этапов реформы меняется сам характер государственного вмешательства в экономику - жесткие административные рычаги хозяйственного управления все более уступают место гибким экономическим инструментам регулирования. Полученные выводы, а также разработанный автором системный подход к

исследованию всех этих непростых процессов и явлений представляют несомненный интерес не только для специалистов-китаеведов, но и для исследователей современных проблем российской экономики и соответствующих практических организаций.

К числу удач автора можно отнести и предметный анализ формирования и результативности национальной инвестиционно-структурной политики КНР, всестороннюю оценку реализации национальных приоритетов экономического развития, механизма привлечения как внутренних, так и внешних источников финансирования структурной перестройки экономики и технологического роста, а также использования как административных, так и рыночных стимуляторов инвестиционной активности. В работе убедительно раскрываются основные направления рационализации крайне деформированной отраслевой структуры китайской экономики с точки зрения обеспечения ее большей адекватности потребностям общества и восприимчивости к действию рыночных регуляторов, включая опережающее развитие технологически емких производств, науки, образования, производственной и социальной инфраструктуры.

Проведенный автором обстоятельный анализ отраслевых сдвигов в китайской экономике убедительно свидетельствует о том, что в рамках любой экономической системы национальная инвестиционная политика и структура экономики, а также тип воспроизводственного процесса являются не только результатом, но также и важным фактором функционирования преобладающих экономических отношений. Исходя из этого, глубокая структурная диспропорциональность, затратный тип развития и низкая эффективность производства, свойственные Китаю и другим странам с переходной экономикой, представляют собой серьезные объективные ограничители результативности рыночных преобразований. Все это представляется шагом вперед в исследовании экономики КНР и особенностей переходных экономических систем в целом.

С учетом хода и результатов экономической реформы в нашей стране большую ценность представляет заключение автора о необходимости взаимодополняющего развития инвестиционной деятельности в государственном и негосударственных секторах экономики как важном

факторе усиления инвестиционного потенциала страны в период экономической реформы и смягчения ряда насущных социально-экономических проблем.

Производит большое впечатление весьма широкий круг привлеченной автором литературы, включая огромное количество текущего первичного материала, многочисленные публикации российских и зарубежных специалистов, документы и материалы международных финансовых организаций. Полностью оправдало себя творческое применение автором к реалиям Китая ряда современных методологических подходов, и в частности использование элементов методики венгерской экономической школы для анализа цикличности инвестиционного процесса в Китае. Все это свидетельствует о скрупулезной проработке Л.В.Новоселовой обширного пласта имеющихся теоретических трудов и информационно-аналитических материалов.

Основные выводы работы, охватывающие широкий круг актуальных вопросов развития китайской экономики, а в более широком плане - экономики переходного периода в целом, выглядят убедительно и представляют собой итог глубокого анализа, основанного на прочном фундаменте глубокого осмысления особенностей и закономерностей современного этапа развития мирового хозяйства, длительного и кропотливого изучения экономики Китая, предметного знания источников информации. В целом, нельзя не отметить творческий, поисковый характер работы, представляющей собой комплексное исследование, выполненное на высоком профессиональном уровне экономиста. Несомненно, глубокая и свободная от каких-либо конъюнктурных акцентов и наслоений книга Л.В.Новоселовой найдет внимательного и благодарного читателя, как среди специалистов, так и широкого круга читающей публики.

© 1997

*Советник Заместителя Председателя
Правительства Российской Федерации,
д.э.н., проф.
Андреанов В.Д.*

Michael D. Swaine "The Role of the Chinese Military in National Security Policymaking", RAND, 1996.

Динамичное развитие КНР, увеличение его совокупной мощи и вызываемый этим процесс изменения и переосмысления роли и места Китая в мире продолжают привлекать к себе внимание исследователей. Одному из существенных следствий этого феномена - усилению влияния китайских военных на выработку важнейших политических решений - посвятил свой новый доклад "Роль НОАК в определении политики по вопросам национальной безопасности" американский синолог Майкл Свейн.

Доклад подготовлен на базе Национального института по изучению проблем обороны по заказу Министерства обороны США в рамках более масштабного проекта "Глобальная и региональная стратегия Китая и политика США: динамика и выводы". Однако данная работа, похоже, стала хорошим подарком не только для Пентагона, но и для международного китаеведения. Майкл Свейн уже давно отличает добротное качество выдаваемой им интеллектуальной продукции¹. Предшествующими работами ученый поднял свою личную "планку" достаточно высоко. И надо признать, что "планка" была с успехом взята. Доклад отличает четкость мысли, строгая логика организации материала, широта охвата и глубина анализа.

Являясь специалистом по проблемам китайской армии, на страницах рецензируемой работы автор показывает себя неплохим знатоком Китая вообще. Он предлагает читателю взглянуть на НОАК то с внутривнутриполитического угла, то с точки зрения внешней политики и интересов безопасности, то добавляя элемент внутризлитарных взаимоотношений между гражданскими и военными иерархиями. Оставляя пока за скобками оценку анализа увиденного с того или иного ракурса, необходимо отдать должное эрудированности М.Свейна, владению им современной ситуацией в китайской властной пирамиде и обще-

стве в целом. В этом смысле доклад, на мой взгляд, выходит за рамки обозначенной в заглавии темы. Перед нами не просто работа о роли армии в формировании политики КНР в области безопасности, но исследование о месте армии в жизни страны, о голосе военных в "хоре" нынешнего коллективного руководства, о влиянии армейского руководства на реальное управление государством.

Обилие использованной литературы говорит об осведомленности автора обо всем, что написано и пишется в мире по интересующей его тематике. Ему удалось соединить фрагментарные и зачастую скудные (в силу традиционной закрытости военно-стратегической сферы в КНР) данные с результатами его "полевых" исследований, проведенных во время неоднократных посещений Пекина на протяжении последних лет.

Автор глубоко проникает в особенности функционирования китайского политического механизма в вопросах безопасности. При этом он не ограничивается изучением только лишь функций и деятельности правительственных органов, отвечающих за этот участок внешнеполитической работы, и не концентрируется на чисто военных аспектах. Одним из главных достоинств его аналитической разработки служит рассмотрение взаимодействия органов управления НОАК с гражданскими институтами, ведающими внешними связями, их подспудной борьбы за влияние на принятие решений, которая, как показывает М.Свейн, протекает с переменным успехом.

Автор подразделяет "макроарену" политики КНР в области национальной безопасности на четыре "субарены", которым соответствуют разные уровни руководства:

- определение национальных стратегических целей (высшее политическое и военное руководство);

- выработка внешней политики;
- выработка военной политики (на второй и третьей субаренах взаимодействуют гражданские и военные институты, отвечающие за выработку и реализацию внешней политики и политики в области обороны);

- стратегические исследования, анализ и разведка (рабочий уровень).

На этой основе М.Свейн рассматривает поведение основных коллективных и индивидуальных "актеров" каждой их субарен и характер их взаимодействия.

Автор справедливо отмечает, что процессы руководства сферой безопасности и деятельность компетентных структур в значительной степени деформализованы. В то время как часть системы является строго структурированной, другая часть (прежде всего это касается взаимоотношений высших руководителей и влиятельных ветеранов) отличается высокой степенью персонализации. М.Свейн делает вывод, что Политбюро ЦК КПК является "не тем органом, где принимаются высшие решения по вопросам национальной стратегии и безопасности": политику здесь определяет немногочисленный коллектив высших партийных, военных и отставных деятелей. Более того, многие члены Политбюро выступают всего лишь в роли консультантов этих могущественных политиков. Присутствие формального и личного моментов обнаруживается на всех уровнях системы, причем решающим чаще выступает именно фактор личной власти или авторитета.

Все четыре субарены функционируют в относительно жесткой вертикальной увязке. Более слабыми оказываются горизонтальные связи системы, особенно между военными и внешнеполитическими ведомствами. Относительная автономность различных секторов системы стала, по М.Свейну, предпосылкой для заметного повышения роли армейских структур в снабжении гражданских лидеров разведанными и собственными выводами из стратегического анализа. Это начинает существенно менять влияние генералитета на внешнюю политику КНР.

Отсутствие в постдэнзовскую эпоху "верховного арбитра", подчеркивает автор, потребует от партийных лидеров, высших гражданских чиновников и армейской верхушки более тесного сотрудничества, консултации, взаимных компромиссов. Такая ситуация предоставляет НОАК шанс укрепить свои позиции в политическом механизме и ввести дополнительных представителей в высшие органы власти, особенно в случае раскола в рядах высших партийных бонз. М.Свейн не исключает даже того, что крайняя слабость и нерешительность руководства и опасное обострение бюрократических споров могут побудить военных взять на себя более широкие полномочия в сфере безопасности.

Впрочем, возможно и обратное - и Свейн пишет об этом: сплоченность гражданского руководства способна вновь ослабить позиции армейских чинов. Решение этой задачи облегчает то обстоятельство, что новое поколение военачальников уже не обладает столь выдающимися политическими "ресурсами", как их почти харизматические предшественники - герои войн, боевые генералы. Многие здесь будет зависеть от эффективности усилий Цзян Цзэминя по утверждению собственного авторитета в стране и НОАК.

Изложение оживляют интересные образные сравнения и научно-лингвистические находки автора. Например, доказывая важный тезис о том, что ключевую роль в определении и осуществлении основных компонентов внешней и оборонной политики КНР на всех уровнях играет бюрократия и ее интересы, Свейн обращает внимание на то, что многие мероприятия в области безопасности проводятся "на автопилоте", т.е. без жесткого контроля со стороны высшего руководства.

В целом, доклад производит сильное впечатление. Вместе с тем ряд положений работы вызывают возражения. Наиболее неудачным мне представляется один из заключительных выводов автора относительно вероятности "продолжения фрагментации политической власти" даже в том случае, если высшему руководству удастся справиться

с основными угрозами "изнутри и извне". Согласно прогнозу М.Свейна, "будут появляться все более открытые формы состязательности как часть общего процесса рационализации и институционализации политической системы. В итоге армия может стать просто одним из многочисленных институтов, стремящихся к усилению своего влияния на разнообразных политических аренах"². Это заключение как будто бы не вытекает из подмечаемых автором тенденций и анализа, предлагаемого им на страницах доклада. В ряде других мест политолог указывает совсем на обратное: "Подобная диффузия (и смятение) власти может дать в руки НОАК дополнительные рычаги влияния на субарену национальных стратегических целей, так как соперничающие гражданские лидеры будут искать поддержки у потенциальных сторонников из числа военных"³.

Думается, что объективный и универсальный процесс рационализации и институционализации политических систем протекает в Китае не только замедленно, в борьбе с традицией, но и не обязательно должен означать распыление власти и децентрализацию системы принятия решений. Напротив, известного усиления централизации требуют и стоящие перед Китаем экономические задачи, и политико-культурные императивы, среди которых важное место занимает оценка эффективности режима в зависимости от степени его контроля над ситуацией. То же касается и армии. Ни само руководство НОАК, ни государство в целом не заинтересованы в полном уходе армии с политической сцены. Низведение НОАК до политического карлика представляется довольно проблематичным.

Я усматриваю в этой посылке противоречие между наблюдаемой М.Свейном политической практикой сегодняшнего Китая и распространенным в западной синологии убеждением, что КНР неминуемо движется к демократической модели государственного устройства чуть ли не классического западного образца. По всей видимости, пиетет молодого ученого перед такими маститами китаеведами, как К. Либертал и

Л.Диттмер (рисуя подобную перспективу эволюции политсистемы КНР, автор ссылается именно на его последнюю работу⁴), не позволил ему довести собственные рассуждения о будущем китайского политического механизма до логического финала.

Отсюда же, видимо, вытекают и некоторые, представляющиеся мне сомнительными предположения относительно оптимизации механизмы "обкатывания" межведомственных решений в области безопасности. Так, упоминая "соображения некоторых китайских стратегов и политиков"(?), составитель доклада пишет о целесообразности создания в Китае нового органа по типу американского (но с более внушительными полномочиями) - Совета национальной безопасности при президенте. Это якобы позволит усилить координацию мыслей и действий разных ведомств в данной области, заново выстроить властную вертикаль. Я не убежден, что китайская политическая элита сочтет такой орган необходимым: внесение, казалось бы, организующего начала может в условиях Китая затруднить процесс нахождения нюансированных компромиссов.

Отдельные оценки кажутся недостаточно обоснованными в работе, а то и вовсе неточными. В частности, рассуждения о степени влияния четырех основных фигур - Цзян Цзэминя, Ли Пэна, Лю Хуацина и Чжан Чжэня - на конечные решения в принципиальных вопросах, затрагивающих интересы безопасности страны, базируются на превратных представлениях об их политической обличке и потенциале. Скажем, вряд ли можно ставить на одну доску Лю Хуацина и Чжан Чжэня, которые хотя и являются формально равновластными заместителями председателя Центрального военного совета КНР, но выступают, так сказать, в разных "весовых категориях". Сегодня 80-летний Лю Хуацин не только единственный подлинный патриарх в НОАК, но и активный и амбициозный проводник армейских интересов и воззрений во всех областях - от внутренней пропаганды до внешней политики.

Наличие в каждой из вертикаль-

ных суперсистем (партия, госаппарат, армия) одновременно нескольких концептуальных направлений и в то же время отсутствие организационно оформленных групп интересов, равно как и открытой артикуляции самих интересов, тесное взаимопереплетение полей компетенций различных структур и особенно личных взаимоотношений создают весьма сложный и запутанный, но живой и жизнеспособный организм, который, как отмечает сам М.Свейн, развивается в сторону дальнейшего усложнения. Вследствие этого с натяжкой можно назвать плодотворной попытку автора описать политический процесс при помощи таблиц и схем, хотя следует отметить, что необходимая система-

тизация знаний о предмете при всех ее условностях воспринимается у Свейна именно как метод научного обобщения, нежели как грубое упрощение.

Резюмируя, можно сказать, что в высшей степени своевременная, написанная за злобу дня и со знанием дела работа М.Свейна станет квалифицированным путеводителем по мало изученным, а местами и доселе недоступным большинству исследователей коридорам китайской системы управления сферой национальной безопасности, способствовать лучшему пониманию механизма принятия политических решений в современной КНР и роли НОАК в этом процессе.

© 1997

К.Барский

-
1. Michael D.Swaine "The Military and Political Succession in China: Leadership, Institutions, Beliefs", Rand, 1992; Michael D.Swaine Chinese Regional Forces as Political Actors'in Richard H. Yang /Ed./ Chinese Regionalism: The Security Dimension', Westview Press, Boulder, Colorado, 1994; Michael D.Swaine 'The Modernisation of the PLA: Prospects and Implications for Northeast Asia', NBR Analysis, Vol. 5, No. 3, October 1994; MiChael D.Swaine 'Leadership Succession in China: Implications for Domestic and Regional Stability', RAND, 1995; Michael D.Swaine China: Domestic Change And Foreign Policy', Rand, 1995
  2. М. Свейн. The Role of the Chinese Military... С. XIII. - С. 81.
  3. Там же. - С. 76.
  4. Lowell Dittmer, 'Chinese Informal Politics', China Journal 16 No 34, July 1995.

В.О.Кистанов. "Япония в АТР: анатомия экономических и политических отношений" - М.: "Восточная литература" РАН, 1995 г. - 335 с.

В монографии Валерия Олеговича Кистанова впервые в отечественной научной литературе комплексно рассматриваются экономическая роль и политическое значение Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе на фоне общерегиональных процессов. Подробно анализируются проблемы, тенденции, особенности взаимодействия Японии с отдельными странами региона, делается попытка прогноза развития этих отношений на основе большого количества оригинальных японских источников, впервые вводимых в научный оборот. Вся работа посвящена осмыслению экономического и политического будущего Японии в АТР.

Монография структурирована в рамках восьми глав с емкими по смыслу введением и заключением. С полемическим накалом в ней проанализированы проблемы развития взаимоотношений Японии и США (через противоречия к взаимозависимости); японо-китайского взаимодействия (светотени экономического партнерства и зигзаги политических отношений); Юго-Восточной Азии как зоны приоритетных экономических и политических интересов Японии (в том числе АСЕАН и восточно-азиатское экономическое общество) и Корейского полуострова (трудное партнерство с Республикой Корея и тернистый путь к нормализации отношений с КНДР, проблематика объединения Кореи); возрастания экономического и политического присутствия Японии в Индокитае ("пробный камень" японской дипломатии - Камбоджа и стратегическая перспективность Вьетнама); взаимовыгодного экономического партнерства со странами южной части Тихого океана; мира и безопасности в АТР через призму роли Японии, а также российско-японских политических отношений (в их "мучительных попытках выхода из тупика") и торгово-экономического взаимодействия с его реалиями и потенциальными возможностями. Во введении автор очертил содержательные границы своего исследования, самокритично и справедливо подчеркнув, что "нельзя объять необъятное".

Концептуально выверенными представляются такие, в частности, послышки автора, что, во-первых, азиатское экономическое сотрудничество развивается снизу вверх усилиями оперирующих на уровне "корней травы" компаний, чьи действия мотивируются рыночными силами (по гипотетическому сравнению с интеграционными процессами сверху вниз в Европейском Союзе) и, во-вторых, активную катализирующую роль в АТР играют три организации экономического сотрудничества, возникшие в регионе за последнюю четверть века ("институциональная триада") - Тихоокеанский экономический совет (ТЭС), Совет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС), и организация Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС).

Евроазиатская Российская Федерация остается пока "за бортом" этих региональных процессов и организаций, как констатирует с резонным сожалением автор монографии.

В заключении своего исследования В.О.Кистанов приходит к логически обоснованному выводу о том, что распад биполярной системы мирового политического устройства (после поражения Советского Союза в "холодной войне" и исчезновения глобальной "коммунистической угрозы") привел к очередному переделу мира в сфере политического доминирования, в области борьбы за перераспределение природных ресурсов, рынков сбыта товаров и приложения капитала. Но при этом с высвобождением взамен биполярной конфронтации таких "дремавших" движущих сил и деструктивных для социально-экономического прогресса факторов, как агрессивный национализм, религиозная нетерпимость, этническая вражда, исторические "обиды" и т.п. (стр. 310).

Это силовое поле напряжений не будет полным, по нашему мнению, без учета также, во-первых, взрыва международного терроризма, преступности и коррупции в новых национальных ареалах рыночного пространства (государства на территории бывшего СССР, частично -

КНР, др.) и их адекватной модификации в ряде капиталистических стран - вотчин исторически устоявшегося, "добропорядочного" свободного рынка, во-вторых, проблем защиты окружающей среды и, в-третьих, дальнейшего обострения в Азии в середине 90-х годов территориальных претензий в отношении даже внешне как бы малозначимых для хозяйственной деятельности морских островов и акваторий.

Автор, правда, упоминает о том, что, например, "японо-южнокорейские территориальные противоречия связаны со взаимными претензиями на суверенитет над островами Такэсима" (стр. 141), а принятие в феврале 1992 г. закона о китайских территориальных водах провозгласило суверенитет КНР над островами Сэнкаку (Дяоюдао, которые находятся под управлением Японии (с. 73, 83, 84).

Прогностически обозначив эти вопросы в монографии, автор логически предсказал их обострение, что и произошло, в частности, в сентябре-октябре 1996 г., когда взрыв антияпонских настроений произошел (был сдирожирован?) одновременно в КНР, на Тайване, в Гонконге и Макао, формально в связи с 65-летием начала вторжения императорской армии Японии в Китай (Маньчжурский инцидент 1931 г. с нападением японцев на Южно-Маньчжурскую железную дорогу

. И если члены "Японской федерации молодежи" демонстративно ремонтируют сооруженный на спорном атолле Сэнкаку маяк (9.09.1996 г.), вызывая дипломатические протесты Китая, то последний в свою очередь конфронтационно разворачивает в этой акватории геологоразведочные работы на нефть и газ. Японская государственная нефтяная компания выступает за совместное международное развитие у островов Сэнкаку добычи углеводородного сырья. Тем временем японские военные корабли, например, 25.09.1996 г. активно патрулировали вокруг Сэнкаку, а антияпонские активисты Гонконга на судне "Киен Хва № 2" демонстративно высадились 29.09.96 г. на Сэнкаку, трагически потеряв одного бросившегося в плавь участника. Эта "акция протеста" против "японского милитаризма" активно пропагандистски поддерживается КНР и Тайванем.

В связи с новейшими рецидивами японо-китайского территориального спора (а также и японо-южнокорейского - летом 1996 г.) актуальной представляется пози-

ция В.О.Кистанова в аналитической оценке проблемы "северных территорий" в советско-, а затем, российско-японских отношениях (с. 85, 231-244, 253-254, 257). Эти отношения в политическом плане с 1956 г. находятся "в мучительных попытках выхода из тупика", поскольку, по емкому определению автора, "в коротком, по историческим меркам, отрезке времени судьбе было угодно не раз сталкивать Россию и Японию в кровавых схватках"

По мнению В.О.Кистанова, исходной базой политического решения территориального вопроса России и Японии "станет, видимо, Совместная декларация 1956 г.", тогда как по нашей оценке, такой основой объективно является подписанная в ходе визита президента Б.Н.Ельцина в Японию в октябре 1993 г. Токийская декларация, в пункте 2 которой, в частности, говорится: "Премьер-министр Японии и Президент России, будучи едины в своих взглядах на необходимость преодоления тяжелых пережитков прошлого в отношениях двух стран провели серьезные переговоры по вопросу принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Обе стороны согласны в том, что необходимо продолжить переговоры, направленные на скорейшее заключение мирного договора с тем, чтобы разрешить этот вопрос на основе исторических и юридических фактов, опираясь на согласованные ранее между обеими сторонами документы и исходя из принципов законности и справедливости, осуществив таким путем полностью нормализацию отношений между обеими странами". Можно указать, что в дискуссионном обиходе российско-японского разногласного диалога так или иначе присутствует несколько проектов решения спорной проблемы: "пятиэтапный план Ельцина", "двухэтапный план Ватанабэ", формула "два острова плюс альфа" и другие. Но любая инициатива решения спора, как нам представляется, должна оставаться в рамках международного права и не может не отталкиваться от положений Сан-Францисского мирного договора - результата договоренностей 49 стран-участниц мирной конференции, которая официально подвела для Японии итоги второй мировой войны и войны на Тихом океане.

В рецензируемой монографии проанализированы "потенциал и реальность" российско-японских торгово-экономических отношений. Хотя проблематика, в ча-

стности, регионального хозяйственного взаимодействия российского Дальнего Востока (активно вовлекаемого в международное разделение труда в АТР) с японскими фирмами и банками требует, по нашему мнению, дальнейшей углубленной проработки автором, особенно в свете успешно проведенного II-го совместного совещания Российско-Японского и Японо-Российского комитетов по экономическому сотрудничеству (апрель 1996 г.), начала реализации президентской "Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы" и освоения за счет ресурсов Японии и США нефтегазового шельфа острова Сахалин в соответствии с законом "О соглашениях о разделе продукции" и соответствующими постановлениями Правительства России.

При этом целесообразно прогнозировать наиболее перспективные сферы экономического сотрудничества России и Японии. По нашему убеждению, например, наращивание творческого взаимодействия рыбохозяйственных комплексов России и Японии - важнейший катализирующий фактор нормализации межгосударственных отношений и углубления взаимопонимания соседних дружественных народов. Можно вспомнить, что и послевоенное восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией с подписанием 19 октября 1956 г. Совместной декларации было в существенной степени ускорено экономической необходимостью хозяйственного российско-японского взаимодействия в сфере рыболовства. И не случайно поэтому российско-японское рыболовное соглашение было подписано в мае 1956 г., то есть ранее чем дипломатические документы о межгосударственных политических отношениях.

Авангардная роль и "политическая пробивная сила" рыболовства, в том числе в России и Японии, может, по мнению

ряда экспертов, положительно сказаться и на решении сложных региональных рыболовных проблем Северо-Восточной Азии. Дело в том, что в 1996 г. Япония, Республика Корея и КНР вошли в число государств, установивших 200-мильные исключительные экономические зоны (ИЭЗ). Тем более в условиях, когда Япония до этого времени применяла режим 200-мильной зоны в регионе лишь в отношениях с СССР и Россией, но исключала его действие в отношении Южной Кореи и Китая в районах к западу от 135 в.д. В стремлении сохранить положительный потенциал рыбохозяйственного сотрудничества в водах, которые будут разграничены 200-мильными ИЭЗ, эти три государства, как представляется, скорее всего будут искать пути того, как не обострить территориальные споры, сохраняющиеся между ними. В какой мере этот позитивный опыт может быть использован и в соответствующих российско-японских разногласиях - покажет время. Ведь в Северо-Восточной Азии рыба зачастую плывет впереди политики.

Некоторые из высказанных нами выше пожеланий в связи с рецензируемой монографией В.О.Кистанова были критически осмыслены им во время научной командировки в Японию в 1996 г., что нашло отражение в ряде последующих его публикаций в журнале "Азия и Африка сегодня" (№ 11, 1996 г.) и других его публикациях, а также в статьях "Станет ли Россия "азиатским драконом"?" и "Внешняя политика Японии накануне XXI века", опубликованных на японском языке в ведущих японских журналах: "Азиатские исследования - мировые тенденции" (№ 9-10, 1996 г.) и "Дипломатический вестник" (№ 10, 1996 г.)

Эти публикации свидетельствуют, что В.О. Кистанов обладает мощным творческим потенциалом экономиста и политолога, убежденного в своей исторической правоте русского ученого-патриота.

Юбилей ученого

Борису Николаевичу Занегину - 85 лет

В январе 1997 г. Занегину Б.Н., известному российскому ученому-китаеведу, исполнилось 85 лет.

Он родился 16 января 1912 г. в г. Серпухове в семье служащего. В 1942 г. окончил Московский Институт Востоковедения, а в 1955 г. - МГИМО МИД СССР. Участник Великой Отечественной войны (1942-1945). Награжден орденами и медалями СССР.

Сорок лет Борис Николаевич активно и плодотворно работает в академических центрах: в Институте китаеведения (1957-1960), Институте народов Азии (1960-1963), Институте экономики мировой социалистической системы (1963-1966), Институте Дальнего Востока (1966-1971), Институте США и Канады (с 1971 г.) В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1986 г. ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук за исследование "Консервативное направление в китайской политике США (1949-1984 гг.)". Опубликовал свыше 100 научных и публицистических работ, разнообразных по жанру и содержанию.

Большая часть его работ посвящена проблемам внешней политики США и Китая, особенно вопросам американо-китайских и советско-китайских отношений.

Работая в ИДВ, а затем в ИСК РАН, Борис Николаевич внес заметный вклад в развитие в отечественной историографии концепции американо-китайских отношений, их места и роли в мировой политике.

Его публикации отличают стремление ставить и решать крупные проблемы, глубокое знание предмета исследований и литературы по теме работы, интерес к прогнозированию важнейших процессов в международных отношениях.

Коллеги-китаеведы ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала от всей души поздравляют Бориса Николаевича Занегина с юбилеем и желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Василий Яковлевич Сидихменов (1913-1996)

7 декабря 1996 г. скоропостижно скончался известный российский ученый, кандидат экономических наук, ветеран Великой Отечественной войны, старейший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Сидихменов Василий Яковлевич.

Ушел от нас человек, с именем которого неразрывно связано развитие отечественного китаеведения, служению которому он посвятил всю свою жизнь.

Василий Яковлевич родился 1 января 1913 г. в г. Хабаровске в семье рабочего. В 1935 г. он окончил Дальневосточный государственный университет. После окончания действительной военной службы в 1935-1938 гг. В.Я.Сидихменов всю свою жизнь связал с Китаем, посвятив себя укреплению дружеских связей нашей страны с Китаем, служению отечественной науке. С 1938 г. по 1940 г. работал преподавателем китайского языка в Дальневосточном государственном университете. С 1940 г. по 1956 г. В.Я.Сидихменов снова в рядах Советской Армии, участвуя в Великой Отечественной войне на Дальнем Востоке. В 1953-1956 гг. он являлся советником журнала "Дружба" в Пекине. С 1956 г. по 1965 г. работал ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС. С 1966 г. и до конца своей жизни В.Я.Сидихменов работал старшим научным сотрудником в Институте Дальнего Востока РАН.

В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию. В.Я.Сидихменов - автор свыше 100 научных работ. В.Я.Сидихменова отличали широкий диапазон научных интересов, глубокое знание Китая, жизни его народа, высокий профессионализм и чувство ответственности за порученное ему дело. Широко известны его работы, посвященные традициям, нравам, обычаям, верованиям китайцев, жизни Китая в период правления маньчжурской династии. Василий Яковлевич был постоянным автором нашего журнала.

Блестящий знаток китайского языка и китайского быта, В.Я.Сидихменов подготовил многочисленные кадры советских китаеведов, возглавляя на протяжении ряда лет кафедру китайского языка в Военном институте иностранных языков.

Родина высоко оценила ратные и трудовые успехи В.Я.Сидихменова - он награжден двумя орденами Великой Отечественной войны, Орденом Красной Звезды, Орденом Знак Почета, многими медалями.

Все, кто знал В.Я.Сидихменова, кто работал и дружил с ним, навсегда сохранят в памяти светлый образ хорошего, обаятельного человека, беззаветного труженика и высококвалифицированного китаеведа, который отдал всю свою жизнь служению Родине, отечественной науке.

*Редакция и редколлегия журнала
"Проблемы Дальнего Востока"*

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.12.96 г. Подписано к печати 15.01.97 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл.кр.-отт. 14,3 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 5,0
Тираж 1100 экз. Зак. 1006.

Оригинал-макет © 1997 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в Московской типографии №2 РАН, 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.